

ВЕСТНИК

ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

Вып. 4, 2011

История

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16954 от 5 декабря 2003 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- В. Н. Егоров*, д-р экон. наук
(председатель)
Д. И. Польшвинный, д-р ист. наук
(зам. председателя)
В. И. Назаров, д-р психол. наук
(зам. председателя)
Л. В. Михеева (ответственный секретарь)
К. Я. Авербух, д-р филол. наук (Москва)
Ю. М. Воронов, д-р полит. наук
Н. В. Усольцева, д-р хим. наук
К. Префке, профессор (Германия)
Ю. М. Резник, д-р филос. наук (Москва)
О. А. Хасбулатова, д-р ист. наук

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»:

- Д. И. Польшвинный*, д-р ист. наук,
(главный редактор серии)
О. М. Карнова, д-р филол. наук
А. Н. Таганов, д-р филол. наук
Э. В. Кромер, канд. филол. наук
А. А. Корников, д-р ист. наук
К. Е. Балдин, д-р ист. наук
В. М. Тюленев, д-р ист. наук
Г. С. Смирнов, д-р филос. наук
Т. Б. Кудряшова, д-р филос. наук
Д. Г. Смирнов, канд. филос. наук

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история

Евсеев В. А. Особенности социально-экономического развития малых городов Западного Мидленда в начале раннего Нового времени 5

Бандурин М. А., Чернопёров В. Л. Мюнхенский договор 1938 г. как кризис британской и германской дипломатии (Попытка нового прочтения) 11

Садовская В. Ю. Роль социальной памяти в подготовке объединения Германии в конце XX в. 20

Усманов С. М., Борзова И. С. Белорусские интеллектуалы и политические трансформации в постсоветской Украине 26

Польшвинный Д. И. Болгарская медиевистика в период посткоммунистического транзита 31

Отечественная история

Балдин К. Е. Церковная благотворительность провинциальных предпринимателей во второй половине XIX — начале XX в. (На примере губерний Верхней Волги) 38

Степанов А. В. Политическая элита России начала XX в. глазами поэта и гражданина: И. И. Тхоржевский и его мемуары 49

Чернов Л. А. Униформа офицеров русской армии в Маньчжурии в годы русско-японской войны 1904—1905 гг. 62

Ильин Ю. А. Коммунальная энергетика г. Иваново-Вознесенска в период Первой мировой

войны и Февральской революции (лето 1914 — 1917 г.) **68**

Горюнова А. Г. История деятельности Всероссийского добровольного общества «Долой неграмотность» в советской и современной историографии **78**

Смирнова С. Т. Зарисовки к портрету А. В. Луначарского: по свидетельствам современников **83**

Точёнов С. В. Строительство оборонительных сооружений на территории Ивановской области в 1941—1943 гг. **90**

Рецензии

Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Рецензия на кн.: *Аверин В. А.* Ивановский край в эпоху мезолита. Иваново, 2011 **97**

Аннотации **100**

Summaries **104**

Сведения об авторах **108**

Информация для авторов
«Вестника Ивановского
государственного университета» **110**

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39, к. 362
тел./факс (4932) 32-66-00
e-mail: dipol53@mail.ru

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*
редакторы: *М. Б. Балябина, О. В. Батова,*
О. В. Боронина, О. Я. Литвак
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Г. Б. Клецкина*

ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия «Гуманитарные науки»
2011. Вып. 4. История

Подписано в печать 18.11.2011 г. Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 9,8. Уч.-изд. л. 7,7. Тираж 300 экз.

IVANOV STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series “The Humanities”

Issue 4, 2011

History

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Russian Federation Ministry
of Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communications
Registration certificate PI № 77-16954 of December 5, 2003

EDITORIAL COUNCIL:

- V. N. Egorov*, Doctor of Economics (Chairman)
D. I. Polyvyanny, Doctor of History
(Vice-Chairman)
V. I. Nazarov, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)
L. V. Mikheeva (Secretary-in-Chief)
K. Ya. Averbukh, Doctor of Philology
(Moscow)
Yu. M. Voronov, Doctor of Politics
N. V. Usoltseva, Doctor of Chemistry
K. Prefcke, Professor (Germany)
Yu. M. Reznik, Doctor of Philosophy (Moscow)
O. A. Khasbulatova, Doctor of History

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES “THE HUMANITIES”

- D. I. Polyvyanny*, Doctor of History
(editor-in-chief of the series)
O. M. Karpova, Doctor of Philology
A. N. Taganov, Doctor of Philology
E. V. Kromer, Candidate of Science, Philology
A. A. Kornikov, Doctor of History
K. E. Baldin, Doctor of History
V. M. Tyulenev, Doctor of History
G. S. Smirnov, Doctor of Philosophy
T. B. Kudryashova, Doctor of Philosophy
D. G. Smirnov, Candidate of Science,
Philosophy

Index of subscription
in the catalogue “Russian Press” 41512

Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

© Ivanovo State University, 2011

CONTENTS

General history

Evseev V. A. Peculiarities of social and economic development of small towns in West Midland in the beginning of Early Modern Time 5

Bandurin M. A., Chernopyorov V. L. Munich agreement of 1938 as the crisis of British and German diplomacy (New attempt of reading) 11

Sadovskaya V. Yu. The role of social memory in the preparation of unification of Germany in the end of XX century 20

Usmanov S. M., Borzova I. S. Belorussian intellectuals and political transformations in post-Soviet Ukraine 26

Polyvyanny D. I. Bulgarian medieval studies during the period of post-communist transition 31

Russian history

Baldin K. E. The church charity of province businessmen in the second half of XIX — the beginning of XX centuries (Based on examples of Upper Volga provinces) 38

Stepanov A. V. Political elite in early XX century Russia through the eyes of a poet and a citizen: Ivan Tkhorzhevsky and his memoirs 49

Chernov L. A. Russian officers' uniform in Manchuria during the Russo-Japanese War 1904—1905 62

Ilyin Yu. A. Municipal power engineering of Ivanovo-Voznesensk in the period of First World War and February Revolution (summer 1914 — 1917) 68	Kostyleva E. L., Utkin A. V. Book review: <i>Averin V. A.</i> Ivanovo region in Mesolithic epoch. Ivanovo, 2011 97
Goryunova A. G. The history of work of All-Russian voluntary society «Down with Illiteracy» in the Soviet and present-day historiography 78	Annotations 100 Summaries 104
Smirnova S. T. Sketches to the portrait of Anatoly Vasiljevich Lunacharsky: on the basis of evidences of contemporaries 83	<i>Information about the authors</i> 108
Tochenov S. V. Building of defense constructions in Ivanovo region in 1941—1943 92	Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin» 110
Reviews	

Address of the editorial office:
153025, Ivanovo, Ermak str., 39, office 362
tel./fax (4932) 32-66-00

e-mail: dipol53@mail.ru

Editorial staff:

Publishing house director *L. V. Mikheeva*

Editors: *M. B. Balyabina, O. V. Batova,*
O. V. Boronina, O. Ya. Litvak

Technical editor *I. S. Sibireva*

Computer layout *G. B. Klyotskina*

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ ЗАПАДНОГО МИДЛЕНДА В НАЧАЛЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Изучение различных аспектов истории города доиндустриальной эпохи выступает одним из приоритетных направлений исторической науки, особенно в контексте современных исследовательских направлений. История перехода английского общества от феодализма к капитализму предполагает рассмотрение широкого круга вопросов. Один из них — социально-экономическое развитие городов в XVI—XVII вв. — на рубеже средневековья и нового времени.

Эпоха раннего Нового времени — XVI—XVII вв. была чрезвычайно сложна для английских городов. Этот переходный период оказал огромное влияние на всю их последующую историю, т. к. в это время происходило разложение старых (феодалных) отношений и возникновение новых (капиталистических). Эти решающие факторы привели к значительным изменениям во всех сферах городской жизни — от экономики до идеологии, что означало новый этап в развитии городов, который нашел свое отражение в обширной литературе, опубликованной историками за последние десятилетия [1, с. 3—15, 136—139; 2, с. 9—34].

Перед английским обществом XVI—XVII вв. стоял ряд важных проблем. Упадок экономики в старых корпоративных городах, особенно в первой половине XVI в., был одной из них. Это связано с дальнейшим замыканием цехов, ужесточением муниципальной и цеховой регламентации, конкуренцией сельского ремесла. В то же время, наряду со старыми корпоративными городами возникали новые, где не было цехового и муниципального регулирования и где развивались новые центры промышленности уже на капиталистических началах, организованные в виде рассеянной и централизованной мануфактуры. Одним из таких новых промышленных городов к середине XVII в. стал Бирмингем.

Бирмингем и Уорик к началу раннего Нового времени были мелкими рыночными городками, которые располагались в Западном Мидленде.

Ландшафт региона носил равнинный характер с небольшими холмами в районе Бирмингема, где шел водораздел бассейнов Трента и Северна. Западный Мидленд имел большие запасы железной руды и каменного угля, залежавшего недалеко от поверхности. Поэтому его добыча началась здесь достаточно рано — в XIII в. [9, р. 174]. Залежи каменного угля в основном располагались на стыке трех графств в районе Бирмингема. Наличие сырья для тяжелой промышленности стало одним из важных факторов, способствовавших бурному экономическому развитию региона, особенно в период промышленной революции.

В отличие от Юго-Западного и Восточного регионов Англии плотность населения в Западном Мидленде в развитое средневековье (XIV в.) была невелика и составляла менее 9 человек на 1 кв. км [3, с. 89]. В начале XVII в. лишь Вустершир имел плотность населения на 12 % выше, чем в среднем по стране, а Стаффордшир и Уорикшир соответственно на 1,5 % ниже средней [3, с. 198].

Невысокая плотность населения в Западном Мидленде в развитом средневековье отразилась, в частности, и на количестве городов, как и в Припеннинском регионе их было немного. Современные английские исследователи в XVI в. обычно упоминают два крупных корпоративных города — Ковентри и Вустер [11, р. 176—177; 12, р. 203; 13, р. 42, 116]. Первый из них в начале XVI в., по мнению некоторых историков (Ч. Адамс, Д. Пэллсер), приближался к рангу провинциальной столицы [12, р. 217; 14, р. 11], хотя другие (П. Кларк, П. Слэк, Дж. Петтен) не включают город в данную категорию [6, р. 10; 13, р. 52].

Ковентри и Вустер считались самыми крупными корпоративными городами региона. Большинство же городов региона относилось к простым рыночным центрам. В Западном Мидленде 90 % городов подобного типа были под манориальным управлением. Их население в начале XVI в. составляло обычно около 1000 человек [10, р. 1]. Судьба этих городов в Западном Мидленде в XVI—XVII вв. была различной. Большинство из них остались в этом классе городов, а некоторые трансформировались в тип новых промышленных центров, появившихся в Англии в описываемый нами период. К первым относились Ившем, Дройтуич, Стратфорд, Уорик и другие, а к последним — Бирмингем, Вулвергемптон, Уолсолл. Для характеристики этих групп возьмем два города — Уорик и Бирмингем. В начале XVI в. они еще принадлежали к одному типу городов — некорпоративных рыночных центров — и находились примерно на одном уровне. Таблица 1 показывает, что в 1523/24 г. Бирмингем выплатил более 23 фунтов налога, Уорик — почти 15, Ившем — 25, Стратфорд — 29 фунтов.

Таблица 1

**Рейтинг малых городов Западного Мидленда в XIV—XVI вв.
(по данным налогообложения) [10, р. 4]**

Город	Количество налога в 1334 г.	Количество налога в 1523/24 г.	Число налогоплательщиков в 1523/24 г.
Ившем	8 ф. 5 ш. 6 п.	25 ф. 7 ш.	121
Першо	4 ф. 4 ш.	10 ф. 9 ш. 2 п.	78
Стратфорд	8 ф. 14 ш.	29 ф. 8 ш. 10 п.	91
Уорик	13 ф. 3 ш.	14 ф. 17 ш. 11 п.	130
Уичкомб	7 ф. 2 ш.	8 ф. 10 ш.	130
Бирмингем	9 ф. 8 ш.	23 ф. 9 ш. 6 п.	153

Уорик являлся административным центром одноименного графства. Однако экономическое состояние города не соответствовало его политическому и социальному статусу. В конце XIII в. в Уорике насчитывалось 20 торгово-ремесленных специальностей. С начала XV в. на день св. Бартоломея в городе проводилась трехдневная ярмарка. Большинство ее посетителей приходили из ближайшей округи графства [20, р. 481, 505]. Отрицательно сказывалось на судьбе Уорика отсутствие судоходной реки и основных сухопутных путей.

Таблица 2

Структура занятости горожан Уорика в XVI в. (по данным завещаний) [5, р. 52]

Виды занятий	1542—1570 гг.		1571—1602 гг.	
	Количество	%	Количество	%
Аграрные	24	30,8	23	27,4
Кожевенная	17	21,8	18	21,4
Деревообработка	3	3,8	2	2,4
Торговые	6	7,7	9	10,7
Металлообработка	5	6,4	1	1,2
Продуктовые	9	11,5	11	13,1
Сукноделы	7	9,0	8	9,5
Отделочники	2	2,6	3	3,6
Строители	—	—	4	4,7
Обслуживающие и интеллигенция	3	3,8	—	—
Рабочие	—	—	3	3,6
Слуги	2	2,6	2	2,4
Всего	78	100	84	100

Экономическая структура Уорика была характерна для небольших рыночных городков. Таблица 2 показывает, что в середине XVI в. почти 31 % его жителей были заняты сельским хозяйством; 22 % — кожевенным производством; 11,5 % — продуктовым ремеслом; 9 % — сукноделием, 7,7 % — торговлей; 6,4 % — металлопроизводством. Вместе они давали 87 % всего трудозанятого населения. К началу XVII в. положение в городе почти не изменилось. Аграрный сектор сократился на 3 %, металлопроизводство — на 5 %, а количество торговцев и представителей продуктовых специальностей выросло соответственно на 3 и 1,6 %. Почти такие же показатели у другого городка Мидленда — Ашби де ла Зуш [7, р. 88—89]. Подобная структура с преобладанием аграрных занятий была и в мелких городках Припеннинского региона.

Кожевенное производство являлось ведущей отраслью промышленности Уорика. Однако оно было широко представлено и в других городках Мидленда, которые, естественно, создавали конкуренцию для Уорика. Следовательно, можно отметить застойный характер экономики данного городка.

Экономическое развитие Уорика не соответствовало его демографическому росту. В 1544 г. в городе было 1700 жителей. В 1563 г. — 2000, в 1586 г. — 2500, в 1670 г. — 2800 [5, р. 53]. 2/3 прироста населения пришлось на период с 1544 по 1586 г. Частично это можно объяснить общим ростом населения в стране, которое увеличилось примерно на 1/3 во второй половине XVI в. [21, р. 162]. Однако город рос не только за счет естественного прироста, но и с притоком иммигрантов, многие из которых были пауперами. Почти каждый десятый из бедняков Уорика в 1587 г. был недавним пришельцем [20, р. 418]. Основное количество бедных шло из ближайшей округи и соседних графств Мидленда радиусом 50 миль [5, р. 56—57], поскольку этот регион в XVI в. более всего подвергался огораживанию. Неразвитая экономика Уорика вела к еще большему росту числа бедных с увеличением населения города, ибо пауперов негде было трудоустроить из-за отсутствия достаточно разнообразной промышленности. Около 30 % населения города в 1582 г. числилось пауперами, о чем свидетельствует таблица 3. Это на 7—8 % ниже, чем в таком крупном промышленном центре, как Норидж [5, р. 63], где было больше шан-

сов получить работу. Отношение к бедным было такое же, как и в других городах: местных пауперов пытались поддержать, а пришлых — изгнать. В середине XVII в. Уорик еще более усилил свою социально-политическую значимость, став центром для местных джентри, но его экономика по-прежнему отставала и в 1660 г. насчитывала всего 30 видов занятий [5, p. 53].

Таблица 3

Социально-имущественная структура горожан прихода св. Марии в Уорике в 1582 г. (по данным налогообложения для бедных) [5, p. 58]

Платящие налог		Обеспечивающие себя сами		На грани бедности		Получающие помощь		Итого	
Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
99	26,5	164	44	68	18,2	42	11,3	373	100

Иная судьба сложилась у рыночных городков вокруг Бирмингема, которые на рубеже XVI—XVII вв. стали превращаться в крупные промышленные центры. Основой экономического развития района Бирмингема стала металлургическая промышленность, использующая благоприятные местные факторы: во-первых, наличие в этом регионе на стыке трех графств (Уорикшира, Вустершира и Стаффордшира) естественных ресурсов (каменного угля, железа, леса и воды); во-вторых, отсутствие конкуренции со стороны крупных городов региона — Ковентри и Вустера, где преобладало сукноделие. Поэтому железодельная промышленность в округе Бирмингема развивалась свободно — без цеховых и государственных ограничений; в-третьих, удобные транспортные пути для вывоза своей продукции на рынки через долины Северна и Трента, которые связывали регион с Западом, Центром и Востоком Англии, хотя на Тренте навигация была несколько ограничена из-за песчаных отмелей. Часто перевозка сырья стоила слишком дорого, в частности — доставка дерева или древесного угля на дальние расстояния. Поэтому размещение металлургии в эпоху средневековья и раннего Нового времени зависело от обеспечения топливом. Например, в Деканском лесу (в Мидленде) в начале XVII в. на выплавку двух тонн железа шло три тонны топлива [7, p. 87].

Бирмингем располагался в зоне, покрытой лесом, между долинами рек Тейма и Кола. С востока к нему примыкал Арденский лес. В районе Бирмингема долины этих рек были наиболее удобны для переправы товаров из южного Стаффордшира в Уорикшир, т. е. через город проходили важные торговые пути. В XII—XIII вв. Бирмингем получает ряд торговых привилегий. Однако подобные рыночные права имели многие городки как местные центры обмена аграрной продукцией. Город рос и в 1347 г. был уже третьим в графстве после Ковентри и Уорика по выплатам налога [10, p. 4]. В начале XV в. в Бирмингеме наиболее развитым являлось кожевенное производство [16, p. 4]. Наряду с ним в городе существовали сукноделие и металлообработка, которая в начале XVI в. еще не являлась доминирующей отраслью в его экономике. В 1535 г. Д. Лейланд отмечал там большое количество кузнецов. В это время профессии сукнодела и кожевенника считались более важными, чем профессия металлиста [19, p. 78—81]. В середине XVI в. соотношение в структуре занятости начинает меняться от кожевенников и сукноделов в пользу металлистов,

но лишь только к концу столетия количество последних стало преобладать. У. Камден, посетивший Бирмингем в 1590-е гг., отмечал многочисленность плавильен, а также богатство местных торговцев скобяными изделиями [19, р. 81]. К этому времени многие мельницы в долине Тейма стали использоваться в металлопроизводстве, и для этих же целей строились новые. К концу XVI в. Бирмингем начал экспортировать оружие в Ирландию [18, р. 195]. Торговлей металлоизделиями от сырого железа до готовой продукции занимались специальные торговцы (скобянщики). В 1625 г. крупнейшие скобянщики из Бирмингема — братья Дженнес стали торговать даже в Лондоне [19, р. 83]. Однако в начале XVII в. такие дальние поездки местных предпринимателей были скорее исключением, чем правилом. Многие металлисты Бирмингема сочетали аграрный и ремесленный труд. До середины XVII в. значительных изменений в экономической активности Бирмингема не произошло. Военные действия в период Английской революции резко стимулировали производство оружия в городе. Только один из местных оружейников поставил парламентской армии 15 тыс. мечей [19, р. 84]. К концу XVII в. производство пушек стало новой ведущей отраслью в Бирмингеме, что опять-таки стимулировалось войнами, происходившими в конце XVII в. Такая скачкообразность экономического развития города отражалась и на его демографии. В 1520-е гг. в Бирмингеме насчитывалось 1000 жителей, в 1535 г. — 1200, в 1599 г. — 1700, в 1666 г. — 5000, в 1700 г. — 10 000 человек. В XVI в., судя по таблице 4, население города удвоилось. В XVII в. оно выросло в 5 раз, а за два столетия увеличилось в 10 раз. Рост населения шел и в соседних с Бирмингемом городах, где также развивались металлургическая и угольная отрасли [8, р. 46]. Добыча угля в Мидленде с середины XVI и до конца XVII в. увеличилась в 14 раз [9, р. 174; 17, р. 187]. Количество жителей в Уолсоле выросло с 800 человек в 1520 г. до 3000 в 1662 г., а в Вулвергемптоне — с 750 до 1500 [13, р. 123]. Рост экономического благосостояния Бирмингема отразился и на увеличении выплаты налогов. В 1635 г. город должен был выплатить 100 фунтов корабельного налога, Ковентри — 266, а Стратфорд — 50 [4, р. 2; 15, р. 55]. Социальная структура Бирмингема уже в середине XVI в. начала отражать его будущую промышленную направленность. Данные регистра прихода св. Мартина показывают, что 60 % населения города были наемными рабочими, подмастерьями и учениками; 25 % — независимыми мелкими ремесленниками; 15 % — зажиточными горожанами [20, р. 8].

Таблица 4

Рост населения в промышленных городах Западного Мидленда в XVI—XVII вв.
[13, р. 100, 103, 106, 109, 110, 123]

Город	Год						
	1520	1532	1563	1599	1603	1660	1700
Бирмингем	1000	1200		1700	2000—3000	5472	10 000
Уолсол	800		1300—1400			3000	
Вулвергемптон	750					1500	

Подводя итоги социально-экономическому развитию городов Западного Мидленда, следует отметить, что в XVI в. в нем еще преобладали старые кор-

поративные города — Ковентри и Вустер с ведущей отраслью — сукноделием. Особенностью экономической структуры этих городов являлось значительное доминирование в них текстильной отрасли, в которой было занято более половины всей рабочей силы. В то же время, в них была мала доля торговцев. Это, в свою очередь, влияло на социально-имущественное положение Ковентри и Вустера, создавая в них значительный слой бедного населения, достигавшего около половины жителей.

В XVII в. экономическое первенство от старых корпоративных городов региона переходит к новым индустриальным центрам во главе с Бирмингемом, который к концу XVII в. стал самым крупным городом Мидленда [21, р. 160]. Бурный рост нового промышленного города поставил его в центр экономической жизни региона, что повлияло на его развитие. Такой образец развития городов Западного Мидленда имеет много общих черт с Припеннинским регионом, где ведущими промышленными центрами, оттеснив Йорк и Беверли, становятся Лидс, Галифакс, Уэйкфилд. Вместе с тем, следует сказать, что в XVI в. Западный Мидленд еще не стал в экономическом отношении конкурентом другим регионам. Его будущее промышленное развитие лишь только обозначилось на рубеже XVI—XVII вв., но в течение XVII в. оно вывело этот регион на один уровень с остальными.

Библиографический список

1. *Евсеев В. А.* Английский город в Тюдоровскую эпоху: регионы и города. Иваново, 1995. 153 с.
2. *Евсеев В. А.* Очерки по истории английского города раннего Нового времени. Иваново, 2010. 228 с.
3. *Самаркин В. В.* Историческая география Западной Европы в средние века. М., 1976. 248 с.
4. A concise history of Birmingham. Birmingham, 1808. 78 p.
5. *Beier A.* The social problems of an Elizabethan county town: Warwick, 1580—90 // County towns in pre-industrial England / ed. by P. Clark. Leicester, 1981. P. 46—87.
6. *Clark P., Slack P.* English towns in transition, 1500—1700. L., 1976. 176 p.
7. *Clarkson L. A.* The pre-industrial economy in England, 1500—1750. L., 1971. 260 p.
8. *Coleman D. C.* The economy of England, 1450—1750. Oxford, 1977. 223 p.
9. *Drabble R.* Staffordshire. L., 1948. 236 p.
10. *Hilton R.* The small town and the urbanisation of Evsham in the middle ages // Midland history. 1982. Vol. 7. P. 1—17.
11. *Hoskins W.* Local history in England. L., 1959. 186 p.
12. *Palliser D. M.* The age of Elizabeth. L., 1984. 450 p.
13. *Patten J.* English towns in 1500—1700. Folkstone, 1978. 348 p.
14. *Phylian-Adams Ch.* Desolation of a city : Coventry and the urban crises of the late middle ages. L. ; N. Y., 1979. 350 p.
15. *Renshav T.* Birmingham : its rise and progress. Birmingham, 1932. 147 p.
16. The city of Birmingham : official handbook. Birmingham, 1950. 228 p.
17. The Victoria history of the county of Stafford. L., 1908. Vol. 1. 379 p.
18. The Victoria history of the county of Warwick. L., 1908. Vol. 2. 468 p.
19. The Victoria history of the county of Warwick. L., 1964. Vol. 7. 598 p.
20. The Victoria history of the county of Warwick. L., 1969. Vol. 8. 568 p.
21. *Wrigley E. A.* People, cities and wealth : the transformation of traditional society. Oxford, 1987. 348 p.

ББК 63.3(4Гем)613

*М. А. Бандурин, В. Л. Чернопёров***МЮНХЕНСКИЙ ДОГОВОР 1938 г.
КАК КРИЗИС БРИТАНСКОЙ И ГЕРМАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ
(Попытка нового прочтения)**

Авторы не отрицают того, что Мюнхенский договор от 30 сентября 1938 г. был вызван кризисом Версальской системы международных отношений, порожденным прежде всего победителями в Первой мировой войне — Великобританией и Францией, которые не сумели сохранить новый миропорядок. Этот самоочевидный факт отражен во множестве исследований. Статья направлена на другое — показать, что Мюнхенское соглашение явилось кризисом британской и германской дипломатии, и пригласить к дискуссии по проблеме заинтересованного читателя.

Несмотря на то что с сентября 1938 г. прошло более семидесяти лет, трактовка предыстории Мюнхенского сговора остается односторонней. Общее место как отечественных, так и зарубежных исследований — недостаточное внимание к нацистской дипломатии как самостоятельному явлению на международной арене. Гитлеровская Германия предстает как спонтанно агрессивная сила, которую необходимо было либо направить на восток, т. е. на СССР, — подход, характерный для отечественной науки советского времени и работ идейно близких авторов из социалистического лагеря (см., напр.: [10, 11, 12]), либо «умиротворить» — подход, свойственный западной историографии, которая к тому же не раз обращала внимание на юридическую правомочность подписанных в Мюнхене договоренностей (см., напр.: [19]). В контексте западного взгляда на проблему характерно мнение основателя «ревизионистского» направления в зарубежной историографии А. Д. Тейлора, который писал: важнее понять то, почему Великобритания в конце концов объявила войну Германии 3 сентября 1939 г., чем пытаться объяснить действия А. Гитлера на протяжении предвоенного периода, которые в основном диктовались конкретной ситуацией [22, р. 3].

Результатом положения, сложившегося в международной историографии, стало то, что подписание Мюнхенского договора в 1938 г. остается весьма загадочным событием. Вместе с тем ясно, что именно он стал главной причиной начала большой европейской войны в сентябре 1939 г. По нашему мнению, завесу с событий конца сентября 1938 г. удастся снять лишь при грамотном выстраивании исторических фактов в их последовательности и взаимосвязи начиная с 1933 г. Для этого в методологическом плане важно, во-первых, внимательно отнестись к целям гитлеровской дипломатии на международной арене, во-вторых, выделить основной фактор эскалации новой войны в Европе в 1930-е гг. Лишь такой подход позволит ответить, почему Мюнхенский договор, который по форме и по существу был направлен на мирное урегулирование конкретной международной проблемы, привел в конечном итоге к войне.

Начнем с первого вопроса. Для национал-социализма, утвердившегося в Германии в 1933—1934 гг., была характерна идея тысячелетнего Третьего

© Бандурин М. А., Чернопёров В. Л., 2011

рейха. Это государство виртуально включало в себя всех немцев, проживавших в границах Веймарской республики и за ее пределами, прежде всего в Австрии, Чехословакии, Польше, Данциге (Гданьске), Мемельском (Клайпедском) крае. Эта общность немецкого народа называлась Volksgemeinschaft («общность народа-расы», в соответствии с расовыми идеями нацизма) [15, с. 13]. А. Гитлер являлся фюрером (вождем) этой общности и соответственно рейха. Таким образом, на международной арене нацизм, завоевавший власть в начале 1930-х гг. только в веймарских границах, сразу же априори выступил как надгосударственная, имперская идеология. В этом заключалась первая цель внешней политики Гитлера — объединить немцев в едином рейхе. Ее можно охарактеризовать как спонтанный аспект этой политики, т. к. немцы, проживающие за пределами кайзеровской Германии, уже в момент окончания Первой мировой войны продемонстрировали стремление к объединению [6, с. 27—63]. Оно не исчезло и с установлением на Парижской мирной конференции 1919 г. Версальского миропорядка (см., напр.: [3; 6, гл. 2]), который привел к тому, что миллионы этнических немцев оказались в сопредельных с Веймарской Германией странах на положении национальных меньшинств. В этом смысле тезис о том, что немецкий народ сильно влиял на внешнеполитические действия Гитлера, совершенно справедлив.

Второй целью внешней политики Гитлера было завоевание для немецкого народа «жизненного пространства» (Lebensraum) [20, р. 933—968]. Тейлор справедливо отмечает, что эта цель была наиболее аморфной, поскольку не совсем ясно, что включало в себя это понятие. Он также отметил, что в книге Гитлера «Моя борьба» этому вопросу посвящено всего семь страниц [22, р. 8]. Тем не менее в нацистской риторике эта цель артикулировалась довольно активно. Причем указывалось, что речь идет о территориях, заселенных неполноценными с расовой точки зрения народами, которые следовало завоевать и колонизировать. Однако в полном объеме это станет понятно в ходе Второй мировой войны. В 1930-е гг. многим даже искушенным в политике современникам до конца так и не удалось понять, что же такое Lebensraum. Например, У. Черчилль полагал, что «жизненное пространство» — это то, что приобреталось Гитлером за счет включения в состав рейха немецких меньшинств за рубежом [14, с. 128].

Последней — третьей — целью внешней политики Гитлера было возвращение стране статуса великой державы. И именно эта цель являлась ведущей. Ее осуществление априори предусматривало слом Версальской системы международных отношений. И здесь Гитлер готов был пойти на силовой вариант решения проблемы. Этот аспект внешней политики нацистов следует охарактеризовать как волевой, т. к. предстояло разрубить в режиме Realpolitik уже установившуюся антигерманскую систему силовых конвенций. Причем в итоге сохранить страну, сделать ее ведущим мировым актором и расширить границы. Мнение о готовности фюрера к силовому решению международных проблем находит дополнительное подтверждение в свидетельствах о планировании нацистским руководством серии локальных войн. Правда, некоторые исследователи считают, что эта позиция документально подтверждена недостаточно (см., напр.: [17]).

Выявленная выше готовность Гитлера к войне со временем стала предметом не вполне правомерных суждений. Так, исследователи задним числом объявили известный сценарий развития событий — присоединение Рейнской области в 1936 г., аншлюс Австрии в 1938 г., аннексию Чехословакии в два

этапа в 1938 и 1939 гг., нападение на Польшу в 1939 г. и, наконец, серию «молниеносных кампаний» в 1939—1940 гг. — осуществлением плана, изначально намеченного германским руководством. Однако такой подход принципиально мешает понять причины Второй мировой войны, особенно в аспекте «чехословацкой проблемы».

Теперь перейдем к вопросу, можно ли выделить основной фактор эскалации войны в море второстепенных деталей. По нашему мнению, данный фактор действительно существовал — это геополитическое размежевание интересов Британской империи и Третьего рейха.

Казалось бы, для Гитлера и его дипломатов сразу после пришествия нацистов к власти в январе 1933 г. и утверждения их диктатуры в первые годы идеальным вариантом был бы отказ от активной внешней политики, ибо резкие шаги в условиях существовавшей Версальской системы могли привести к самым непредсказуемым последствиям. В повестке дня должны были бы стоять внутривнутриполитические вопросы: упрочения власти, обеспечения контроля над армией и постепенного наращивания ее боеспособности, эффективного выхода из социально-экономического кризиса. Этого не произошло. Внешнеполитический вакуум для весьма крупного государства, каким являлась Германия, которая к тому же с 1920-х гг. оказалась вовлеченной в мировую игру заключенными международными соглашениями, был уже просто невозможен.

С начала 1930-х гг. ключевым актором на международной арене, с которым гитлеровская дипломатия прежде всего вступила в серьезный диалог, стала Великобритания. И дело не только в том, что с Францией Гитлер изначально не хотел иметь никаких дел, считая ее главным врагом своей страны. Все много глубже. Лондон, опасаясь возросшей после Первой мировой войны мощи Франции, уже вскоре после подписания Версальского договора вступил в тесные отношения с Берлином и неоднократно его поддерживал в противостоянии с Парижем. После прихода нацистов именно благодаря «дружественному нейтралитету» и невмешательству Великобритании в континентальные проблемы Гитлер осуществил свои первые громкие внешнеполитические шаги, направленные на демонтаж Версальской системы, — демилитаризировал Рейнскую зону в 1936 г. и осуществил аншлюс Австрии в 1938 г. Эти действия нацистов в глазах Лондона как одного из основных «гарантов Версаля» казались вполне приемлемыми. Однако, когда в полный рост встал «чехословацкий вопрос», ситуация начала меняться.

Если проследить историю двусторонних переговоров Великобритании и гитлеровской Германии с января 1933 г. до заключения Мюнхенского договора в сентябре 1938 г., то окажется, что именно первая сторона проявляла себя как активная. На всем протяжении этого периода гитлеровскую дипломатию по отношению к британской политике можно охарактеризовать как уклончивую. Особенно ярко это проявилось в период с мая 1937 г., когда к власти в Лондоне пришел кабинет А. Н. Чемберлена. Казалось, что британский премьер, осуществляя концепцию «умиротворения» Германии, торопился предупредить возможные агрессивные действия Гитлера, которые последний даже не вполне продумывал. В ноябре 1937 г. состоялся визит в Германию лорда Э. Галифакса, доверенного лица А. Н. Чемберлена. В ходе переговоров фюреру удалось создать у английского гостя впечатление, будто Германию в первую очередь интересует приобретение африканских колоний. Хотя в действительности это было не так, британцы поверили лидеру нацистов. В ре-

зультате колониальный вопрос стал одним из основных в ходе англо-германских и англо-французских переговоров вплоть до Мюнхенского соглашения [2]. Гитлера же в этот период интересовали совсем другие вопросы. Он начал осуществлять свою первую внешнеполитическую цель — объединение немцев в едином рейхе. Это стало возможно после того, как в феврале 1938 г. фюрер окончательно поставил под свой контроль вермахт. В марте того же года Гитлер инициировал аншлюс Австрии. Осуществить эту операцию ему оказалось достаточно просто, в том числе и потому, что британская сторона в ходе визита в Германию Э. Галифакса дала на эту акцию неформальный «карт-бланш» [1]. После аншлюса Австрийской республики немецкое государство было официально переименовано в Великую Германию (Großdeutschland), возможно, с известной ориентацией на «титул» «Великобритания».

Аншлюс был несомненной победой нацистской дипломатии. Площадь государства увеличилась, вермахт пополнился новыми австрийскими дивизиями. Но главное состояло в том, что теперь Чехословакия оказывалась геополитически окружена рейхом. С точки зрения тех, кто полагает, что Гитлер изначально готовил плацдармы для начала Второй мировой войны, эта ситуация, конечно, должна расцениваться как планомерно выполненная им задача, которая сулила дальнейшие выгоды. Однако на деле гитлеровская дипломатия постепенно теряла стратегическую инициативу.

Успех в Австрии вызвал рост сепаратизма немецкого населения в Чехословакии, где фактически «сложился единый фронт» всех немцев, проживавших компактно в Судетской области [6, с. 148—149]. Долгое время этот процесс имел прежде всего внутрочехословацкую природу. Влияние внешних сил было невелико. Даже нацисты, всегда выдававшие себя за защитников немцев в мире, после прихода к власти и до конца 1937 г. «не уделяли положению немцев в ЧСР первостепенного внимания» [6, с. 147]. Однако позже Берлин, используя проблему Судет, начал активно вмешиваться в дела Чехословакии. Изменившаяся после аншлюса Австрии геополитическая ситуация при одновременном росте немецкого нацистского движения в Чехословакии однозначно указывала всем ключевым международным игрокам: в обозримом будущем следующим объектом агрессивной политики Германии станет эта страна. В принципе, в данных условиях ее президент Э. Бенеш мог (имел право) сразу объявлять всеобщую мобилизацию, даже не дожидаясь каких-либо маневров вермахта у своих границ. Это и произошло, но лишь в конце мая 1938 г.

Мобилизационные мероприятия были вызваны планом «Грюн», разработанным германским командованием в основных чертах еще в июне 1937 г. и несколько измененным в мае 1938 г. [16, S. 281—185]. Речь шла о дипломатических, пропагандистских и политических мероприятиях по подготовке нападения на Чехословакию. Начало самой операции планировалось на 1 октября 1938 г. Однако план в жизнь воплощен не был. В результате некоей неосторожности с германской стороны о немецких приготовлениях стало известно сначала чехословакам, а затем англичанам и французам [13, с. 307]. То ли из-за действительных маневров вермахта возле чехословацких границ, то ли из-за перехвата этого плана пражской разведкой, в стране была объявлена мобилизация. Посол СССР в Великобритании И. М. Майский [8, с. 294] и британский политик У. Черчилль [14, с. 130] после Второй мировой войны настаивали, что подобные маневры имели место. А. Д. Тейлор это отрицает,

отмечая, что мобилизация была объявлена Бенешем без каких-либо веских причин. Британский историк также настаивает на том, что Гитлер вообще к войне не готовился и из доступного исследователям «плана Грюн» нельзя вывести его агрессивные намерения [22, р. 5, 58]. Неслучайно в мае 1938 г. кризис не перерос в военное противостояние. Однако проблема сохранилась и в сентябре перешла в новую стадию конфронтации.

Так чего же гитлеровская дипломатия хотела от Чехословакии в марте — сентябре 1938 г.? Можно сказать со стопроцентной уверенностью: она стремилась аннексировать Судетскую область, населенную немцами, на том же основании, на каком она присоединила Австрию. Этим реализовывалась бы идея Третьего рейха. Однако Австрия была однопациональным государством, Чехословакия же — многонациональным и к тому же включенным в систему французских оборонительных союзов. Поэтому присоединение Судетской области к рейху означало расчленение Чехословакии. Хотел ли Гитлер присоединить всю Чехословакию к рейху? Известна точка зрения, что он планировал мирное присоединение сначала Судет, а затем и остальной Чехословакии ровно так, как на самом деле и произошло впоследствии [13, с. 307]. По нашему мнению, это справедливо лишь частично. Прежде всего потому, что уводит на второй план и ретуширует позицию другого активного геополитического игрока — Великобритании. Для выяснения всей картины произошедшего необходимо обратиться к вопросу, каким образом Гитлер хотел захватить Чехословакию.

То, что нацистский лидер в конце лета — осенью 1938 г. войны уже не боялся, очевидно из его публичной риторики, в ходе которой он заявлял, что планирует захватить Судеты [22, р. 61]. На переговорах с Чемберленом накануне Мюнхенского соглашения фюрер даже дал понять, что не остановится перед началом мировой войны для решения этой проблемы [5, с. 156]. Однако с военной точки зрения эта операция была весьма рискованной. Армия Чехословакии была достаточно боеспособной. К тому же на границе с Германией она имела сильную оборонительную систему. Но главное — на стороне Чехословакии могли выступить связанные с ней соглашениями Франция, Великобритания и СССР. Для самого Гитлера эти факты вряд ли могли стать непреодолимым барьером для принятия каких-то решительных действий. Вся его дипломатия с момента рождения была основана на риске. К тому же осенью 1938 г. он был не больше, чем во время демилитаризации Рейнской зоны в 1936 г. Берлин видел, что Париж и Лондон к войне не готовы. Но даже если бы они ее и объявили, то, как отмечают исследователи, с большой долей вероятности повторился бы сценарий «странной войны» 1939—1940 гг. [7, с. 253]. Причем летом — осенью 1938 г. Гитлер с геополитической и даже моральной точки зрения при любом сценарии развития событий оказывался бы в выигрышной позиции.

Вот кто действительно боялся войны, так это часть германского генералитета. Дело дошло до заговора военных против Гитлера, правда, плохо организованного. 18 августа 1938 г. в Лондон тайно прибыл генерал Э. фон Клейст, который встретился с А. Н. Чемберленом и У. Черчиллем [13, с. 308]. Эта встреча, однако, имела совсем не тот эффект, которого ожидали заговорщики.

В Лондоне еще до приезда фон Клейста укрепилась следующая точка зрения: если германская военная кампания против Чехословакии все-таки начнется, то вермахт одержит победу; при этом он не ограничится вытесне-

нием ее частей из Судет, а оккупирует всю страну. Осознание серьезности положения, подкрепленного приездом германского генерала и широким распространением пацифистских настроений в обществе, подтолкнуло Чемберлена к форсированию не военных приготовлений, а мирного урегулирования международного вопроса. В результате уже 16 сентября 1938 г. британский премьер осуществил первый визит в Германию.

Гитлеру для начала войны был необходим *casus belli*. Он мог быть получен только в случае прерывания президентом Бенешем уже начавшихся переговоров о мирном урегулировании судетской проблемы. Для достижения этой цели Гитлер надеялся использовать силы лидера нацистской партии в Судетах К. Генлейна. Еще в марте 1938 г. на встрече с представителями судетских немцев фюрер настаивал на выдвижении от их имени жестких требований к руководству Чехословакии, обещая свою поддержку [6, с. 155]. Теперь Гитлер ждал, что Бенеш, ввиду неприемлемости требований, применит к сепаратистам репрессии. Но президент не сделал этого даже тогда, когда на территории мятежного края были созданы немецкие добровольческие отряды. Более того, 5 сентября 1938 г. Бенеш принял Карлсбадские требования автономии, выдвинутые К. Генлейном [6, с. 155—156], а затем пошел на другие уступки, выходящие за рамки Карлсбадской программы [6, с. 164—165].

Итак, желаемого *casus belli* Гитлер не получил. Ставка нацистской дипломатии на срыв переговоров Бенеша с Генлейном и волнения среди судетских немцев как повод для военного вторжения в Чехословакию не сработала. Данный факт существенно меняет привычную картину того, что же именно было предметом «шантажа» со стороны Гитлера в ходе подготовки Мюнхенского соглашения. Ведь требования автономии судетских немцев или даже присоединение их к рейху в конце концов были бы и так удовлетворены при участии британской стороны. Это было лишь вопросом времени, и по большому счету гитлеровцам для достижения этой цели не пришлось бы предпринимать каких-то военных мероприятий. Политика Чемберлена успешно упреждала бы действия нацистов, тем более что в Чехословакии уже выполнял свою миссию лорд Ренсимен, призванный урегулировать взаимоотношения Генлейна и Бенеша [6, с. 163—164]. К этому моменту и Чемберлен, и Ренсимен уже отказались от защиты целостности Чехословакии [18, р. 347—348].

Гитлер, понимая, что его надежды на *casus belli* не оправдываются, пошел на провокацию. Выступая 12 сентября 1938 г. на съезде НСДАП в Нюрнберге, «он обвинил чехословацкое руководство в происках против мира в Европе, в угнетении немецкого национального меньшинства, а также в агрессивных намерениях в отношении Германии» [6, с. 165]. Генлейновцы восприняли речь как сигнал и 14 сентября подняли вооруженный мятеж.

В условиях эскалации конфликта и массовой пропаганды о кровавых зверствах властей Чехословакии в отношении немцев Судет 16 сентября 1938 г. Чемберлен впервые встречается с Гитлером в резиденции фюрера в Берхтесгадене. Лидер нацистов начал угрожать британскому премьеру большой войной и в конце концов отпустил его с требованием передачи Судетской области «на основании прав наций на самоопределение». Чемберлен «продал» это решение в жарких дебатах в собственном кабинете и с французской стороны. Чехословакия должна была передать Германии территории с 50 % немецкого населения при условии союзнической гарантии границ. После этого Чемберлен снова вылетел в Германию. На встрече в Бад-Го-

десберге 22 и 23 сентября 1938 г. Гитлер, буквально унижая главу правительства Великобритании, продиктовал ему ультиматум с требованием оккупации Судет в срок до 1 октября [4, с. 609—611]. Однако и это требование было принято Чемберленом. В этот раз ему, правда, пришлось пойти на поводу у французов и признать, что Великобритания выступит на стороне Франции в случае нападения на Чехословакию. Тем не менее Мюнхенское соглашение 30 сентября 1938 г. было подписано на основании именно «Годесбергского ультиматума». Отодвигались лишь на 10 дней сроки эвакуации населения [9, с. 132].

Так в общих чертах выглядела предыстория подписания Мюнхенского соглашения. Сразу бросается в глаза тот факт, что Чемберлен настойчиво упреждал действия Гитлера и был готов буквально на все ради мирного урегулирования. При этом очевидно, что «Годесбергский ультиматум» не был изначальным предметом, которым Гитлер шантажировал британцев. Он сформулирован фактически «с подачи» Чемберлена, которому было важно любой ценой достичь соглашения. Это был настоящий подарок, невиданный в истории международных отношений, от которого Гитлеру, учитывая все сложности, с которыми он столкнулся при исполнении своих планов, было трудно отказаться. В какой-то момент, очевидно ближе к роковой дате 1 октября, фюрер, видя, что Чемберлен идет на любые уступки, решил не усугублять ситуацию до военной конфронтации.

Так как же оценивать достигнутые результаты? Прежде всего отметим, что в Мюнхене британскому премьеру удалось достичь новой силовой конвенции в Европе, хотя и дорогой ценой — за счет полного демонтажа Версальской системы международных отношений, что делало мир крайне уязвимым для новых силовых инициатив. Чемберлен получил от Гитлера письменное заверение, что в дальнейшем все дела на континенте будут осуществляться в ходе англо-германских консультаций [14, с. 143]. Кроме того, Мюнхенское соглашение юридически гарантировало новые границы Чехословакии.

Гитлер подписанием Мюнхенского договора мог праздновать лишь тактический успех. Стратегически он явно проиграл.

В ходе «чехословацкого кризиса» оказалось, что все три цели нацистской дипломатии сошлись в одном пункте. Аннексируя Судетскую область, Германия обрела однозначное геополитическое превосходство в Европе. Тем не менее идея объединения немцев в одном рейхе так и осталась нерешенной. Оставались данцигский, польский и мемельский вопросы. В решении же проблемы *Lebensraum* аншлюс и присоединение Судет не дали Гитлеру ничего.

Итак, британскую «политику умиротворения» можно рассматривать как своего рода «кризисный менеджмент», однако следует понимать, что гитлеровская дипломатия, столкнувшись с чехословацкой проблемой, тоже была кризисной, если судить о ней с точки зрения заявленных внешнеполитических стратегий. Гитлер не мог не ориентироваться в первую очередь на свои главные цели — возрождение великой Германии и воссоединение немцев в едином рейхе. Однако очевидно: после первого удачного акта подобного рода — аншлюса Австрии — сепаратизм со стороны немцев за пределами вновь объявленной *Großdeutschland* приобрел столь широкие масштабы, что готов был повести за собой вождя нацистов. Гитлеру, чтобы не потерять инициативы, пришлось принимать быстрые решения. Но он не смог сорвать миссии Ренсимена.

В результате фюреру не удалось предотвратить ни соглашения на основании Карлсбадской программы, ни визита Чемберлена, который, разумеется, совершался исключительно по воле последнего. При этом британским политиком, как нам представляется, двигало следующее понимание ситуации. В случае большой войны в Европе осенью 1938 г. Германия, по всей вероятности, все-таки аннексировала бы Чехословакию и, окончательно разбив цепи французского окружения своей страны, смогла бы развивать экспансию в духе чистой *Realpolitik* в Центральной и Восточной Европе. Теперь Гитлер получил бы возможность свободно играть на венгерско-румынских и югославско-болгарских противоречиях. Так как англо-французская коалиция в этом случае полностью потеряла бы моральное право на то, чтобы обозначать рейх как агрессора, от Франции с большой долей вероятности окончательно отпала бы Польша, которая и до этого стремилась к самостоятельной политике. Со всей очевидностью на Польшу Гитлер тоже, в конце концов, напал бы ввиду изначального охвата ее южного фланга и необходимости решения проблемы немецкого меньшинства в этой стране. Агрессией он обеспечил бы себе желанный *Lebensraum*. Но в любом случае картина выглядела бы несколько иной, нежели она получилась в результате Мюнхенского соглашения. Гитлер тогда бы обрел реальную стратегическую инициативу, не будучи зависимым от условий, созданных Великобританией и Францией, и Европа пришла бы к новой силовой конвенции. Однако в этой Европе для Великобритании не было бы места.

Исключительное упорство Чемберлена, которое он проявил перед Мюнхеном, может быть объяснено только осознанием этого факта. Идеальным для Гитлера было бы, разумеется, если бы премьер-министр Великобритании вообще не прилетал в Германию в сентябре 1938 г. Однако в это время и сам фюрер колебался, т. к. боялся риска, который, единожды принеся ему успех, во второй раз мог привести к неочевидным последствиям.

После Мюнхена Гитлер, если верить секретарю британского посольства в Берлине А. Кирпатрику, пообещал спустить Чемберлена с лестницы, если он еще раз к нему явится [21, р. 135]. Это неудивительно: фюрер осознавал, что проявил слабость, спасовав перед трудностями и выступив как буржуазный политик, а таковых он открыто презирал.

Гитлер захватил в Судетах военное снаряжение и танки, которые на момент вторжения в Польшу составят четверть танкового парка вермахта. В остальном же Чемберлен его полностью сковал, поэтому после сентября 1938 г. фюрер нацистов вынужден был вступить в поле строгих стратегических действий и вырывать инициативу у западных демократий в открытой борьбе. Чемберлен же со своей стороны преследовал цель во что бы то ни стало остаться в Европе, не располагая никакими военными средствами для этого. Этой цели он и достиг в Мюнхене. Но англичанин достиг также и другой, не менее важной цели — некоего «морального преимущества» над Третьим рейхом, которое использовал по полной программе во время аннексии Гитлером «остатков» Чехословакии 15 марта 1939 г. Теперь фюрера по всем пунктам выставили как агрессора, не считающегося с международными соглашениями.

Можно ли трактовать британскую политику Чемберлена как успешную не только тактически, но и стратегически? Ответ однозначный — нет. Она не только не предотвращала войны, наоборот — Мюнхенские договоренности существенно подвинули мир к пропасти, поскольку резко ограничили воз-

возможности локализации потенциального вооруженного конфликта. А так как в подписании соглашения британская политика, ведомая премьер-министром Чемберленом, сыграла важнейшую роль, то с исторической ретроспективы следует признать курс английского кабинета недальновидным и лишь поощрявшим Гитлера к новым рискованным шагам на международной арене.

Библиографический список

1. *Бандурин М. А.* Визит лорда Галифакса в Германию 17—21 ноября 1937 года: первый шаг к «умиротворению»? // Формирование высоких профессиональных и гражданственных качеств специалистов в области обеспечения жизнедеятельности : материалы межвуз. науч.-практ. конф., Иваново, 6 мая 2008 г. Иваново : Иван. ин-т ГПС МЧС России, 2008. С. 73—83.
2. *Бандурин М. А.* Колониальный вопрос в англо-германских отношениях (май 1937 — сентябрь 1938 г.) // Нижегород. журн. междунар. исслед. 2009. Весна — лето. С. 42—54.
3. *Борисова А. А.* Проблема аншлюса в австро-германских отношениях в 1918—1923 годах : автореф. ... дис. канд. ист. наук. Тамбов : Тамб. гос. ун-т, 2008. 23 с.
4. Внешняя политика Чехословакии, 1918—1939 : сб. ст. / под ред. В. Сояка. М. : Изд-во иностр. лит., 1959. 660 с.
5. Документы и материалы кануна Второй мировой войны, 1937—1939 гг. : в 2 т. 2-е изд. М. : Политиздат, 1981. Т. 1. 415 с.
6. *Кретицин С. В.* Судетские немцы : народ без родины, 1918—1945. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2000. 319 с.
7. *Лиддел Гарт Б. Г.* Стратегия непрямых действий : пер. с англ. М. : Изд-во иностр. лит., 1957. 533 с.
8. *Майский И. М.* Воспоминания советского дипломата, 1925—1945 гг. М. : Наука, 1971. 711 с.
9. *Малафеев К. А.* Англо-французская дипломатия в период военно-политического кризиса в Европе (апрель — сентябрь 1938 года) // Внешняя политика Великобритании в новое и новейшее время. М. : Моск. гос. пед. ин-т, 1988. С. 126—133.
10. *Матвеев В. А.* Мюнхен не повторится! М. : Междунар. отношения, 1970. 95 с.
11. *Петерс И. А.* СССР, Чехословакия и европейская политика накануне Мюнхена. Киев : Наукова думка, 1971. 192 с.
12. *Сиполс В. Я.* Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М. : Междунар. отношения, 1989. 336 с.
13. Системная история международных отношений : в 4 т. / под ред. А. Д. Богатурова. М. : Науч.-образоват. форум по междунар. отношениям, 2000. Т. 1. 516 с.
14. *Черчилль У.* Вторая мировая война : в 3 кн. М. : Воениздат, 1991. Кн. 1. 592 с.
15. *Эвола Ю.* Фашизм: критика справа : пер. с итал. М. : Реванш, 2005. 80 с.
16. Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945. Ser. D. Göttingen, 1984. Bd. 2. 753 S.
17. *Detwiler D. S.* The origins of the Second World War. Reflections on three approaches to the Problem // Air University Review. 1969. July — August. P. 57—71.
18. *Feiling K.* The Life of Neville Chamberlain. L. : Macmillan, 1946. 364 p.
19. *Franzel E.* München 1938 — nie gewesen? : zur ex-tunc-Frage. Wien : Österr. Landsmanschaft, 1971. 52 S.
20. *Hitler A.* Mein Kampf. N. Y. : Reynal & Hitchcock, 1941. 1003 p.
21. *Kirkpatrick I.* The Inner Circle. L. : Macmillan, 1959. 425 p.

22. Taylor A. J. P. The Origins of the Second World War. L. : Hamish Hamilton, 1961. 296 p.

ББК 63.3(4Гем)63

В. Ю. Садовская

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В ПОДГОТОВКЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ГЕРМАНИИ В КОНЦЕ XX в.

В зарубежной историографии (французской и немецкой) сложились школы исследователей исторической памяти. Главным предметом изучения для них стало не событие прошлого, а память о нем, тот образ, который запечатлелся у переживших его современников и участников. Затем этот образ реставрировался последующими поколениями, подвергался «проверке» с помощью методов исторической критики. Историческая память чаще всего понимается как одно из изменений индивидуальной и коллективной, или социальной, памяти — как память об историческом прошлом или как символическая репрезентация исторического прошлого. Британский историк Кристофер Хилл пишет: «Мы сформированы нашим прошлым, но с нашей выгодной позиции в настоящем мы постоянно придаем новую форму тому прошлому, которое формирует нас» [11, p. 29].

Историческая память является одним из каналов передачи опыта и сведений о прошлом. Одновременно это важная составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом. Зафиксированные коллективной памятью образы событий выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в мире и в конкретных жизненных ситуациях. С этой точки зрения историческая память приобретает особый смысл — «смысл (само)ценности». Она выступает в роли своеобразного культурного «якоря» или своеобразной «системы исторических координат», не позволяющих затеряться во все более размываемом глобализацией социокультурном пространстве [5]. Это положение имеет непосредственное отношение к так называемой германской проблеме, которую большинство немцев связывали с преодолением раскола своей страны и обретением национальной идентичности. Память о таком значительном событии, как завершение объединения Германии в 1871 г., хранило несколько поколений немцев. Идея национального единства была долгое время востребована и широко обсуждалась в исторической науке. Участие Германии в двух мировых войнах привело к новому расколу страны. В 1949 г. было создано два немецких государства. Поэтому германский вопрос вновь встал на повестку дня. Правительство ФРГ в конце 40-х — начале 50-х гг. исходило из того, что ГДР — это часть продолжавшего существовать после 1945 г. «единого германского государства» [3, с. 491]. Память об общем прошлом была жива. Поэтому немцы долгое время не могли примириться с фактом раскола. И в восточной, и в западной части создавались планы объединения. Так, Немецкий народный совет, образованный в ГДР еще в 1948 г., готовил общегерманскую конституцию.

Память о былом единстве использовалась властными инстанциями и в ГДР, и в ФРГ как средство манипуляции сознанием людей в политических

целях. Она стала «историческим сырьем для все новых историко-политических мифов и социально-политических идеологем» [6]. Новые историко-политические мифы об общей ответственности за нацистское прошлое накладывались на старые, связанные с воспоминаниями о формировании Германской империи 70-х гг. XIX в. Немецкие исследователи отмечают, что уже к 1950 г. сформировались основные позиции ХДС/ХСС в германской политике. Среди них: признание образования ФРГ на части территории германского рейха как продолжения общегерманской государственности, как необходимого шага к сохранению жизненных немецких интересов с правом на объединение с землями восточной зоны и Берлином; защита западногерманскими представительными органами прав восточных немцев, попавших под чужеземное господство в советской оккупационной зоне. Политические круги ФРГ были заинтересованы в том, чтобы поддерживать воспоминания о национальном единстве. Для многих расстаться с устоявшимися мифами значило утратить историческую идентичность и претензию на обладание социальной ценностью. Поэтому Западный Берлин рассматривался политиками ФРГ как «общегерманский национальный очаг», «залог сохранения открытости германского вопроса». В данном случае акцент делался на общий опыт немцев, на их представление о себе как о единой нации. Л. П. Репина считает, что память индивида «структурируется групповыми идентичностями». Это связано с тем, что коллективная память трактуется как «общий опыт, пережитый людьми совместно» [7, с. 42]. В ФРГ историческая память становилась целью, к которой следовало стремиться. Поэтому появился своеобразный «социальный заказ» на национальную историю.

О нежелании политиков двух стран признавать раскол Германии свидетельствует множество фактов. Например, с 1955 г. в ФРГ действовала «доктрина Хальштейна», применение которой на практике должно было предотвратить международно-правовое признание ГДР и тем самым признание раскола Германии де-юре, а также гарантировать ФРГ право на единоличное представительство немцев на международной арене. До 1970 г. в официальных западногерманских правительственных документах аббревиатура «ГДР» бралась в кавычки, Восточная Германия называлась «советской или восточной зоной» или просто «зоной». Со своей стороны, правительство ГДР заявляло об идентичности понятий «ГДР» и «германский народ» и соответственно провозглашало себя единственным законным немецким правительством. Своей конечной целью оно объявляло ликвидацию «сепаратного западногерманского государства» и восстановление немецкого единства. Однако такая позиция как восточных, так и западногерманских политиков не приближала решение германского вопроса, а только его усложняла. Ключевым положением в достижении германского единства было требование подготовки и проведения «свободных и демократических выборов», по результатам которых должно сформироваться общегерманское правительство. Однако это было нереально, т. к. для проведения выборов требовалось полное взаимопонимание между политиками разных формаций.

В 1969 г. к власти в ФРГ пришла социал-либеральная коалиция. Ее представители разработали «новую восточную политику», которая стала частью политики разрядки в Европе и в мире в целом. Эта политика, проводимая правительством Брандта — Шееля, была направлена на заключение комплекса соглашений с ГДР, в которых были бы провозглашены особые отношения между обоими германскими государствами. При этом особое внимание уде-

лялось мерам по улучшению жизни немцев, проживающих в ГДР, путем обеспечения свободного передвижения и проживания граждан, обмена между ними информацией. В 1972 г. был подписан договор «Об основах отношений между ГДР и ФРГ». Здесь указывалось, что отношения между двумя государствами должны строиться на основе равноправия и отказа от применения силы. Этот договор способствовал улучшению положения немецкой нации в целом. Он помог остановить процесс размежевания. Граждане ГДР получили больше возможностей для поездок на Запад, им было разрешено пользоваться западной валютой. Достижением стала аккредитация западногерманских корреспондентов в ГДР, восточные немцы получили право смотреть западногерманские телевизионные каналы. Это открывало большие возможности для проведения пропагандистской деятельности на территории ГДР. Жители этой страны должны были убедиться в следующем: 1) в ФРГ существует реальная демократия, 2) правительство ФРГ обеспечивает достойный уровень жизни всем гражданам своей страны. С этого времени у населения ГДР стало интенсивно развиваться чувство сопричастности к событиям в ФРГ. По мнению немецкого историка О. Данна, ориентация на ФРГ явилась «конститутивным фактором в жизни населения ГДР» [1, с. 350]. Все эти события не могли пройти бесследно для последующего решения германской проблемы.

В середине 70-х гг. руководством ГДР была взята на вооружение теория о существовании двух немецких наций: социалистической и капиталистической. Доказывалось, что у этих наций есть общее прошлое, есть разное настоящее и нет общего будущего. Из обихода восточных немцев исчезает само понятие «единая нация» и всякое упоминание о восстановлении единства Германии как цели государственной политики. Из сознания населения ГДР власти стремились изъять идею о возможности создания единого государства. В связи с этим интересна концепция немецкого историка Й. Рюзена. Он рассматривает проблему кризиса исторической памяти. Такой кризис наступает при столкновении исторического сознания с опытом, не укладывающимся в рамки привычных исторических представлений. Это ставит под угрозу сложившиеся основания и принципы идентичности. При таком кризисе «пережитый опыт воспринимается как катастрофа, так как он не может быть с точки зрения субъектов наделен каким-либо смыслом». Вместе с тем Рюзен не считает эту ситуацию безвыходной. Кризис исторической памяти можно преодолеть «путем придания событию “исторического” смысла и значения. Тем самым устраняется его травмирующий характер: история соединяет ситуацию сегодняшнего дня с опытом прошлого таким образом, что из хода изменений от прошлого к настоящему можно наметить будущую перспективу человеческой деятельности» [9, с. 26]. Кризис исторической памяти в Германии проявился в следующем: возникшая в 1971 г. общность, основанная на договоренностях, не положила начала процессу становления общей идентификации в двух немецких государствах, а, напротив, привела к официальному разграничению. В 1972 г. в ГДР была принята новая формулировка собственной национальной идентичности: в ходе пересмотра конституции в 1974 г. из нее были изъяты пассажи, в которых говорилось об общегерманской нации. Однако это не означало, что проблема объединения останется без своего разрешения.

В 80-х гг. в ГДР определилась тенденция к ухудшению социально-экономической ситуации, вырос внешний долг страны. В такие сложные периоды жизни общества, нации, когда перед ней встают новые трудные задачи или создается угроза самому ее существованию, историческая память мобилизует-

ся и актуализируется. С начала 80-х гг. в официальной пропаганде ГДР стал акцентироваться общегерманский мотив. Все чаще в это время используется тезис об «общем культурном наследии». На встрече Хонеккера и Шмидта в декабре 1981 г. впервые прозвучала формула об «общей ответственности за то, чтобы с немецкой земли никогда более не исходила опасность войны». Все немцы пережили очень непростой процесс национального покаяния за времена господства нацизма. Политическое отношение к памяти о тоталитаризме можно описать формулой «помнить, чтобы не вспоминать». Поэтому историки стремились создать такую картину прошлого, в рамках которой позитивное представлялось как важный исторический капитал, а негативное как уроки на будущее. В 80-х гг. руководство ГДР не участвовало в пропагандистской кампании СССР против размещения американских ракет в ФРГ. Западногерманское правительство «вознаградило» Хонеккера за такую позицию. В 1983—1984 гг. ГДР были предоставлены два кредита на сумму 1,9 млрд марок [3, с. 492]. Финансовая помощь ГДР позволила ее властям решить социальные проблемы и рассчитаться с западными кредиторами. В 1982 г. к власти в ФРГ пришел представитель ХДС/ХСС Г. Коль. Он был сторонником политики по все более тесному привязыванию ГДР к ФРГ. Г. Коль утверждал, что немцы никогда не примирятся с разделом отечества. С конца 80-х гг. расширились культурные, спортивные контакты двух стран, распространилось партнерство между городами ГДР и ФРГ.

Возрождение идеи национального единства связано с таким понятием, как «память поколений». Л. П. Репина пишет: «Принципиальное значение имеет сопоставление воспоминаний “первого поколения”, пережившего события в сознательном возрасте, и второго поколения. С уходом из жизни первого поколения субстанция коллективной памяти исчезает и замещается приблизительно коллективными представлениями» [7, с. 44]. Так, уход современников фашизма постепенно «абстрагировал» историческую память, отрывал ее от конкретных участников исторического процесса и тем самым облегчал отбор нужных для решения германской проблемы фактов. От процесса отбора фактов и их упорядочения зависит передача социальной памяти. Этим занимаются историки, которые вынуждены учитывать политическую конъюнктуру и тем самым выполнять социальный заказ. В конце 80-х гг. как в ГДР, так и в ФРГ появилось множество исторических трудов, в которых рассказывалось о пережитых вместе событиях далекого и недавнего прошлого, давалась трактовка этих событий с точки зрения возможного объединения. В этот период активизировались контакты между жителями двух стран, что было связано с открытием границ ГДР с ФРГ и Западным Берлином. Значение этого события для будущего обоих германских государств было огромным. Н. В. Павлов констатирует: «Начался процесс резкого подъема национального самосознания граждан ГДР, движимых идеей принадлежности к единой германской нации... Федеральная республика получила в руки новый, прямой мощнейший канал воздействия на общественное сознание ГДР, правительство которой с этого момента уже не могло не идти на максимальное расширение контактов, причем теперь уже исключительно на условиях ФРГ» [4, с. 361]. Начиная с 1984 г. увеличилось число поездок граждан ГДР по приглашению в ФРГ, в 1987 г. здесь побывало 5 млн человек. Так называемый «денежный подарок приезжающим» в сумме 100 марок в год и открытость принимающей стороны способствовали созданию исключительно положительного впечатления о жизни в ФРГ. Многие восточные немцы принимали решение об эмигра-

ции. Волна эмиграции была воспринята как «голосование ногами» против системы ГДР. В ФРГ средства массовой информации с шумом сообщали о большом количестве беженцев из ГДР. Правительство ФРГ восприняло волну бегства из ГДР как подтверждение эффективности действующего в ФРГ права на государственное гражданство.

В современной историографии особое внимание обращается на роль представлений о прошлом и исторических мифов как элементов политической, этноконфессиональной и национальной идентичности. Злоупотребления историей происходят в областях, которые допускают широкую свободу мнений. Политическое манипулирование исторической памятью является мощным средством управления сознанием человека и общества. П. Хаттон пишет о взаимодействии памяти как повторения и памяти как воспоминания. Он видит в этом взаимодействии основу понимания истории как искусства памяти. Память как повторение связана со стереотипами мышления, с неосознаваемым присутствием прошлого в настоящем. «Воспоминание, — пишет Хаттон, — связано с нашими попытками в настоящем пробудить прошлое. Это та сторона памяти, при помощи которой мы осознанно восстанавливаем образы прошлого, выбирая то, что подходит нуждам сегодняшней ситуации» [10, с. 432]. М. Ф. Румянцева считает, что на рубеже XX—XXI вв. произошел отрыв памяти как воспоминания от памяти как повторения. По ее мнению, различение исторического типа социальной памяти и традиционного ведет к произвольному характеру припоминания и конструированию «мест памяти», что, в свою очередь, создает возможность манипулирования социальной памятью [8, с. 21]. Сторонники объединения Германии вели активную политическую пропаганду, которая была основана на идее о том, что выбор социалистического пути оказался для ГДР гибельным. Они использовали лозунг «Мы — один народ». Этот лозунг был обращен к западногерманскому населению и правительству ФРГ: «У нас общая судьба; давайте образуем единый народ одного государства» [1, с. 357]. Опора на историческую память позволила придать идее единства новое звучание. В качестве новой была обозначена цель воссоздания общенемецкой нации. Росту возмущения населения ГДР способствовали регулярные разоблачения средствами массовой информации высшей партийной номенклатуры, которая погрязла в коррупции, и органов госбезопасности — «штази». Западногерманские СМИ и прозападные средства массовой информации в ГДР использовали принцип упрощения. Они упорно создавали упрощенное представление о том, что в период построения социализма в ГДР ничего хорошего не было и быть не могло. Упрощение позволяло высказывать главную мысль, которую требовалось внушить аудитории, — Германской Демократической Республики быть не должно. Отсутствие необходимого доверия к правительству ГДР со стороны населения, жесткая и порой нелюбезная критика в его адрес стали одной из главных причин формирования в феврале 1990 г. нового состава кабинета, или, как его назвали, «правительства национальной ответственности». В него вошли представители оппозиционных сил страны. Оппозиция активизировала усилия по разрушению государственно-политической системы ГДР. Руководство ФРГ, со своей стороны, было ориентировано на скорейшее объединение двух государств. Еще в ноябре 1989 г. Г. Коль обнародовал программу объединения, которая получила название «10 пунктов Г. Коля». Здесь говорилось о поэтапном объединении Германии, но все действия руководства ФРГ были направлены на ускорение этого процесса. Причем речь шла о поглощении Федера-

тивной Республикой ГДР. Пропагандистская кампания по привлечению общественного мнения к этой идее оказалась удачной. Причина успеха в правильном использовании как исторической памяти, так и национальной риторики. В своих беседах с Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым канцлер Коль неоднократно подчеркивал, как велико желание немцев жить в условиях единства: «...стремление к объединению Германии будет нарастать. Сейчас в ГДР нет ни одной партии, которая была бы против объединения. За единство Германии выступает даже бывшая СЕПГ. Мы не сомневаемся в том, что партии ГДР и новое правительство заявят о своем стремлении к единству Германии» [2, с. 343]. Пользуясь тем, что для восточных немцев идея национального единства была привлекательной и востребованной, Г. Коль настаивал на следующем положении: объединение — единственно правильный выход из кризисного состояния, в котором оказалась ГДР. С весны 1990 г. в Восточной Германии проходили многочисленные демонстрации под разными лозунгами, один из которых — «Придет немецкая марка — мы останемся, не придет марка — мы пойдем к ней». Это свидетельствует о том, что различия между персональной и социальной памятью весьма относительно. Сама по себе память субъективна, но она структурирована языком, образованием, коллективно разделяемыми идеями и опытом. То, что люди помнят о прошлом, является одним из ключевых элементов их неосознанной идеологии. В конце 80-х — начале 90-х гг. акцент делался на том, что немцы были и будут единой нацией, а Германия — единой страной. Населению ГДР и ФРГ внушалась мысль о том, что разделение на два государства было временным и не обеспечило благополучного развития ни восточным, ни западным немцам. Власти ФРГ были убеждены в том, что социальная память должна быть артикулирована посредством речи, ритуалов, изображений, лозунгов, терминов и т. д. Поэтому в ходу были такие лозунги, как «Германия — единая отчизна», «Мы — единый народ», такие термины, как «объединительный договор», «экономическая интеграция», а также доктрина о превращении ГДР в «цветущую землю». Результатом усилий руководства ФРГ и лично Г. Коля, оппозиционных сил ГДР, участников переговоров в формате «2 + 4» (ФРГ, ГДР, СССР, США, Англия, Франция) стало образование единой Германии. День 3 октября 1990 г. вошел в историю как День германского единства.

Библиографический список

1. *Данн О.* Нации и национализм в Германии, 1770—1990. СПб. : Наука, 2003. 469 с.
2. Из беседы М. С. Горбачева с Г. Кодем один на один, 10 февр. 1990 г. // Михаил Горбачев и германский вопрос : сб. документов, 1986—1991. М. : Весь мир, 2006. С. 343.
3. История Германии : в 3 т. / под ред. Б. Бонвеча, Ю. Галактионова. Кемерово : Университет, 2005. Т. 2. 544 с.
4. *Павлов Н. В.* История Германии, 1945—2005. М. : Астрель, 2006. 510 с.
5. *Полтораков А. Ю.* Западноевропейские ценности // Цивилизационная структура современного мира / под ред. Ю. Пахомова, Н. Ю. Павленко. Киев : Наук. думка, 2007. 543 с.
6. *Полтораков А.* Товарищ память: политические функции исторической памяти. URL: <http://www/politika.org.ua> (дата обращения: 16.09.2011).

7. Репина Л. П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 39—51.
8. Румянцева М. Ф. История как память: после постмодерна // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации. М. : ИВИ РАН, 2005. С. 20—41.
9. Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // Цепь времен: проблемы исторического сознания. М. : ИВИ РАН, 2005. С. 8—26.
10. Хаттон П. История как искусство памяти. СПб. : Владимир Даль, 2003. 423 с.
11. Hill C. History and the Present. London, 1989. 273 p.

ББК 63.3(4 Бев)64

С. М. Усманов, И. С. Борзова

БЕЛОРУССКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ УКРАИНЕ

Украинская «оранжевая революция» 2004 г. была, без сомнений, одним из самых значимых событий на постсоветском пространстве за последние два десятилетия. Она поставила много вопросов, обозначила актуальные тенденции возможных политических трансформаций в новых независимых государствах, заставила политические элиты и широкие слои населения во многих странах и регионах всерьез считаться с вызовами современного мира. Разумеется, украинские события поздней осени 2004 г. не могли обойти стороной и соседнюю Белоруссию. Тем более, что и для нее проблемы демократического транзита стоят весьма остро. Особенно это было актуально для белорусской оппозиции, да и вообще для всех белорусских интеллектуалов, всерьез озабоченных будущим своей страны.

Оппозиционное движение в современной Белоруссии зарождалось в непростых условиях кризиса после распада СССР сначала как ответ на политику советских властей, а затем как реакция на политику президента страны Александра Лукашенко. При этом важнейшую роль в процессе осмысления и оценки общественно-политической ситуации в Белоруссии сыграла белорусская интеллигенция. Именно белорусская интеллигенция, как и интеллигенция других постсоветских государств, стала одной из наиболее активных сил, участвующих в процессе коренных преобразований в белорусском обществе. Белорусская интеллигенция взяла на себя сложнейшую задачу — осмысление и определение ориентиров будущего развития общества и государства. Современная белорусская интеллигенция унаследовала задачи, которые ставились перед ее предшественниками больше века назад, и на современном этапе развития страны пытается их решать совместно с представителями белорусской оппозиции.

Очень показательны то, что представители белорусской оппозиции и интеллигенции, стоящие на позициях национального возрождения (как и лидеры украинской национальной интеллигенции), стремятся доказать и продемон-

стрировать специфику национальной идентичности как древней и существенно отличной от русской, а также имеющей в своей основе европейские корни. И в этом белорусские интеллектуалы очень похожи на «национально мыслящих» украинских интеллектуалов: они настаивают на том, что подлинная белорусская идентичность была искажена в советский период и замещается чуждым для страны советским вариантом белорусской идентичности.

Самым первым пространством, которое могло трактоваться как национальное, отмечает в своей работе сотрудник Европейского гуманитарного университета Елена Гапова, стала культура: во всех постсоветских странах национальные политики вышли из групп, занимавшихся восстановлением исторических памятников, археологическими раскопками и т. д. В Белоруссии такими объединениями были «Талака», «Майстэрня», «Тутэйшыя» и некоторые другие. Те, кто артикулировал национальную идею, определяли ее как свободу: свободу знать правду о своей истории, свободу читать национальную литературу, свободу говорить на национальном языке [3].

Белорусские оппозиционеры и представители национальной интеллигенции имеют свой, не совпадающий с официальным, взгляд на историю Белоруссии и по-своему расставляют акценты при оценке исторических событий, конструируя тем самым свой национальный миф о «золотом веке» Белоруссии. Важнейший исторический период относится к Великому княжеству Литовскому, которое сформировалось в XIII в. (этот исторический период важен и для представителей украинской национальной интеллигенции). Как считают некоторые историки и политики, именно к Великому княжеству Литовскому восходят белорусские политические традиции, основывающиеся на принципах демократии и плюрализма и ориентированные на Запад [4]. Также к периоду Великого княжества Литовского относятся национальные символы (бело-красно-белый флаг и герб «Пагоня»), без которых не мыслит себя белорусская оппозиция.

Одной из главных задач белорусских демократических сил и интеллектуалов, как пишет в своей работе лидер Белорусской социал-демократической партии «Народная громада» Николай Статкевич, является пропаганда европейских ценностей, и само белорусское общество, по его мнению, все больше тяготеет к европейским демократическим ценностям [7]. Анализируя политические модели в различных странах постсоветского пространства, он разделяет их на несколько групп, отмечая, что в Украине, Грузии, Молдове и Армении преобладает европейская модель отношений государства и общества, а в Туркменистане и Узбекистане — азиатская. При этом белорусский оппозиционер ставит перед читателями следующий вопрос: «Почему же именно в... Беларуси, которая не знала монголо-татарского владычества, общинного земледользования, с ее историческими традициями Магдебургского права... все более укрепляется азиатская модель власти?» [7].

На начальном этапе развития сформировались определенные черты, свойственные белорусской оппозиции, которые негативно влияли на успешность ее функционирования в те годы. Во многом они сохраняются и по сей день. Добиться успехов в борьбе с режимом власти оппозиционному движению мешали следующие факторы: многочисленные оппозиционные партии действовали разрозненно, и даже между оппозиционными движениями с близкими программными установками отсутствовало взаимопонимание, стремление к объединению усилий и поиску компромисса; крупные партии неоднократно дробились, образуя гораздо менее авторитетные мелкие партии.

Эти тенденции стали труднопреодолимой преградой на пути развития белорусской оппозиции в последнем десятилетии XX века.

Можно сделать вывод о том, что складывание национальной идентичности, столь важное для процесса формирования белорусской нации, в целом идет в Белоруссии довольно медленными темпами, и здесь белорусская элита явно отстает от украинской.

На протяжении истории в Белоруссии существовали различные концепции национальной идентичности. На сегодняшний день сложились и окончательно оформились две основные модели — советская интерпретация белорусской идентичности, сторонником которой традиционно является белорусская власть (белорусское советское культурное наследие стало доминирующим после Второй мировой войны и превратилось в неотъемлемую часть существующей сегодня белорусской культуры и государственности), и несоветская интерпретация национальной идентичности («белорусскости»), выразителями которой являются представители белорусской оппозиции. Являясь приверженцами «белорусскости» как основы национального самосознания, сторонники оппозиции осознают себя самостоятельным европейским народом, не зависимым от России, говорят на белорусском языке, изучают национальную историю и культуру, не воспринимая советскую модель, пропагандируемую государством.

Таким образом, как отмечает в своей статье Елена Гапова, «в постсоветском мире рыночная экономика вместе с либеральной демократией и, с другой стороны, социализм с внеэкономическим принуждением в качестве различных способов распределения ресурсов оказались “завернуты” в национальный дискурс. Дискурс за и против “национального” на самом деле есть выражение классового беспокойства: речь идет не столько о национальном чувстве, сколько о классовых интересах, и Беларусь... является абсолютно уникальным тому примером» [3].

Подобные настроения свойственны определенной части белорусской интеллигенции. Именно части, потому что специфика белорусской интеллигенции заключается в том, что она не является единой монолитной силой. В Белоруссии (как и в других постсоветских государствах) произошло разделение интеллигенции на две группы: старое поколение интеллигенции и новое поколение интеллигенции. «Старая» интеллигенция имеет сильные позиции в традиционных академических учреждениях и творческих объединениях, где ощущается значительное влияние государственной власти (Академия наук, государственные вузы и т. д.). Старое поколение интеллигенции в основном поддерживает президента страны и одобряет его политику. «Новая» белорусская интеллигенция закрепилась в негосударственных и оппозиционных структурах. Именно эта часть белорусской интеллигенции стремится не зависеть от государственной власти и в наибольшей степени отзывчива к оппозиционным настроениям. Этот слой белорусской интеллигенции, традиционно имеющий определенную автономию в рамках общества, является резервом белорусской оппозиции и способен выражать несогласие с официальным режимом власти в стране.

К новому поколению белорусской интеллигенции относятся и сами представители белорусской оппозиции, которые, так или иначе, проявили себя на разных этапах развития белорусского оппозиционного движения: Зенон Позняк — археолог и искусствовед (основатель Белорусского народного фронта и лидер КХП—БНФ), Винцук Вечёрко — преподаватель и журналист

(лидер партии БНФ), Анатолий Лебедько — преподаватель истории (лидер Объединенной гражданской партии), Александр Козулин — бывший ректор Белорусского государственного университета (лидер Белорусской социал-демократической партии «Громада»), Александр Милинкевич — кандидат физико-математических наук (единственный кандидат от оппозиции на выборах 2006 г.).

Существенную финансовую и организационно-методическую помощь белорусской оппозиции постоянно оказывали страны Запада. Западный альянс делает это разными способами: выделением финансовых средств в рамках различных программ демократизации, принятием резолюций и заявлений, консультационными встречами с оппозиционерами, проведением различных конференций, семинаров, тренингов, обучением оппозиционных активистов на Западе и т. д. Виды и каналы оказания поддержки оппозиционно настроенным активистам довольно разнообразны, однако, на наш взгляд, не стоит преувеличивать абсолютный масштаб этой помощи. По сути, она лишь частично выравнивает условия для политической конкуренции и позволяет оппозиционерам получить некоторую автономию для своих действий.

Оказывая помощь белорусской оппозиции, как они это делали ранее в Грузии и Украине, страны Европы и США рассчитывают на победу прозападных сил в Белоруссии, преследуя определенные цели. Помимо очевидных целей — поддержки демократии в стране, соблюдения прав и свобод человека, норм международного права и т. д., западные страны, на наш взгляд, имеют также и другие ориентиры. Победа прозападных оппозиционных сил в Белоруссии приведет к ориентации страны на вступление в НАТО и Евросоюз. Усиливая свое влияние в этой стране, Запад может разделить традиционный союз Белоруссии и России, препятствуя тем самым усилению роли России на постсоветском пространстве и уменьшая степень ее влияния на Белоруссию. Странам Запада, в случае установления в Белоруссии демократии по западному образцу, будет гораздо удобнее сотрудничать и вести переговоры с прозападным либеральным политиком, чем с «последним диктатором Европы».

Последние несколько лет в Белоруссии идет активная работа по консолидации белорусской интеллигенции и усилению ее роли в обществе. Активно проявляет себя организация общественной инициативы «Рада белорусской интеллигенции», которая во многом разделяет точку зрения белорусских оппозиционеров и выступает за консолидацию оппозиционных усилий и выдвижение единого кандидата в противовес Лукашенко. Среди членов Рады — такие известные представители интеллигенции, как педагог и кинорежиссер Владимир Колос, народная артистка Белоруссии Зинаида Бондаренко, академик Александр Войтович, поэт Сергей Законников, журналист Анатолий Гуляев, художник Алексей Марочкин и др.

Руководитель «Рады белорусской интеллигенции» Владимир Колос так говорит о роли этой организации: «Задачи, которые мы перед собой ставим, — это осмысление ситуации, в которой находится наше общество... и формулировка предложений по их оптимальному решению, с которыми мы обращаемся к народу, властям и организованной оппозиции. А также — активизация и консолидация нашей интеллигенции, способствование тому, чтобы как можно больше ее представителей включались в гражданскую и политическую деятельность, ибо сегодня это жизненно необходимо для Беларуси» [2].

За все время своего существования, несмотря на многочисленные неудачи и провалы, белорусская оппозиция к 2006 г. накопила серьезный опыт

политической борьбы и потенциал для того, чтобы стать весомой политической силой в стране. Это также сопровождается процессом развития белорусской национальной идентичности, которая постепенно начинает оформляться отдельно от русской. Естественный процесс смены поколений в стране неизбежно приведет к тому, что старшее поколение, ориентирующееся на советскую модель развития страны и советский вариант национальной идентичности, постепенно будет уступать место новому поколению молодых белорусов, которые уже не мечтают о Союзном государстве с Россией, а ощущают себя самостоятельным народом, место которого — в семье других европейских народов. Успешное развитие оппозиции во многом зависит от того, как будет развиваться гражданская активность широких слоев населения. Здесь особенно важна роль белорусской интеллигенции. Несомненно, что интеллигенция более ясно, чем какая-либо другая социальная группа, понимает исключительную сложность и зыбкость нынешнего политического, экономического и духовного состояния белорусского государства и общества.

Белорусские интеллектуалы, представители «новой» интеллигенции и белорусской оппозиции по-разному отреагировали на события украинской «оранжевой революции» 2004 г.

Для белорусских оппозиционеров опыт «цветной революции» в соседней Украине был интересен с практической точки зрения, и они заявляли о готовности перенимать его в Белоруссии. Перед стартом предвыборной кампании 2006 г. белорусские оппозиционеры не раз заявляли, что им интересен опыт «цветных революций» (особенно грузинской и украинской) и они готовы действовать по этому сценарию. Так, например, лидер Объединенной гражданской партии Анатолий Лебедько в 2005 г. лично встречался с Михаилом Саакашвили и Нино Бурджанадзе в Грузии, где он был принят на высоком уровне. «Я думаю, что революция не самоцель для белорусской оппозиции. Но если другая форма смены власти не срабатывает, то народ сам выбирает путь к свободе», — сказала Нино Бурджанадзе после встречи с оппонентом Лукашенко (цит. по: [6]). Также Лебедько заявлял, что белорусская оппозиция хотела бы, чтобы в Белоруссии повторился украинский вариант [1], соглашаясь с высказыванием президента США Джорджа Буша о том, что «оранжевая революция» является «убедительным примером демократии для людей всего мира» (цит. по: [8]).

Но в целом белорусские интеллектуалы довольно мало упоминали об украинском образце, ссылаясь на необходимость использования европейского опыта вообще, а не конкретного украинского сценария конца 2004 г. Такое недостаточное внимание к событиям в соседней с Белоруссией Украине может показаться странным, поскольку даже в России украинский опыт был тщательным образом проанализирован российскими интеллектуалами.

Отчасти уместны здесь доводы противников демократического транзита о том, что сторонники демократических преобразований во многих странах постсоветского пространства ориентируются на модель «революции по трафарету» [5], сравнивая и анализируя не конкретные реальности, а продавливая определенную модель развития событий. И поэтому, как показывает опыт последних лет, некоторые «хорошие революции могут стать плохими» [8]. И это ставит проблему учета условий и национального своеобразия каждой страны, которая не была в полной мере решена ни стратегами, ни исполнителями «цветных революций» (в том числе несостоявшейся «джинсовой революции» 2006 г. в Белоруссии). Это является одной из причин возникновения

трудностей, которые испытывают борцы за демократию на постсоветском пространстве в последние десятилетия.

Библиографический список

1. Белорусская оппозиция предпочитает украинский вариант. URL: <http://afn.by/news/i/59633> (дата обращения: 20.05.2011).
2. «Белорусский Гавел» Владимир Колос // Страны СНГ : русские и русскоязычные в новом зарубежье. URL: <http://www.materik.ru/upload/iblock/afa/%E2%80%A6.pdf> (дата обращения: 19.06.2010).
3. Гапова Е. Белорусские интеллектуалы: между классом и нацией? // Топос. 2005. № 1 (10). URL: <http://old.belintellectuals.eu/community/community.php?id=24> (дата обращения: 08.10.2011).
4. Гужон А. Национализм и идентичность в Белоруссии // Франко-российский научный альманах. 2007. № 1. URL: <http://www.centre-fr.net/IMG/pdf/Almanach1GoujonRU.pdf> (дата обращения: 21.06.2010).
5. Лебедев С. Революция по трафарету. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=102966> (дата обращения: 09.10.2011).
6. Мазаева О. План свержения Лукашенко готовится в Тбилиси // Независимая газета. 2005. 12 мая.
7. Статкевич Н. Беларусь как поле битвы ценностей. URL: <http://old.belintellectuals.eu/discussions/?id=178> (дата обращения: 08.10.2011).
8. Carpenter T. G. Good revolutions gone bad // The National Interest. 2011. June, 1. URL: <http://nationalinterest.org/commentary/good-revolutions-gone-bad-5387> (дата обращения: 09.10.2011).

ББК 63.1(0)4

Д. И. Польшвинный

**БОЛГАРСКАЯ МЕДИЕВИСТИКА
В ПЕРИОД ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА**

Грандиозные общественно-политические перемены последних двух десятилетий в Болгарии, обычно называемые демократическим транзитом, и кардинальные изменения в геополитическом положении страны привели к существенным сдвигам в исторической науке, традиционно играющей важную роль в духовной жизни болгарского общества. Со времен национального возрождения одно из центральных мест в формирующейся и изменяющейся идентичности болгарского народа занимали представления о его средневековой истории. Медиевистика была стержнем болгарской исторической науки в XIX—XX вв., когда сформировалась основа национальной идеологии Болгарии, концепция прерывавшейся византийским и османским завоеваниями смены трех царств — Первого (681—1018 гг.), Второго (1185—1396 гг.) и Третьего (после 1878 г.).

В послевоенной Болгарии медиевистика внесла существенный вклад в оформление идеологии социалистического государства, акцентируя, во-пер-

© Польшвинный Д. И., 2011

вых, фракийские, т. е. автохтонные для Балкан, этнические корни средневековой болгарской народности, во-вторых, ее славянскую основу и, в третьих, континуитет в развитии болгарской государственности от основания Болгарского государства в 681 г. до революции 9 сентября 1944 г. Эти даты украшали герб Народной Республики Болгарии, а празднование в 1981 г. 1300-летия Болгарского государства стало апогеем ее истории.

Болгарская медиевистика, сохранившаяся в Софийском университете и в Болгарской академии наук после прихода к власти коммунистического правительства прежде всего благодаря небольшой группе компетентных историков (И. Дуйчев, Д. Ангелов, Б. Примов) и филологов-классиков (А. Милев, В. Бешевлиев), вплоть до конца 80-х гг. развивалась по преимуществу усилиями их учеников — П. Петрова, В. Тыпковой-Заимовой, В. Гюзелева, И. Божилова и других. В 70-х гг. еще один центр изучения болгарского Средневековья стал формироваться усилиями Х. Коларова и Й. Андреева в Великотырновском университете. Высокий уровень интеграции академической и вузовской науки в Софии и «филиальное» положение тырновской школы фактически обусловили формирование единой национальной корпорации историков-медиевистов, к которой тяготела определенная часть специализирующихся в области болгарского Средневековья археологов, искусствоведов и филологов¹.

Издание многотомного собрания источников по средневековой истории Болгарии в 50—80-х гг. и работа над томами фундаментального проекта «История Болгарии» способствовали развитию сообщества медиевистов, пополнившегося учеными нового поколения (П. Ангелов, М. Каймакамова, И. Илиев, Х. Матанов, И. Лазаров и др.). В проектах и изданиях кафедры кирилло-мефодиевских исследований Софийского университета и одноименного академического центра (журнал «Paleobulgaria», «Кирилло-Мефодиевская энциклопедия» и др.) явственно обозначилось сближение историков и филологов, исследующих болгарское Средневековье. Наряду с Великотырновским университетом медиевистические штудии (в основном в области археологии и истории литературы) заняли важное место в научной деятельности Шуменского университета. На этом, в целом высоком, уровне и застало болгарскую медиевистику начало демократического транзита.

Современная болгарская медиевистика может анализироваться в различных контекстах. Это — вся современная болгарская национальная историография; особенности развития исторических исследований в посткоммунистических странах Восточной Европы; мировые тенденции в исследовании европейского Средневековья и, наконец, востребованность медиевистики современным болгарским обществом и «европеизированным» государством. Цель данной статьи — показать основные тенденции развития болгарской медиевистики в названных контекстах. Удобный повод для этого дал прошедший в августе 2011 г. в Софии XXII Международный конгресс византий-

¹ Обзор состояния и задач болгарской медиевистики к началу XXI в. см.: Гюзелев В. Българската медиевистика // Гюзелев В. Апология на Средновековието. София, 2004 ; *Gjuzelev V. Medieval and Byzantine Studies in the Nineteenth and Twentieth Centuries: a Historical Introduction // State and Church : Studies in Medieval Bulgaria and Byzantium / ed. by V. Gjuzelev, K. Petkov. Sofia, 2011.*

ских исследований², к которому было приурочено представительное издание работ ведущих болгарских медиевистов на английском языке³.

Будучи областью исторических исследований, требующей фундаментальной и трудоемкой профессиональной подготовки, медиевистика практически во всех странах мира организована в небольшие и в общем-то закрытые для непрофессионалов ученые сообщества. С одной стороны, это придает ей более высокую устойчивость по сравнению с другими исследовательскими корпорациями, с другой — сообщества медиевистов нередко подвержены так называемому групповому мышлению, ведущему к отторжению новых тенденций, к трудной смене научных поколений и пр.

Перемены конца 80-х — начала 90-х гг. XX в. с формальной стороны мало затронули сообщество медиевистов. Его институциональные основы и издания остались практически прежними, а новые университетские центры (Новый Болгарский университет, университеты в Пловдиве, Варне, Силистре и др.) не обозначали средневековую тематику среди приоритетов своего развития. Новые и возобновленные научные журналы или не выдержали трудностей («Родина», «Български векове»), или относительно мало интересовались Средневековьем («Минало», «Историческо бъдеще»), или проводили идеологизированную издательскую политику («Македонски преглед»). Повсеместные для посткоммунистических стран экономические сложности вызвали отток молодежи из трудоемкой и малодоходной научной деятельности, оскудела поддержка со стороны государства, а приоритеты грантовой политики зарубежных фондов сместились к неклассическим направлениям исторических исследований.

Вместе с тем в период транзита изучение болгарского Средневековья, в отличие, например, от исследований национального Возрождения, избежало как распространенных в других постсоветских странах массовых пароксизмов антисоветизма и национализма, так и обвинений в архаизме и методологической несостоятельности из среды самого ученого сообщества⁴. Избежала болгарская медиевистика и влияния направляемой государством исторической политики — важной составляющей идеологии транзита многих восточноевропейских стран. Люстрация (публичное раскрытие связей со спецслужбами народной республики), затронувшая историческую корпорацию, не сопровождалась созданием официозных исторических институтов с прокурорскими правами, как в Польше, а оформление явно политизированных направлений и сюжетов происходило в основном в сфере массового исторического чтения. По мнению В. Вачковой, под определение центра «исторической политики» попадает лишь фонд «Тангра-Таннагра», среди руководителей которого директор Института истории БАН Г. Марков и видный византист Г. Бакалов⁵. В книжной серии фонда, насчитывающей более семидесяти томов⁶, вышли,

² Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies, Sofia, 22—27 August 2011. Sofia, 2011. Vol. 1—3.

³ State and Church : Studies in Medieval Bulgaria and Byzantium.

⁴ Не нашли массового читателя на родине и работы болгарского адепта фоменковской «новой хронологии» Й. Табова. См.: *Табов Й.* Падането на стара България. София, 2008.

⁵ URL: <http://www.seal-sofia.org/bg/projects/completed/FCN/CaseStudies/VeselinaVachkovaProekt.pdf> (дата обращения: 11.12.2011).

⁶ Книги этой серии до 2007 г. выходили под девизом: «Болгария — самое древнее государство Европы, существующее под одним и тем же названием более восемнадцати веков и сохраненное до сегодняшнего дня болгарской нацией». После вступления Болгарии в Европейский союз в 2007 г. слова «самое древнее» заменены на «единственное».

помимо работ названных выше историков, солидные труды В. Гюзелева, Л. Гориной (МГУ) и других ученых, чьи имена никак не ассоциируются с исторической политикой.

Средневековая тематика, в свою очередь, не заняла важного места в деятельности изначально политизированного Македонского научного института с его изданием «Македонски преглед» и связанного с ним фонда «Сите българи заедно». В то же время отдельные сюжеты болгарской средневековой истории используются в государственной политике. Так, сомнительная с точки зрения многих исследователей атрибуция находок в тырновской церкви Сорока мучеников как погребения царя Калояна была поддержана в апреле 2007 г. официальной церемонией перезахоронения останков под руководством президента Г. Пырванова (также историка по образованию)⁷, а обнаруженные в августе 2010 г. тырновским археологом К. Попконстантиновым мощи св. Иоанна Крестителя стали предметом общенационального поклонения⁸.

Для широкого читателя и зрителя «лицо» болгарской медиевистики представляют книги и телепередачи бывшего руководителя Агентства по делам болгар за границей, тырновского историка, литератора и телеведущего П. Павлова⁹ и бывшего министра без портфеля в правительстве Б. Борисова, ныне директора Национального исторического музея Б. Димитрова¹⁰. Будучи профессиональными историками, они популяризируют средневековое прошлое с официозных позиций в духе умеренного (Павлов) или не всегда умеренного (Димитров) болгарского национализма, причем многие их работы выходят в переводах на европейские языки, включая русский. Однако и такие усилия если и поддерживаются, то не координируются государством, а историческая политика, на наш взгляд, в настоящее время только формируется вместе с национальным консенсусом по политическим, идеологическим и культурным вопросам.

В то же время еще один фактор политизации медиевистики в XX в. — обостренные отношения между Болгарией, Югославией и Румынией — утратил свое значение в связи с распадом Югославии и вступлением Болгарии и Румынии в Евросоюз. Между болгарскими историками и их зарубежными коллегами налаживается диалог, а традиционная историческая полемика о принадлежности Македонии и Добруджи смещается в маргинальную область.

Содержательно новый период болгарской медиевистики в основном является продолжением начинаний и тенденций предшествующего. Базовым концептуальным трудом по средневековой истории Болгарии стала совместная работа признанного главы национальной исследовательской школы академика (в то время члена-корреспондента) Болгарской АН В. Гюзелева и византолога И. Божилова, составившая первый том нового трехтомника по истории Болгарии, главные концептуальные отличия которого характеризуют и болгарские средневековые штудии в целом. В предисловии авторы отметили, что «не приняли во внимание те публикации, болгарские или иностранные, которые написаны непрофессионально, с очевидным стремлением исказить болгарскую средневековую историю или создать новые мифы и легенды о <...> далеком про-

⁷ URL: <http://paper.standartnews.com/bg/article.php?article=186211> (дата обращения: 10.12.2011).

⁸ URL: <http://dnes.dir.bg/news/bozhidar-dimitrov-sveti-yoan-krastitel-relikvarium-kazimir-porokonstantinov-6833633> (дата обращения: 10.12.2011).

⁹ Павлов П. Българското средновековие. София, 2008.

¹⁰ Димитров Б. Дванадесет мита в българска история. София, 2005.

шлом»¹¹. В центре их внимания — болгарская государственность, которая уже не делится на «три царства». Истоки Болгарии авторы уверенно размещают в истории взаимоотношений древних болгар и балканских славян в контексте Великого переселения народов. В книге даже не упоминается берущая свое начало от М. Дринова и развитая Д. Ангеловым концепция об участии фракийцев в этногенезе древнеболгарской народности, специально оговаривается использование термина «болгары» для периода, предшествовавшего переселению народа на Балканы, и развенчивается концепция «пакта» между Аспарухом и славянскими вождями в 681 г. Изложение подкреплено ссылками на исторические источники, введенные в научный оборот во второй половине XX в. Начиная с правления Тервела (701—722 гг.), авторы поместили историю языческой Болгарии в восточноевропейский («варварский») и византийский контексты, фактически заменяя господствовавшую концепцию «великих событий» отслеживанием постепенных изменений в длительной временной протяженности. Вследствие этого христианизация Болгарии в правление Бориса-Михаила (852—889 гг.) предстает, во-первых, как назревшее следствие сближения с Византией в предшествующие полтора века и, во-вторых, как начало создания общей с Византией христианской цивилизации. Последнему, в свою очередь, предшествовало самоопределение в формирующейся системе европейских макрокультурных координат «Восток — Запад». Существенное место в этом отведено кирилло-мефодиевской миссии и ее последствиям. Среди других концептуальных отличий тома — взвешенная оценка богомилства; отказ от лобового противопоставления Болгарии и Византии в XI—XIV вв.; трактовка выступления Ивайло (1277—1278 гг.) как феодального мятежа, а не крестьянского восстания.

Это издание — гораздо более серьезная заявка на пересмотр традиционных концепций болгарской средневековой истории В. Н. Златарского и многотомных изданий 50—80-х гг. XX в., чем ранее вышедшие томики «переоценок»¹² и библиотека «Болгарская вечность», где наряду с профессиональными работами¹³, изданиями источников¹⁴ и исторических карт¹⁵ публиковались скороспелые экскурсии или мифоборческие по названиям и мифотворческие по существу работы¹⁶. Сведение наиболее профессиональных «переоценок» в

¹¹ Божилев И., Гюзелев В. История на средновековна България, VII—XIV вв. София, 1999. С. 6.

¹² 681—1948. Из историята на българската народност и държава : изследвания. Анализи. Преоценки. София, 1993 ; История на българите: потребност от нов подход : преоценки : (сб.). София, 1998. Ч. 1—2. (Българска вечност ; т. 5).

¹³ Степанов Ц. Средновековните българи : нови факти, интерпретации и хипотези. София, 2001. (Българска вечност ; т. 23) ; Българи и хазари през ранното Средновековие. София, 2003. (Българска вечност ; т. 43) ; Ангелов В. Българите и техните съседи на Балканите във византийската историопис от XV в. София, 2007. (Българска вечност ; т. 67) и др.

¹⁴ Горина Л. В. Болгарский хронограф и его судьба на Руси. София, 2005. (Българска вечност ; т. 22) ; Подбрани извори за българската история. София, 2003. Т. 1 : Древните българи и земите на Балканския полуостров до VII в. ; Т. 2 : Българските държави и българите през Средновековието. (Българска вечност ; т. 40).

¹⁵ Българите : атлас. София, 2001 ; Българските земи в европейска картографска традиция, III—XIX вв. София, 2008 ; Българските земи в средновековната арабическа традиция. София, 2011.

¹⁶ Димитров Б. Българите и Александър Македонски. София, 2001. (Българска вечност ; т. 35) ; Добрев П. Златният фонд на българската древност. София, 2006.

первый том восьмитомной серии «История болгар» не сопровождалось их концептуальным согласованием, и это издание скорее представляет собой сборник очерков¹⁷.

С 2004 г. при поддержке парижского Института наук о человеке предпринимается попытка институционализации «альтернативной медиевистики» в рамках Рабочей группы «Византия», возглавляемой В. Вачковой и А. Милановой, но деятельность ее пока сводится к проведению отдельных симпозиумов и нескольким публикациям их материалов¹⁸. Книга В. Вачковой о культурной памяти средневековой Болгарии представляет интересный синтез методологических подходов П. Гири и П. Нора¹⁹.

К сожалению, за редкими и тем более ценными исключениями²⁰ за прошедшие два десятилетия посткоммунистического транзита болгарская медиевистика мало пополнилась новыми важными изданиями или весомыми научными именами. Однако очевиден и процесс накопления научного потенциала новым поколением ученых, концептуальный багаж которых существенно отличается от того, чем обладали предшественники. Прежде всего я назвал бы активное укоренение в болгарской медиевистике теоретических установок социального конструктивизма, экспансия которого в болгарскую историческую науку активно развивается усилиями работающего в США выходца из венской историко-антропологической школы Ф. Курты. После известной книги 2001 г. об «изобретении славянства» (в 2009 г. в Софии был опубликован ее болгарский перевод²¹) под редакцией Ф. Курты в авторитетном научном издательстве «Брилл» вышли уже полтора десятка томов индивидуальных и коллективных монографий по истории Центрально-Восточной и Восточной Европы в Средние века (450—1450 гг.). Среди них — хрестоматия болгарских средневековых текстов живущего в США К. Петкова, монографии И. Билярского и Ц. Степанова, сборник «Другая Европа», где опубликованы работы Ц. Степанова, В. Вачковой и В. Йотова²². Под руководством одного из видных

(Българска вечност ; т. 55) ; *Овчаров Н.* Победите на цар Калоян (1197—2007) : България между Православие и католицизъм. София, 2000. (Българска вечност ; т. 19).

¹⁷ История на българите / Г. Бакалов, Д. Попов, Е. Радушев и др. София, 2003. Т. 1 : От древността до края на XVI в.

¹⁸ См. сайт группы: URL: <http://gtbyzance.com/bg/> (дата обращения: 10.12.2011).

¹⁹ *Вачкова В.* Белите полета в българската културна памет. София, 2010.

²⁰ Я бы назвал, понимая всю субъективность подобных выборов, в числе наиболее значимых работ монографии В. Тъпковой-Заимовой и А. Милтеновой, И. Божилова, Х. Матанова, Р. Пановой, И. Поповой, И. Билярского, А. Николова, Г. Николова, В. Ангелова, Ц. Степанова; двухтомник источников из австрийских и венецианских архивов В. Гюзелева; сочинения Феофилакта Охридского, изданные И. Илиевым. Библиографию см.: *State and Church : Studies in Medieval Bulgaria and Byzantium*. P. 267—289.

²¹ *Курта Ф.* Създаването на славяните : история и археология на Долнодунавския регион ок. 500—700 г. София, 2009.

²² *Petkov K.* The Voices of Medieval Bulgaria, Seventh — Fifteenth Century : the Records of a Bygone Culture. Leiden ; Boston, 2008. (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450—1450 ; vol. 5) ; *Stepanov Ts.* The Bulgars and the Steppe Empire in the Early Middle Ages. Leiden ; Boston, 2008. (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450—1450 ; vol. 8) ; *Biliarsky I.* Word and Power in Mediaeval Bulgaria. Leiden ; Boston, 2010. (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450—1450 ; vol. 14) ; *The Other Europe. Avars, Bulgars, Khazars and Kumans / ed. by F. Curta, R. Kovalev.* Leiden ; Boston, 2008. (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450—1450 ; vol. 2).

представителей этого направления П. Гири в 2007 г. в Калифорнийском университете (Лос-Анджелес) была защищена диссертация выпускника Софийского университета Б. Годорова «Болгары между двумя Римами»²³.

Я далек от намерения рассматривать тенденцию к укреплению позиций социального конструктивизма как чуждую или вредную для дальнейшего развития болгарской медиевистики, однако предполагаю, что по мере ее укрепления традиционные проблематика и характер исследований будут существенно изменяться. Во-первых, хотя время транзита мало что добавило к результатам археологических раскопок второй половины XX в. (счастливым исключением можно считать публикации средневековых печатей шуменским историком и археологом И. Йордановым²⁴), комплексная интерпретация нарративных и вещественных источников с применением новой методологии способна внести серьезные коррективы в пока почти игнорируемую историками социально-экономическую проблематику болгарского Средневековья.

Во-вторых, отказ от примордиалистских концепций лишает медиевистику пока все еще присущего ей национального пафоса и ведет к пересмотру проблем институциональной модели средневекового Болгарского государства, континуитета в развитии болгарской народности и государственности от раннего Средневековья к Новому времени, содержания и эволюции средневековой болгарской культуры.

В третьих, результаты историко-филологических штудий, которые пока далеко не в полной мере учитываются историками, также способны откорректировать некоторые исторические заключения. В качестве примеров приведем подтверждаемые подробным текстологическим анализом выводы о составе корпуса древнецерковнославянской письменности в средневековой Болгарии, об истории текстов Синодика болгарской церкви, Хроники Манассии и других средневековых памятников. Особенно интересен в этом отношении проект «История и книжнина» кафедры кирилло-мефодиевистики Софийского университета, в который, в частности, вошли книги историков И. Божилова, И. Билярского, А. Николова и шуменского ученого Х. Трендафилова²⁵. Наряду с этим отдельные издания филологов подверглись справедливой критике за многочисленные исторические ошибки и археографические несуразности²⁶.

²³ *Todorov B. The Bulgarians between the Two Romes : the Discourse of Power in Medieval Bulgaria : diss. Los Angeles, 2007.*

²⁴ *Jordanov I. Corpus of the Byzantine Seals from Bulgaria. Sofia, 2003. Vol. 1 : The Byzantine Seals with Geographical Names ; Sofia, 2006. Vol. 2 : The Byzantine Seals with Family Names.*

²⁵ *Билярски И. «Сказание Исаиево» и формиране на политическата идеология на ранносредновековна България. София, 2011 ; Божилов И., Тотоманова А., Билярски И. Борилев синодик : изд. и превод. София, 2010 ; Николов А. Повест ползна за латините : памятник на средновековната славянска полемика срещу католицизма. София, 2011 ; Трендафилов Х. Младостта на цар Симеон. София, 2010.*

²⁶ См., напр.: *Даскалова А., Райкова М. Грамоти на българските царе. София, 2005 ; Христова Б., Караджова Д., Узунова Е. Бележки на българските книжовници, X—XVIII вв. София, 2003. Т. 1, X—XV вв. ; Турилов А. А. Старые заблуждения и новые «блхи» // Вестник церковной истории. 2009. № 1/2. Рец. на кн.: Христова Б., Караджова Д., Узунова Е. Указ. соч. : в 2 т. София, 2003. Т. 1 ; София, 2004. Т. 2.*

Таким образом, болгарская медиевистика сегодня стоит перед серьезными вызовами, но имеет и возможности для дальнейшего развития. Сохранив положительный потенциал своей исконной историографической школы, развивавшейся в тесном контакте с российской, немецкой, австрийской и итальянской медиевистикой, это направление исторических исследований вполне может вновь составить основу обновленной болгарской исторической науки в XXI в.

ББК 63.3(2)5-7

К. Е. Балдин

ЦЕРКОВНАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в. (На примере губерний Верхней Волги)

В предпринимательской среде одной из характерных черт религиозной практики (ортопраксии) были пожертвования в пользу церквей и монастырей. В современной исторической литературе в отношении этой деятельности утвердился термин «церковная благотворительность». Вместе с тем в рассматриваемый период такая дефиниция почти не употреблялась. Слово «благотворительность» тогда зачастую являлось синонимом другого термина, «филантропия», и подразумевало помощь не церкви, а людям — престарелым, сиротам, неспособным к труду и пр. Что касается материальных пожертвований на церковные цели, то они обозначались в литературе и источниках как «усердие к Дому Божию», «ревность к церкви» и т. п. Несмотря на это, в дальнейшем автор будет пользоваться термином, прочно утвердившимся в последнее время в научной литературе.

Многие представители предпринимательского «сословия» участвовали в строительстве и благоукрашении храмов. По мнению О. А. Платонова, написавшего предисловие к известному сборнику материалов по истории русского предпринимательства, «мечтой жизни большей части русских предпринимателей было желание построить храм. Пройдитесь по старым русским городам — на каждой улице по церкви, а то и больше, и возведены они преимущественно на добровольные пожертвования купцов и промышленников. Так в сознании русского человека отражалась идея искупления за богатство, которое всегда связано с грехом» [25, с. 25]. Оговоримся, что не всякий купец превращал желание построить храм в «мечту жизни», но магистральная тенденция церковной благотворительности в этой цитате подмечена верно. Не у каждого купца хватало денег для того, чтобы выстроить церковь, но большинство их стремилось оказать помощь приходскому или иному храму, покупали для него утварь, заказывали колокола, иконы.

В строительстве и благоукрашении церквей у предпринимателей могли быть разные мотивы. В купеческом менталитете в рассматриваемый период особое место занимали по-своему понятый, но искренний патриотизм, верность престолу и отечеству, отношение к императору как к сакральной и недосягаемой для простых смертных личности. Поэтому, отпуская деньги на строительство храмов, предприниматели желали отметить те или иные события в жизни членов правящей династии.

В Вознесенском посаде фабриканты Гарелин и Зубков построили при богадельне бесприходную церковь с колокольней в память посещения посада

и с. Иванова наследником-цесаревичем Николаем Александровичем в 1863 г. [17, с. 75]. В 1875 г. в Иваново-Вознесенске была освящена несколько лет строившаяся часовня во имя св. Александра Невского (в дальнейшем она была превращена в церковь). Зажиточный мещанин Парамон Каленков на свои средства построил ее в память избавления императора Александра II от грозившей ему опасности (имелось в виду покушение террориста Д. Каракозова) [2, 1875, № 13].

В 1890 г. купцы Иваново-Вознесенска по подписке собрали деньги на строительство Спасской церкви при местном реальном училище. Название церкви было символичным, она была устроена в память спасения от опасности Александра III и его семьи при крушении царского поезда около станции Борки Харьковской губернии. Главным «спонсором» церкви выступил фабрикант А. Н. Новиков, который за несколько лет потратил на строительство и благоустройство храма около 6,5 тыс. р. [13, с. 11—12].

В 1883 г. купец из г. Вязников Н. Л. Никитин пожелал устроить церковь во имя св. Александра Невского при местной тюрьме. Так он решил ознаменовать день коронавания Александра III и императрицы Марии Федоровны. Однако довести до конца свое намерение при жизни Никитин не успел. Дело продолжила его супруга, но слабое здоровье не позволило ей осуществить намерение мужа. За окончательное устройство храма взялся родственник Никитиных шуйский купец И. И. Попов. Несмотря на то что сумма расходов превысила в два раза изначально предполагавшиеся траты, храм был закончен и освящен. За это И. И. Попов получил личную благодарность императора [5, с. 6; 3, 1887, № 13]. В этом случае обращает на себя внимание большая целеустремленность предпринимателей: когда один был не в состоянии выполнить задуманное, к делу подключались его родственники. Постройка храма воспринималась как очень важное семейное дело, которое необходимо было довести до конца во что бы то ни стало.

Упомянутая выше железнодорожная катастрофа в Борках и чудесное спасение царской семьи стало побудительным мотивом для крупного пожертвования шуйского фабриканта М. А. Павлова, долгое время бывшего старостой Воскресенского собора г. Шуи. На его средства был отлит для собора уникальный по размерам и весу колокол в 127 пудов — седьмой по весу среди колоколов в России. На нем были изображены в виде горельефов небесные покровители всех членов спасшейся царской семьи, а также Шуйско-Смоленская Богоматерь. Надпись на колоколе поясняла, в память каких событий он был отлит [6, с. 24—26].

Вторым после верноподданнических чувств важным мотивом для строительства и благоустройства храмов была забота об укреплении религиозности рабочих. Фабриканты, строившие церкви при своих предприятиях, заботились в том числе и о спасении через религию душ «малых сих», выполняя таким образом евангельский завет о любви к ближнему. Широко известно изречение о том, что «религия кончается у фабричных ворот», т. е. в сфере экономики [7, с. 273]. Однако смысл этой не совсем корректной поговорки может быть сужен: в среде рабочих уровень религиозности был заметно ниже, чем среди крестьян или купцов. На секуляризацию сознания пролетариата влияли отрыв от традиционной крестьянской культуры, патриархальной семьи, участие в трудовых конфликтах, пропаганда революционеров. Фабриканты учитывали все эти негативные факторы и старались строить храмы при своих предприятиях.

В 1880 г. А. П. Коновалов основал в с. Бонячки Кинешемского уезда деревянный храм Рождества Богородицы, перестроенный из старой фабричной больницы. В 1904 г. по заказу его внука Александра Ивановича Коновалова там же был возведен обширный каменный Воскресенский храм. Он был обеспечен утварью, для содержания причта был образован особый капитал [33, с. 64].

В 1887 г. была построена Иоанно-Богословская церковь в местечке Дулево Покровского уезда, где находился крупный фарфоровый завод, в дальнейшем вошедший в широко известное Товарищество М. С. Кузнецова. Один из важных мотивов возведения храма — укрепление позиций синодального прихода в местности, где было много старообрядцев, в том числе среди рабочих. Совсем рядом находилась известная в старообрядческом мире Гуслица, являвшаяся одной из цитаделей старой веры в России. При освящении этого храма архиепископ Владимирский и Суздальский Феогност, тем не менее, призвал верующих относиться друг к другу терпимо, с равной любовью, как к «чадам Отца Небесного... и к богатым и к бедным... и принадлежавшим с нами к одной церкви и отделившимся по исповеданию веры от нас» [2, 1887, № 10]. В с. Лемешки около Владимира, где находилась крупная текстильная фабрика, ее хозяева Никитины построили в 1884 г. церковь во имя Андрея Стратилата. Освящал ее тот же владыка — архиепископ Феогност [2, 1884, № 5]. Храмы при фабриках были устроены также в с. Южа Вязниковского уезда, с. Серета Нерехтского уезда, с. Тезине Кинешемского уезда, с. Великом Ярославского уезда и др.

Духовное начальство и рядовые клирики всячески приветствовали устройство храмов в фабричных поселениях (вышеперечисленные села фактически представляли собой не села, а фабричные поселки с населением в несколько тысяч человек). Церковь становилась таким же неотъемлемым атрибутом благоустроенного фабричного поселка, как больница, богадельня, начальное училище, казармы для проживания рабочих. Епархиальный печатный орган очень высоко оценивал строительство храмов в фабричных местностях: «...нужно и полезно иметь при фабриках больницу, в высшей степени христианское дело делиться своим добром с теми, кто беден и убог; прекрасное дело... освещать ближнему дорогу к земному счастью; но высшее выражение нашей любви к ближнему — это... споспешествование его вечному благу, т. е. спасению души, которое вне церкви не возможно» [2, 1884, № 5].

Еще одним мотивом для постройки церкви было стремление увековечить память о почивших близких людях, снискать им царство небесное в ином мире. Фабриканта И. А. Кокорева из с. Тезина Кинешемского уезда подвигли к постройке храма трагические события, произошедшие в 1907 г. Его юная дочь Лидия перед сном поправляла лампаду у иконы, огонь от свечей, стоявших на столе, попал на ее пеньюар, и девушка вспыхнула как факел. Пять дней она пролежала в страшных мучениях и скончалась. Безутешный отец в память Лидии выстроил огромный храм для своих рабочих и других жителей Тезина вместимостью в 3 тыс. чел. Церковь была освящена в 1911 г., один из ее приделов был посвящен святой мученице Лидии [32, с. 22].

Пожертвования в память умерших родственников могли быть и более скромными. В семье крупного текстильного фабриканта А. Я. Балина в 1872 г. скончалась дочь Надежда, а в 1874 г. — сын-первенец Василий. В память о них Балин передал в Успенскую единоверческую церковь с. Дунилова

(это была его родина) священнические ризы и диаконский стихарь из серебряной парчи [10, ф. 395, оп. 2, д. 7, л. 14].

Пожертвования на помин души родственников демонстрируют сотериологический аспект церковной благотворительности. Христианская сотериология представляет собой учение о спасении всего тварного мира, а в узком значении — человечества от грехов и их последствий. Предприниматели, отпуская немалые средства, надеялись, что их родные обретут в ином мире Царствие Божие.

Точные количественные данные об участии предпринимателей в строительстве церквей у нас имеются только по г. Иваново-Вознесенску. Правда, они охватывают довольно значительный исторический промежуток — с конца XVIII до начала XX в. В 1860 г. в с. Иванове и Вознесенском посаде было 11 православных церквей, из них 6 было построено полностью или частично на средства местных купцов, в 1890 г. таких храмов было 11 из 16, в 1915 г. — 13 из 20. Эти подсчеты сделаны на основе ряда справочных изданий [17, 31].

В губерниях Верхней Волги нам удалось обнаружить единственный факт, когда в исследуемый период предпринимателями был основан не храм, а целый монастырь. Дело обстояло таким образом. 25 мая 1860 г. император Александр II утвердил указ Синода о дозволении купцу А. И. Миклютину построить близ г. Рыбинска общежительную обитель во имя Софии Премудрости Божией (в известном справочнике о монастырях России он ошибочно назван Миклюковым [22, с. 235]). Миклютин потратил на устройство монастыря 25 тыс. р. своих денег, вложил в это и свой личный труд, т. е. много-сложные организационные хлопоты. Верным помощником Миклютина в основании обители был еще один рыбинский купец — Н. Ф. Баскаков. Немалые средства на строительство монастыря потратил также рыбинский купец И. И. Эльтеков, он и его жена Е. Е. Эльтекова были похоронены в Софийской обители [19, с. 97—98; 23, с. 107—108].

Несколько слов об эстетических предпочтениях предпринимателей в области культового зодчества. Нельзя сказать, что купцы слепо принимали те архитектурные формы, которые предлагали им зодчие, привлеченные к строительству «купеческих» храмов. После того как в середине XIX в. ушла в прошлое эпоха классицизма, продолжавшаяся около столетия, наступил период «бесстилья», когда здания, в том числе и религиозные, строились по весьма своеобразным законам эклектики. Однако в последней трети XIX в. в отечественном зодчестве утверждается неорусский (или псевдорусский) стиль. Он копировал, а иногда творчески развивал формы церковной и гражданской архитектуры, характерные для XVI—XVII столетий. Значительную роль в культивировании нового (или хорошо забытого старого) стиля сыграли предприниматели. Это касалось как старообрядцев, так и тех, кто принадлежал к синодальной церкви. Их эстетические взгляды отличались традиционностью и ориентировались на образцы зодчества времен средневекового Московского царства. Вкусы предпринимателей не следует в данном случае рассматривать как ветхозаветные, они просто стремились возвратиться к истокам национального зодчества. Не отказывались купцы и от византийских традиций в храмовом строительстве, и наряду с псевдорусским возник псевдовизантийский (неовизантийский) стиль [21].

Показательным представляется в этом отношении обновление, а фактически коренная перестройка, Варваринской церкви в г. Юрьев-Польском.

Инициаторами ее выступили представители местной фабрикантской династии Н. А., А. М. и А. А. Ганшины. Они задумали воспроизвести в провинциальной церкви уменьшенную копию московского храма Христа Спасителя. Были привлечены архитектор и художник из Москвы. Н. А. Ганшин сам составил черновой план иконостаса, на основе которого известный столичный художник Комаровский выполнил все иконы, повторяющие живопись храма Христа Спасителя. Алтарь обновленной Варваринской церкви (освящена в 1888 г.) вызывал восхищение всех, кому доводилось увидеть его [8, с. 72—73].

Немало аналогичных примеров было и в Костромской губернии. В фабричном с. Середа по заказу М. И. и П. А. Павловых был построен храм Всех Скорбящих Радости на 2—2,5 тыс. чел. по проекту московского архитектора П. П. Зыкова. Это была типичная постройка в неорусском стиле, о чем свидетельствует и общий облик здания, и насыщенный фасадный декор, основанный на формах XVI—XVII вв. В том же стиле в 1911 г. была построена Воскресенская церковь в с. Тезине на средства купца И. А. Кокорева и по проекту московского архитектора И. С. Кузнецова. Важным атрибутом храма была большой высоты колокольня, напоминавшая фабричную трубу. Символичность этой звонницы состояла в том, что Тезино являлось крупным фабричным селом в основном с рабочим населением, колокольня как бы перекликалась с другим сооружением — трубой кокровского предприятия. Рядом с Тезиным в с. Бонячки на средства И. А. Коновалова была построена в память о его отце еще одна Воскресенская церковь, но уже не в неорусском, а в неовизантийском стиле [26, с. 328; 27, с. 141, 145].

Для нового заказчика из предпринимательской среды очень важны были две характеристики строившихся на их средства зданий. Во-первых, практичность, т. к. купцы были людьми деловыми, а во-вторых, репрезентативность, т. к. заказчик опосредованно хотел прославить себя чем-либо необычным через построенную церковь. Репрезентативность достигалась разными средствами. Например, высокая колокольня кокровского храма в Тезине, напоминавшая фабричную трубу, была видна за несколько десятков километров, а Скорбященская церковь в Середе с первого взгляда поражала своим редко встречающимся многоглавием.

Далеко не всякий предприниматель имел материальные возможности и желание построить церковь от начала и до конца. Большинство добродетельных даяний на церковные цели были скромнее, хотя также нередко исчислялись тысячами рублей.

Во-первых, купцы жертвовали на чисто хозяйственные нужды храмов: ремонт и поновление зданий, строительство приделов, домов для причта, дарили храмам землю как для строительства, так и для сельскохозяйственных нужд.

Например, купец Костерев, как отмечал местный благочинный, «оказывая беспримерное усердие к благолепию святого храма», настлал в Покровской церкви с. Орехова Покровского уезда новый пол, на свои средства устроил иконостас и каменную ограду вокруг храма [9, ф. 556, оп. 1, д. 864, л. 1, 2]. Купец из г. Буя Костромской губернии Василий Квасников пожертвовал Благовещенскому собору двухэтажный дом и землю в 210 саженой для того, чтобы этим имуществом пользовался церковный причт [20, 1887, № 13]. В Муроме купола Троицкого собора, Казанской церкви и колокольни были вызолочены на средства городского головы А. В. Ермакова и его супруги М. Е. Ермаковой [14, с. 370].

Во-вторых, предприниматели щедро давали средства на богослужебные предметы и церковную утварь: на приобретение колоколов, паникадил, богослужебных книг и сосудов, риз для духовенства, а также на содержание причта и хора.

Огромный колокол весом в 215 пудов для Воскресенской церкви в Солигаличе был приобретен на средства купцов М. И. Лихушина, братьев О. и В. Шалаевых. Из-за размеров и веса пришлось доставлять его не посуху, а по реке Костроме [20, 1889, № 15]. В Макарьевский Унженский монастырь Костромской губернии московский купец Н. В. Немиров-Колодкин прислал богослужебные сосуды, в том числе весьма древние, из Макарьевского Желтоводского монастыря, приобретенные после его временного упразднения, — потир, звездицу, ковчежец и др. [20, 1892, № 12]. В купеческой среде считалось особо «благодатным» жертвовать именно на такую церковную утварь, тем более что на подаренной вещи нередко делались надписи, в которых указывалось имя жертвователя и его мотивы. Особо отметим пожертвования, редко встречавшиеся на практике. Так, на купеческие средства была издана книга об Успенском соборе во Владимире. На титульном листе ее значилось: «Издана иждивением соборного старосты купца Е. В. Васильева» [18].

Одни благотворители материально опекали в течение своей жизни одну церковь, вкладывая в нее порой десятки тысяч рублей, другие распространяли свои щедроты на многие храмы, давая каждому не очень большие суммы по сравнению с первыми. Накануне своей смерти известный текстильный фабрикант И. И. Скворцов из Середы, пригласил к себе местного священника о. Петра и вместе с ним составил список бедных приходов Нерехтского уезда. После смерти Скворцова в пользу каждого из этих храмов поступил капитал по 2,5 тыс. р., проценты с него шли на ремонт церковных зданий, на приобретение свечей и материальное обеспечение членов причтов [20, 1892, № 10].

Духовное начальство не наблюдало пассивно за потоком купеческой благотворительности. Оно поощряло наиболее активных, указывало сомневающимся, куда лучше направить свои добротные даяния. В мае 1898 г. епископ Костромской и Галичский Виссарион выступил с поучением «Урок благотворительности», в котором толковал заветы св. Николая Чудотворца. Он говорил, что необходимо оказывать помощь не только тем, кто просит ее, но и тем, кто не просит, но нуждается в ней. Владыка особо отметил, что помощь должна оказываться благовременно, т. е. с упреждением, и желательно при этом соблюдать заповедь о тайной милостыне [20, 1898, № 9].

Архиепископ Владимирский и Суздальский Феогност также старался корректировать благотворительные устремления предпринимателей в отношении церкви. Купец из г. Покрова Я. В. Шилов «много думал о том, чем лучше ознаменовать чудо милости Божией в спасении драгоценной жизни Государя с Его Августейшим семейством» (во время железнодорожной катастрофы около станции Борки в 1888 г.). Владыка Феогност убедил его в том, что следует расширить церковно-приходскую школу в Покрове, опекаемую Шиловым, и открыть при ней ремесленное отделение для профессионального обучения детей [2, 1889, № 22].

Нельзя утверждать, что в сфере благотворительности все обстояло хорошо, редко, но все же встречались и откровенно уродливые явления. Представитель одной из старинных купеческих фамилий г. Коврова С. Я. Куренков однажды пожертвовал 7 тыс. р. на украшение местного Христорожественского собора, рассчитывая на адекватное воздаяние со стороны духов-

ных и светских властей (медаль, благословение духовного начальства и т. п.). Однако этого не произошло, ходатайство о награде духовная консистория почему-то задержала. Купец был возмущен и потребовал возвратить деньги, но городская дума ему в этом отказала [30, 1909, № 166].

Важную роль в церковной благотворительности играли церковные старосты. Синонимом этого слова является термин «ктитор». В словаре В. И. Даля этот термин фигурирует с пометой о том, что он употреблялся в основном в городах, а не в сельской местности [11, с. 209]. Этимологически это слово происходило от одинаково звучащего греческого слова, означающего того, кто дает деньги на строительство или ремонт храма, потом термин перешел на лицо, которое служило церковным старостой.

Должность была учреждена при Петре I в 1716 г. Сначала функции ктитора ограничивались продажей свечей, потом к ним присоединился сбор и хранение церковных сумм, покупка необходимых для церкви богослужебных предметов и утвари. В рассматриваемый период церковный староста избирался прихожанами на три года с согласия причта и благочинного, а утверждался епархиальным владыкой. Главным публичным критерием для претендентов было благочестие и преданность церкви. Негласным же мерилom выступало богатство: выбирали наиболее зажиточных граждан, способных материально поддержать храм. Денежные средства прихода староста должен был контролировать не единолично, а совместно с причтом. Ктитор приводился к присяге перед Евангелием и крестом, он давал обещание исполнять свои обязанности ревностно и со страхом Божиим. При этом ему вручался экземпляр инструкции, где четко были прописаны его права и обязанности. Эта инструкция, последняя редакция которой была утверждена царем 12 июня 1890 г., не раз переиздавалась как в централизованном порядке, т. е. для всей России [15], так и в епархиях [16].

По правилам, введенным в 1868 г., для ктиторов кафедральных соборов и приходских церквей в столице и губернских городах полагался мундир 9-го класса (титулярный советник), для уездных городов — мундир 10-го класса (коллежский секретарь), а для старост-крестьян — кафтаны, употреблявшиеся для членов обществ хоругвеносцев [24, с. 239].

Духовное начальство придавало большое значение деятельности ктиторов как статусных фигур в церковной и гражданской иерархии. В 1899 г. в «Костромских епархиальных ведомостях» была опубликована статья «Об отношениях между причтом и церковным старостой». Как нам представляется, главной целью этой публикации было регулирование отношений священника и ктитора. Синодальное, равно как и епархиальное, начальство опасалось, что старосты могут сосредоточить в своих руках полный контроль над материальными ресурсами приходов и таким образом отстранить причт от исполнения этих функций [20, 1899, № 18].

Состоятельные ктиторы в большинстве своем оказывали реальную помощь храмам, которые они взяли под свою опеку. Для других прихожан церковная благотворительность была желательной, а для церковных старост она превращалась в их обязанность, хотя, конечно, слова «благотворительность» и «обязанность» сочетаются плохо. В Ярославле И. Н. Соболев, представитель старинного купеческого рода, являлся ктитором Власьевской церкви в течение четырех трехлетних сроков, с 1874 по 1886 г. За это время на его средства внутри церковной ограды были построены два каменных дома стоимостью 30 тыс. р., для ризницы он приобрел церковную утварь и ризы для

священника на 10 тыс. р., на иные церковные нужды издержал еще 12 тыс. своих средств. Причем Соболев был отнюдь не исключением среди ктиторов, около половины пожертвований для храмов Ярославля делали именно церковные старосты [12, с. 242].

Три срока (1877—1884 гг.) занимал ктиторскую должность иваново-вознесенский купец Адриан Адрианович Напалков. За это время благодаря его хлопотам значительно возрос приходской капитал за счет увеличения кружечного и кошелькового сборов. Он построил рядом с храмом каменный дом для церковных нужд. Благодарные прихожане направили духовному начальству прошение, в котором перечисляли заслуги Напалкова и просили достойно наградить его [9, ф. 556, оп. 3, д. 840. л. 4].

Выше уже говорилось, что ктиторов являлись статусными фигурами губернского или уездного социума. Дело в том, что в рассматриваемый период экономический статус предпринимателей был уже достаточно высоким, в то же время широкая общественность относилась к «купцу» в лучшем случае настороженно, в худшем — крайне отрицательно. Таким образом, имело место рассогласование экономического и общественного статусов предпринимателей. Работа в качестве церковных старост заметно повышала общественный статус купечества, т. к. давала не только внешние регалии (мундир, награждение медалью, орденом), но и возможность постоянно общаться с представителями власти. Например, соборный староста в губернском городе регулярно встречался на тех или иных церковных мероприятиях с губернатором, архиереем, другими высокими должностными лицами. Институт ктитинства являлся одним из малоизученных до сих пор каналов вертикальной мобильности для предпринимателей.

Несмотря на хлопоты, сопряженные с исполнением должности старосты, кадровый голод в этой сфере не ощущался. В с. Вичуга Кинешемского уезда фабрикант Н. А. Разоренов построил церковь, в которой до конца жизни являлся старостой. После его смерти эту должность принял на себя зять и наследник Разоренова — М. М. Кормилицин. Соседний крупный фабрикант И. А. Кокорев, который также был не прочь стать ктитором этого храма, был обижен тем, что его обошли, и специально «под себя» выстроил неподалеку еще один храм, хотя нужды в двух церквях в этой местности не было [4, с. 176]. Как видно, материальные затраты и хлопоты, по мнению предпринимателей, окупались тем, что давало ктитинство, — почетом и повышением социального статуса.

Относительно контингента церковных старост в периодической печати отложились массовые данные, т. к. каждые три года «Епархиальные ведомости» публиковали полные списки всех ктиторов, избравшихся на очередное трехлетие. Нами были фронтально просмотрены «Костромские епархиальные ведомости» за 15 лет (1887—1902 гг.), из них извлечены списки всех церковных старост губернии. Как показывает этот источник, в сельской местности большинство ктиторов принадлежали к крестьянству и наверняка относились к зажиточной верхушке этого сословия. Изредка в сельских храмах старостами являлись дворяне из местных помещиков. Совсем иная картина наблюдалась в городах: здесь большинство старост принадлежали к купеческому сословию, среди ктиторов встречались и мещане.

Купцы редко занимали ктиторскую должность в течение только трех лет, большинство выполняли эти обязанности два, три, четыре и больше сроков, некоторые после смерти передавали своеобразную эстафету своим де-

тям. Четыре срока подряд являлся старостой в Богородицкой церкви, что в Кузнецах (Кострома), купец С. П. Давыдов. В Богословском храме на Каткиной горе ктиторм сначала был купец М. Н. Чумаков, а потом И. М. Чумаков [20, 1887, № 8; 1899, № 13].

В с. Хренове, расположенном рядом с фабричными поселками Вичуга, Бонячки, Тезино, Гольчиха, старостой являлся крупный текстильный фабрикант Н. А. Разоренов. Как видно, он хорошо понимал, что многосложные купеческие дела будут отвлекать его от должного исполнения обязанностей, поэтому купец М. Суматин был назначен его помощником, такой вариант был предусмотрен инструкцией церковным старостам [20, 1887, № 12].

Особо отметим, что ктитор не был обязан проживать в том поселении, где находилась опекаемая им церковь. Ктиторм храма в с. Широкове Нерехтского уезда был купец И. Г. Генералов из г. Иваново-Вознесенска, расположенного в 30 верстах от Широкова. Тем не менее прихожане выбрали его, т. к. он проявлял реальную заботу о местной церкви [20, 1887, № 6].

Среди ктиторов Костромской губернии встречались и люди известные, по тем или иным причинам вошедшие в дальнейшем в историю края или даже Отечества. В г. Юрьевце старостой Входоиерусалимского собора являлся Александр Александрович Веснин — местный купец, отец выдающихся российских архитекторов Весниных [20, 1899, № 11].

Следует оговориться, что в институте ктитинства не все обстояло благополучно. В ряде случаев богатый и влиятельный староста устанавливал полный контроль над приходскими средствами, пытался командовать причтом, даже вмешивался в распоряжения священника по поводу богослужения, что совсем не входило в его компетенцию. В упомянутой статье «Об отношениях между причтом и церковным старостой» говорилось, что в деятельность ктитора иногда примешиваются «торгашеские расчеты» при покупке свечей, лампадного масла, ладана и вина для причастия [20, 1899, № 18]. По поводу выборов старост в уездном городе Ярославской губернии Романово-Борисоглебске губернская газета писала, что некоторые старосты при исполнении своих обязанностей «не забывают себя», обзаводясь домом или другой собственностью. В качестве примера была приведена деятельность ктиторов Воскресенской и Спасо-Преображенской церквей — плотницкого подрядчика К. З. Дуничева и содержателя постоялого двора Долгополова [28, 1908, 28 янв.].

За свои заслуги в сфере церковной благотворительности предприниматели награждались различными знаками отличия. Сведения об этих наградах публиковались в местных повременных изданиях. Они, так же как и данные о ктиторах, носят массовый характер, что позволяет провести анализ этих материалов. Фронтальный просмотр «Костромских епархиальных ведомостей» за 1887—1902 гг. позволяет определить причины награждения, а также установить формулировки, которые его сопровождали. Это могло быть «отлично-усердное служение», «заслуги по духовному ведомству», «по ходатайству епархиального начальства». Эти формулировки не конкретизируют причины наград, однако встречаются и более предметные: «за заслуги по прохождению должности церковного старосты», «за пожертвования».

Ордена давались предпринимателям за такого рода заслуги довольно редко, награждение орденами составляло привилегию дворян и чиновников. Типично купеческой наградой являлась медаль «За усердие», она могла быть двух достоинств — золотой и серебряной, также различались ленты для ее

ношения. Это могли быть Александровская, Владимирская, Аннинская, Станиславская ленты — по цветам соответствующих орденов.

Кроме знаков отличия, существовали и другие способы поощрения наиболее щедрых церковных благотворителей. Очень почетным являлось благословение Святейшего Синода, которое могло сопровождаться выдачей соответствующей грамоты, а могло быть дано и в устной форме. Далее по иерархии шли благословение и благодарность правящего архиерея и, наконец, менее конкретная формулировка: «благодарность и признательность епархиального начальства».

Процедуру представления к награде можно проследить на примере купца из г. Вязников С. И. Сенькова. Обычно инициатива исходила от местного священника или же отца благочинного. Относительно Сенькова в епархиальное правление было направлено в 1880 г. письмо от городского благочинного о. И. Смирнова о заслугах купца по «украшению церкви». Однако инициативу могли проявить и рядовые прихожане: в с. Орехове его жители составили мирской приговор с просьбой о награждении местного ктитора купца г. Покрова И. И. Дианова. Для того чтобы «наградные листы» ушли в столицу, требовалась также справка от губернатора в том, что претендент не раскольник и не скопец. При определении конкретной награды учитывалось то, чем ранее был отмечен благотворитель. С. И. Сеньков до этого за разные заслуги награждался сначала золотой медалью на Станиславской ленте (1873 г.), а затем на Аннинской (1873 г.). Поэтому в 1880 г. он получил золотую медаль с надписью «За усердие» на Александровской ленте, что было весьма высоким отличием для провинциального купца [9, ф. 556, оп. 3, д. 826, л. 1, 19, 26; д. 845. л. 1].

О том, за что давались те или иные награды, свидетельствует довольно пространственный наградной список, приведенный в некрологе нерехтского купца И. И. Чиркова, скончавшегося в 1900 г. В 1874 г. ему было преподано благословение Синода за пожертвования (5 тыс. р.) в Вознесенскую церковь с. Середка, в которой четыре трехлетия он был ктиторм. В 1887 г. Чирков получил золотую медаль на Станиславской ленте за устройство каменной ограды вокруг церкви и кладбища в с. Широкове. В 1889 г. Чирков опять получил благословение Синода за щедроты в отношении церкви в с. Волынь Рязанской губернии. В 1892 г. купцу вручили медаль уже на Аннинской ленте за его службу ктиторм в приходе с. Афанасова соседней Владимирской губернии. Золотой медалью на Владимирской ленте И. И. Чирков был отмечен в 1897 г. за пожертвования в пользу церкви с. Афанасова и перестройку домов для местного причта [20, 1900, № 11].

В России существовали и иные способы поощрения щедрых жертвователей помимо награждения орденами, медалями, благословения духовного начальства. Купец П. М. Подосенов истратил более 31 тыс. р. на строительство Богоявленского собора в г. Мологе Ярославской губернии, при этом склонял к пожертвованиям и других предпринимателей. За это в 1887 г. местная городская дума присвоила ему звание почетного гражданина Мологи, а его портрет был помещен в зале собраний городской думы [1, с. 111—114]. Известные ярославские предприниматели Оловянишниковы, как видно, хорошо знали, куда нужно жертвовать деньги, — в пользу придворных церквей. За это в 1878 г. они были удостоены весьма престижного звания «поставщиков высочайшего двора», что способствовало дальнейшему развитию их дела [29].

Все сказанное относительно наград за церковную благотворительность только подтверждает то, что они, как и должность церковного старосты, представляли собой лифты вертикальной мобильности для предпринимателей. Общественный статус человека существенно повышался с получением ордена, медали, того или иного почетного звания.

Библиографический список

1. *Алексеев Н. М.* Подосёновы. Щедрость души // Опочининские чтения. Мышкин, 2002. Вып. 9/10. С. 111—124.
2. Владимирские губернские ведомости.
3. Владимирские епархиальные ведомости.
4. *Варенцов Н. А.* Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М. : Новое лит. обозрение, 1999. 848 с.
5. *Веселовский К.* Николай Львович Никитин, потомственный почетный гражданин, первой гильдии купец : некролог. М., 1886.
6. Воскресенский собор города Шуи и Чудотворный Шуйско-Смоленский образ Богоматери. СПб. ; Шуя : Троицкая школа, 2007. 64 с.
7. *Гараджа В. И.* Социология религии. М. : ИНФРА-М, 2005. 348 с.
8. Город святого Георгия. Юрьев-Польский в старой открытке. Владимир, 2002. 256 с.
9. Государственный архив Владимирской области.
10. Государственный архив Ивановской области.
11. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. Т. 2. 780 с.
12. *Дашковская О. Д.* Институт церковных старост и его эволюция в синодальный период // Социальная история российской провинции : материалы Всерос. науч. конф. Ярославль, 2009.
13. *Ефремов Д. Д.* Краткий отчет за 25-летие существования Иваново-Вознесенского реального училища (1873—1898). Иваново-Вознесенск, 1898. 120 с.
14. Иконы Мурома. М. : Северный паломник, 2004. 384 с.
15. Инструкция церковным старостам. М., 1888.
16. Инструкция церковным старостам. Ярославль, 1905.
17. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Владимир, 1898. Вып. 5 : Шуйский, Ковровский, Вязниковский и Гороховецкий уезды. 516 с.
18. История Владимирского кафедрального Успенского собора с изображением двух видов собора. Владимир, 1877. 156 с.
19. *Козлов А. Б.* Рыбинские купцы Баскаковы // XII Золотаревские чтения : материалы науч. конф. Рыбинск, 2008. С. 97—102.
20. Костромские епархиальные ведомости.
21. Купеческое строительство в Ивановской области : каталог / ред.-сост. Е. Г. Щеболева. М., 2004. 276 с.
22. Материал для историко-географического исследования о православных монастырях в Российской империи : (с библиографическим указателем) / сост. В. В. Зверинский. СПб. : Дмитрий Буланин, 2005. Кн. 1. 294 с.
23. *Михайлова Г. Б.* Из истории рыбинских купцов Эльтековых (XVIII — начало XX века) // XII Золотаревские чтения. С. 103—113.
24. *Павлов А. С.* Имущественное право церкви // Богословский вестник. 1901. Т. 3.
25. *Платонов О. А.* 1000 лет русского предпринимательства. М. : Современник, 1995. 479 с.
26. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Ивановская область. М. : Наука, 2000. Ч. 2. 776 с.

27. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Ивановская область. М. : Наука, 2000. Ч. 3. 813 с.
28. Северная молва. (Ярославль).
29. Скурлов В. В. Оловянишниковы — поставщики высочайшего двора // III Оловянишниковские чтения : тезисные материалы. Ярославль, 1998.
30. Старый владимирец.
31. Тихомиров А. М. Храмы Иваново-Вознесенска. Иваново : МИК, 1996. 144 с.
32. Товарищество мануфактур Герасима Разоренова и Ивана Кокорева в Кинешемском уезде Костромской губернии. Кострома, 1913. 116 с.
33. Товарищество мануфактур Ивана Коновалова с Сыном: 1812—1912 гг. : краткий исторический очерк. М., 1912. 248 с.

ББК 63.2 (2)5-283.2

А. В. Степанов

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА РОССИИ НАЧАЛА XX в.
ГЛАЗАМИ ПОЭТА И ГРАЖДАНИНА:
И. И. ТХОРЖЕВСКИЙ И ЕГО МЕМУАРЫ**

Иван Иванович Тхоржевский (1878—1951) не удостоился чести попасть в ареопаг знаменитостей политики или литературы Серебряного века, хотя принадлежал к обоим этим мирам. Столь типичный в истории «человек второго плана», Тхоржевский до своей вынужденной эмиграции был поэтом-любителем и профессиональным чиновником. Попад на гостеприимную чужбину, где в итоге провел почти половину своей долгой жизни, он стал переводчиком, публицистом и литературоведом, чьи работы в свое время привлекали внимание его земляков.

Однако в современной энциклопедии российских изгнанников статье о Тхоржевском не нашлось места [19]. Не встречается его имя также во всеохватном справочнике С. И. Чуприна; впрочем, попасть на страницы столь эпатажного издания не стремились, вероятно, и многие из упомянутых в нем авторов, чьи сочинения разборчивый составитель оценил терминами «скандал», «конфузный эффект», «маргинальная литература» и даже «поколенческий расизм» [30]. После этого кажется удивительным, что И. Тхоржевского (хотя бы в его ипостаси поэта и переводчика) удостоили вниманием редакторы вполне советской «Краткой литературной энциклопедии» [11, с. 700].

Куда хуже, что изданный в 1999 г. в новой России сборник очерков и воспоминаний И. Тхоржевского [26] прошел не слишком замеченным в отечественных научных кругах. Ссылки на него встретились нам только в статьях московского профессора А. П. Корелина [9] и алтайского историка И. И. Воронова [5, 6] — одного из 43 авторов прославившегося своим радикальным «антибольшевицким» пафосом коллективного труда «История России. XX век» [8]. Между тем мемуары Тхоржевского представляют определенный интерес для историка, изучающего общественно-политическую жизнь нашей страны в первые десятилетия XX века.

© Степанов А. В., 2011

Для начала следует изложить *curriculum vitae* нашего героя. Тхоржевский родился в Ростове-на-Дону в семье адвоката, не чуждой литературных увлечений: его родители печатали выполненные в соавторстве переводы на русский язык стихотворений П. Беранже, а также грузинских и армянских поэтов. Мать мальчика, Александра Александровна, была дочерью петрашевца А. И. Пальма (1822—1885), некогда довольно известного в России беллетриста и драматурга. Отец, Иван Феликсович, преуспевающий провинциальный адвокат, на досуге издавал литературные альманахи и даже сатирические журналы. Сам Иван Иванович впоследствии утверждал, что еще в юности печатался в таких солидных столичных ежемесячниках, как «Вестник Европы» и «Русское богатство» (проверить эти слова нам не удалось).

Детство будущего статского советника и камергера прошло в Тифлисе и его окрестностях: семья переехала туда в 1879 г., а вскоре отец купил небольшое имение близ села Самтависи Горийского уезда. В 1896 г. Иван поступил на юридический факультет Петербургского университета. Здесь третьекурсника Тхоржевского застали драматические события февраля 1899 г. — академическая забастовка, которая сопровождалась стычками универсантов с казаками. Унизительный разгон мундироносной дворянской молодежи нагайками так возмутил юношу, что он (вместе с большинством однокашников) отказался сдавать летние экзамены. Однако вместо переноса их на осень начальство университета, выполняя приказ министра народного просвещения Н. П. Боголепова, оставило всех «отказников» на второй год.

В стенах университета небогатый провинциал, деливший скромную квартиру на Васильевском острове с тремя другими студентами, завел немало полезных связей. Среди его новых знакомых оказался сын крупного столичного чиновника барона Э. Ю. Нольде (1854—1909) Борис (1876—1948), ставший впоследствии свояком Тхоржевского.

Именно Нольде-старший посоветовал Тхоржевскому не увлекаться академической карьерой, открывавшейся перед блестящим молодым ученым-правоведом, а поступить на казенную службу. Тот внял совету и в 1901 г. «причислился» к канцелярии Комитета министров — того высшего правительственного учреждения страны, которое (под менявшимися впоследствии названиями) фактически руководило ею, оставаясь в тени императора, а позднее и премьер-министра. Через год Иван Тхоржевский был произведен в титулярные советники и назначен на штатную должность письмоводителя с должностным окладом 125 р. в месяц; ранее он, как тогда нередко водилось, служил без всякой оплаты. В 1903 г., при помощи все того же барона Э. Нольде (к тому времени занявшего пост управляющего делами Комитета министров), молодой чиновник получил повышение: стал начальником одного из отделений канцелярии Комитета. Это назначение Тхоржевского совпало с невольным приходом на пост главы Комитета «самого» С. Ю. Витте: летом 1903 г. император переместил недавнего министра финансов на эту должность — формально высшую в стране, а фактически безвластную. Так И. Тхоржевский получил возможность близко присмотреться к Витте, о котором впоследствии написал интересный очерк. В свою очередь, Витте, родившийся в Тифлисе, проявлял симпатию к сотруднику, проведенному детство в этом памятном ему городе.

Следующий карьерный шаг в биографии И. Тхоржевского связан с событиями осени 1905 г. В те дни его патрон С. Витте стал главою правительства и включил Тхоржевского в число шести своих главных помощников —

по одному на каждый рабочий день недели, ибо интенсивность труда в аппарате премьера была такова, что работать там чаще чиновники просто не могли. Впрочем, когда весной 1906 г. Витте получил отставку, Тхоржевский не лишился места: как почти любой мелкий винтик бюрократической машины, он легко встраивался в аппараты сменявших один другого первых лиц государства. Отделенный от грозных высот большой политики несколькими ярусами иерархической пирамиды, Тхоржевский благополучно переносил происходившие в верхах судьбоносные кадровые перемены. Так произошло и летом 1906 г., когда правительство страны возглавил П. А. Столыпин: ему тоже пригодился трудолюбивый юрист, профессионально владевший пером.

Впрочем, и в кабинете Столыпина Тхоржевский занимал скромную должность: он служил помощником начальника Переселенческого управления, которое, в свою очередь, с мая 1905 г. входило в Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ), фактически имевшее статус министерства. Однако, учитывая то значение, которое новый премьер придавал делу переселения крестьян из центральных губерний России за Урал, Тхоржевский оказался на весьма важном направлении правительственной работы. По крайней мере, со Столыпиным ему приходилось часто встречаться и даже совершить в 1910 г. дальнюю деловую поездку. Естественно, что еще теснее Тхоржевский сотрудничал со своим непосредственными начальниками — А. В. Кривошеиным (главою ГУЗиЗ в 1908—1915 гг.) и Г. В. Глинкой, который руководил Переселенческим управлением с 1905 по 1915 г. О каждом из них он впоследствии оставил едва ли не панегирические воспоминания.

Достоверных сведений о том, как протекала работа Тхоржевского в Главном управлении, у нас нет. По свидетельству его племянника — советского писателя С. С. Тхоржевского (1927—2011), знакомого с дядюшкой лишь по семейным преданиям, — тот в 1912 г. удостоился придворного звания камергера, а в 1913 г. получил новое повышение: был назначен управляющим канцелярией ГУЗиЗ [28, с. 249]. В выходных данных «Атласа Азиатской России», изданного в 1914 г. Переселенческим управлением, И. И. Тхоржевский назван редактором текста [1]. Судя по отрывочным свидетельствам самого Ивана Ивановича, он в те годы вращался в весьма высоких светских кругах столицы, в частности был завсегдатаем Английского клуба (Дворцовая набережная, 16). Жил он на одной из самых аристократических улиц Петербурга — Сергиевской [28, с. 244]. На карьеру чиновника не повлияла ни начавшаяся в 1914 г. мировая война, ни преобразование осенью 1915 г. ГУЗиЗ в Министерство земледелия и связанная с этим отставка А. В. Кривошеина.

Тхоржевский продолжал работать и при вновь назначенном министре А. Н. Наумове (в 1880-х гг. однокашнике В. И. Ульянова по Симбирской гимназии). Впоследствии Наумов так вспоминал о своей первой встрече с ветераном ведомства: «Утром в день получения указа (о своем назначении на пост; 13 ноября 1915 г. — А. С.) меня посетил управляющий канцелярией Министерства земледелия камергер Иван Иванович Тхоржевский. Он произвел на меня самое благоприятное впечатление своей поразительной осведомленностью в делах, толковостью, умением излагать свои мысли, чуткостью и, наконец, самой манерой держать себя, указывавшей на большую выдержку и природную благовоспитанность. Превосходно владевший пером, одаренный вдобавок поэтическим талантом, Тхоржевский, как я вскоре узнал, оказывал моему предшественнику незаменимые услуги по подготовке публичных вы-

ступлений и составлению деловых записок» [14, с. 352]. Наумов, доселе не имевший опыта государственной службы, признавал: «При ближайшем содействии умного и чуткого Ивана Ивановича, я, до некоторой степени, научился быть министром» [14, с. 391]. В другом месте Наумов называет Тхоржевского «мой ближайший сотрудник» [14, с. 410] и рассказывает об их совместной поездке в Крым весной 1916 г., во время которой Иван Иванович гостил в собственном «именьице» Наумовых в Гурзуфе [14, с. 412].

При новом министре Тхоржевскому был присвоен чин действительного статского советника [28, с. 250]. Таким образом, путь через четыре ступени Табели о рангах занял у него 15 лет, то есть примерно на два года меньше, чем обычно.

Казенная служба не мешала Тхоржевскому заниматься литературным творчеством. По воспоминаниям его племянника, в 1908 г. чиновник издал книгу своих стихов «Облака» и сборник переводов итальянского поэта Дж. Леопарди, а в 1916 г. — свою вторую книгу («Дань солнцу») [28, с. 248; 11, с. 700; 25]. Как утверждал знаток отечественной поэзии Я. А. Хелемский, эти книги «остались без отклика» [29]. С. Тхоржевский также признает, что стихи его дяди были написаны «чисто, легко», однако «никого не задевали за живое» [28, с. 248]. Впрочем, Ивана Ивановича посещали и вполне земные мысли — например о радикальной перемене сферы деятельности. Только так можно объяснить поворот в его карьере, происшедший летом 1916 г., когда Тхоржевский оставил министерскую канцелярию.

Ни дата этого события, ни его истинная причина нам неизвестны. Еще в апреле Тхоржевский отдыхал на министерской даче в Крыму, а уже в начале августа на неофициальном обеде своих бывших коллег в столичном ресторане «Донон» Иван Иванович шутливо приветствовал собравшихся «из скромной норки треугольной» [14, с. 558], намекая на свою новую должность в правлении Товарищества российско-американской резиновой мануфактуры, известного под торговой маркой «Треугольник». Семейное предание гласило, что Тхоржевский покинул Министерство земледелия в преддверии ухода с поста его главы Наумова, который не сумел найти общего языка с тогдашним премьером Б. В. Штюрмером [28, с. 251]. Если это так, то увольнение Тхоржевского последовало вскоре после 15 июня 1916 г., когда он вместе с Наумовым вернулся из Могилева, где министра земледелия принимал в своей ставке император Николай II [7, с. 592].

Частный сектор встретил Тхоржевского более чем тепло. Не оставляя службы в «Треугольнике», тот умудрился стать членом правления одного из самых крупных банков страны — Русского торгово-промышленного (это очень пригодилось Ивану Ивановичу впоследствии). В декабре 1916 г. Тхоржевский занял также пост председателя совета акционеров только что открывшегося в Петрограде Нидерландского банка для русской торговли. Какую роль в этом сыграли его давние дружеские связи среди сильных мира сего, а какую — высокие профессиональные качества, остается только гадать. Впрочем, революция 1917 г. мигом оборвала столь блистательно начатую карьеру финансиста.

Годы с 1917-го по 1919-й в биографии И. Тхоржевского покрыты конспиративным мраком. Можно верить свидетельству его племянника, утверждавшего, что бывший камергер какое-то время состоял в тайной антисоветской организации «Правый центр» [28, с. 253]: среди ее руководителей были давние знакомые Ивана Ивановича по Министерству земледелия —

А. В. Кривошеин и В. И. Гурко. Как известно, «Правый центр» просуществовал лишь с марта по май 1918 г. и не отмечен в истории никакими серьезными политическими акциями [10, с. 20—21]. Не менее достоверно, что летом 1919 г. И. Тхоржевский тайно перебрался из Петрограда в Финляндию: тогда это был самый доступный путь в эмиграцию. В Россию (естественно, белую) он вернулся лишь ненадолго, летом 1920 г., вместе с Кривошеиным, которому генерал Врангель предложил возглавить свое правительство в Крыму. Впрочем, уже в ноябре все они покинули Севастополь на борту английского крейсера. В декабре 1920 г. Тхоржевский добрался до Парижа и там вскоре занял место в правлении Русского торгово-промышленного банка (Иван Иванович удачно оказался единственным за границей членом его бывшего петроградского правления). Однако в 1924 г. правительство Франции национализировало это реликтовое финансовое учреждение в счет ставших безнадежными царских долгов...

По мнению Н. Н. Берберовой (ссылающейся на архив парижских «вольных каменщиков» и документы В. А. Маклакова), в 1922 г. Тхоржевского приняли в масонскую ложу «Астрея», которая в январе того года была «инсталлирована» в столице Франции [2]. Берберова числит в масонах и ряд близких знакомых Ивана Ивановича, например Б. Э. Нольде (ему она приписывает высший, 33-й градус посвящения). По сведениям современного масоноведа А. И. Серкова, 14 апреля 1923 г. Тхоржевский выступал на заседании «Астреи» с докладом «Об истории аграрной проблемы в России» [20, с. 235.]

С 1924 г. главным занятием Тхоржевского стала литературная деятельность; хобби превратилось в профессию. Он активно сотрудничал в эмигрантской периодике, прежде всего — в парижской газете «Возрождение» (1925—1940). Ее издание спонсировал российско-армянский предприниматель Абрам Гукасов — владелец французской судостроительной компании и родной брат Павла Гукасова, в 1916—1917 гг. занимавшего должность председателя правления все того же Русского торгово-промышленного банка. Газета считалась неофициальным органом русских бизнесменов, оказавшихся в эмиграции (Российский торгово-промышленный и финансовый союз, Торгпром). Список постоянных авторов «Возрождения» включал немало знаменитых имен русской эмиграции: ее первым редактором был П. Б. Струве, а «записным» литературным критиком — В. Ф. Ходасевич. Сама газета скромно называла себя «органом русской национальной мысли» и задумывалась как противовес «левой» эмигрантской прессе, связанной с кадетскими и эсеровскими кругами.

Выступления И. Тхоржевского в печати не остались без внимания со стороны его идейных оппонентов из среды русской эмиграции. Как ни странно, резче всего автора «Возрождения» критиковали не «слева», а «справа». Мы нашли хлесткую статью И. Л. Солоневича, которую тот поместил на страницах им же созданной в предвоенной Софии «Нашей газеты». Эмигрант «полупортной» волны (Солоневич бежал из СССР в 1934 г.) обрушился на Тхоржевского за высказанные тем взгляды на Февральскую революцию 1917 г. в Петрограде как на бунт солдат, вызванный главным образом падением авторитета монархии из-за распутинских скандалов. Солоневич считал такую теорию краха самодержавия «банально-дурацкой» и «тхоржевско-холливудской». В противовес публицисту «Возрождения» Солоневич выдвинул теорию извечной борьбы русских царей с «застойным и чванным правящим слоем», которую те вели якобы ради интересов народа. В этой борьбе против

собственного ближайшего окружения император Николай II оказался плохим учеником царя Ивана Грозного — и проиграл... [21]

Кроме газетной работы, Тхоржевский в межвоенные годы выпустил несколько книг своих поэтических переводов. В 1928 г. он издал сборник четверостиший Омара Хайяма, в 1930 г. — антологию современных французских поэтов, в 1931 г. — томик стихов Гёте. Эти работы Тхоржевского выпускало издательство «Родник», которое основал эмигрант эсер И. Н. Коварский [18, с. 154]. Много лет спустя, в 1959 г., Тхоржевского как мастера поэтического перевода упомянул не кто иной, как С. Я. Маршак [13, с. 351]. В качестве курьеза отметим, что авторы комментариев к сочинениям Маршака перепутали Ивана Тхоржевского с его отцом, хотя назвали того «выдающимся русским переводчиком начала XX века».

Участие И. Тхоржевского в политической жизни эмиграции не назовешь удачным. По сведениям современного историка О. А. Платонова, в 1938 г. бывший камергер фигурировал среди устроителей Российского монархического объединения — кружка сторонников нового претендента на императорский трон великого князя Владимира Кирилловича. По мнению О. Платонова, именно присутствие в руководстве объединения таких «масонских конспираторов высокого ранга», как И. Тхоржевский, обрекло организацию «на внутреннее разложение» [17, с. 27, 28].

Судьба хранила И. И. Тхоржевского и во время немецкой оккупации. Правда, при новых властях «Возрождение» закрылось; одна из последних заметок Ивана Ивановича, опубликованная в газете за полгода до падения Парижа, 29 декабря 1939 г., призывала «зарубежные русские национальные круги» поддержать Финляндию в ее борьбе с Советским Союзом, поднять Красную армию «против действительного врага России: против сталинской власти» и ради этого почему-то «теснее сомкнуться вокруг великого князя Владимира Кирилловича» [24] (сей не слишком уместный призыв косвенно подтверждает правоту О. Платонова). Тхоржевский, которому перевалило за 60, остался в столице поверженной Франции, но не опозорил себя сотрудничеством с гитлеровцами, как это сделал, например, русский генерал Н. Н. Головин. В таких драматических ситуациях наш герой явно предпочитал безопасные вторые роли.

В годы войны Тхоржевский работал над капитальным научным трудом — двухтомной монографией «Русская литература». Исследование охватывало огромный период времени — от Древней Руси до послереволюционных лет. Книга вышла в 1946 г. и вызвала у читателей неоднозначную реакцию. Не кто иной, как великий И. А. Бунин, обрушился на ее автора (который «вообще очень “покраснел” теперь»), решительно отказав ему в праве судить русскую литературу. Раздраженный дерзкими претензиями коллеги и его бойким фельетонным слогом, нобелевский лауреат назвал Тхоржевского сочинителем «плохих переводов разных иностранных поэтов», хотя тут же признал, что «некоторые, и даже немалые способности у него все же есть». Более того: как ни осерчал классик на младшего современника и невольного земляка, он заметил, что в его «Русской литературе» имеется «весьма немало верного, правильного». Трудно ожидать более теплых оценок от склонного к мизантропии литературного небожителя, тем более что в книге Тхоржевского сам Бунин уподоблен «золотому фазану на птичьем дворе» [3, с. 474]. Впрочем, даже племянник автора признавал, что труд Ивана Ивановича отличался «субъективностью характеристик» [11, с. 700]. Тем не менее в 1950 г. книга

Тхоржевского вышла в Париже вторым изданием, насчитывавшим более 650 страниц [35].

В 1949 г. Тхоржевского пригласили редактировать возобновленное — теперь в журнальном формате и вновь при помощи А. Гукасова — «Возрождение», которое на сей раз имело более долгую историю (журнал издавался четверть века, до 1974 г.). Однако уже через год нелегкую редакционную работу взял на себя С. П. Мельгунов. Одним из последних выступлений И. Тхоржевского на страницах «Возрождения» оказалась яркая статья «Пушкинская речь Достоевского» [27], где высказана парадоксальная на первый взгляд мысль: если идеалы Достоевского, выраженные в его знаменитой речи — этом «Евангелии русского консерватизма», — были опровергнуты жизнью, то пушкинские «политические предчувствия», его суждения о России «выдержали жизненную проверку, оказались безупречно правдивыми».

Сведений о семейной жизни И. И. Тхоржевского нам удалось найти немного. Сайт «Всероссийское генеалогическое древо» сообщает, что Иван Иванович был женат на Зинаиде Андреевне (в девичестве Искрицкой) и что у супругов было двое детей, в том числе сын Георгий, родившийся в 1914 г. [34]. О самой Зинаиде Андреевне другой генеалогический сайт сообщает, что брак с Тхоржевским стал в ее жизни вторым; ранее она была замужем за князем И. П. Шаховским [36]. По данным сайта «Русская Франция», прах супругов Тхоржевских покоится на парижском кладбище Сен-Женевьев де Буа (захоронение № 2336) [37].

Проанализируем теперь воспоминания И. Тхоржевского, впервые опубликованные на родине их автора в 1999 г., как исторический источник.

Неудивительно, что немалое внимание в них уделено тем государственным мужам, в чьей тени автору приходилось нести казенную службу. По правилам хронологии обратимся вначале к воспоминаниям Тхоржевского о С. Ю. Витте. Едва ли не главной его чертой мемуарист неожиданно называет «неискоренимую нравственную вульгарность», отсутствие в нем светских, дворянских или хотя бы чиновничьих черт. При этом Витте казался мемуаристу «самородком, гениальным, властным практиком-самоучкой», «мужиковатым гигантом, завоевателем, самодержавным дельцом». Первый русский премьер, как утверждал Тхоржевский, «преклонялся перед наукой, но сам был на редкость невежественным человеком, по крайней мере в области наук общественных: права, истории, литературы, политики (даже в экономике он брал больше чутьем)». Другая черта Витте — отсутствие прочных политических убеждений: он легко мог перейти с позиций критики земств «справа» в стан защитников представительной власти, «с реакционных взглядов — к манифесту 17 октября».

Тхоржевский высоко оценил деятельность Витте на посту министра финансов России: тот «наладил» государственный бюджет и «проявил редкую изобретательность в доставлении для казны денег». Витте также «немало потрудился над индустриализацией России, над развитием русской промышленности и железнодорожной сети, вообще над нашей европеизацией», признавал мемуарист. Особое внимание Тхоржевский уделит роли Витте в аграрных реформах, которые в начале XX века готовились в России. Здесь мемуарист ссылался на беседы со своим близким другом министром земледелия А. А. Риттихом. Тот в 1902—1905 гг. служил чиновником для особых поручений в созданном по инициативе Витте Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности. По мнению Тхоржевского, хотя «вит-

тевское Совещание, проработав два с половиной года, было закрыто и не принесло прямых результатов», однако «оно успело оставить ценнейшие материалы, которые легли всецело в основу столыпинской земельной реформы 1907 года»*.

Витте буквально растормошил доселе почти бездействовавший Комитет министров, главою которого он был назначен летом 1903 г. Особенно раздражали нового главу кабинета «графаретно-правые мысли», которые высказывали на заседаниях отдельные министры. Им Витте нередко выговаривал: «Такие речи, ваше превосходительство, хорошо произносить в Петербурге и во дворцах, а в России они встречают совершенно другой отклик».

Тхоржевский приводит немало свидетельств того, как нелюбезно (и зачастую несправедливо) оценивало деятельность Витте русское «общество». Едва Сергей Юльевич заступил на пост министра, как столичные зубоскалы «перекрестили его в Сергея Жульевича». В декабре 1904 г. один из бывших университетских наставников Тхоржевского в дружеской беседе предрек России скорый мир с Японией и конституцию, а завершил свое пророчество так: «Все эти новости вырастут там, где произрастает наш всероссийский большой лопух — Витте!» Когда же осенью 1905 г. роль Витте в делах государства резко возросла, оппозиционная пресса стала именовать его политику «виттовой пляской». Не забыл мемуарист и прозвища, данного Витте за заключение мира с Японией: «граф Полу-Сахалинский»; Тхоржевский поясняет, что авторы обидной клички, по сути, прозвали творца Портсмутского договора полукаторжником. «После 17 октября (1905 года. — А. С.) Витте получил, вместо желаемого оперного апофеоза, травлю и смуту со всех сторон», — горько, хотя и не без иронии констатирует мемуарист.

С искренним сочувствием к выдающемуся государственному деятелю, в разгар трудов попавшему в опалу, Тхоржевский приводит грустную шутку, слышанную им из уст Витте. Чтобы войти в историю, иронизировал граф, надо изобрести какое-нибудь выдающееся кулинарное блюдо, «наподобие Гурьевской каши или беф-Строганова». Витте вслух надеялся, что его «заявкой на бессмертие» станут «виттевские пирожки» — ватрушки с зернистой икрой, которые ему пекли в качестве закуски. Однако в душе, как полагал Тхоржевский, его хлебосольный собеседник мечтал о возвращении в большую политику. «Судьба решила иначе, — меланхолично замечает мемуарист. — Ни тебе ватрушек, ни власти; ни кулинарной, ни думской славы».

Немало места в сочинениях Тхоржевского уделено и П. А. Столыпину, чье имя названо «самым ярким из имен последнего царствования». Столыпин, на взгляд мемуариста, обладал «чертами вождя», был «диктатором», который «властно вел русскую политику». Главными заслугами Столыпина Тхоржевский считал установление думской политической системы (он «всегда отстаивал молодое русское народное представительство», в том числе и против нападков справа), а также крестьянскую реформу, которая выводила мужицкое хозяйство «из темного, бесправного общинного подполья на твердую собственническую дорогу». По мнению Тхоржевского, политическая линия Столыпина была «центральной, единственно правильной для России», а сам Петр Аркадьевич до конца исполнил свой долг перед родиной.

* Пользуясь случаем, отметим, что на роль С. Витте как предшественника П. Столыпина в деле земельной реформы мы указывали еще в 2002 г. [22].

Тхоржевский считал, что Столыпин не идеализировал того «мужика», о благе которого радел: «Он вовсе не был “народолюбцем-идеалистом”, отлично знал и мужицкую жестокость, и тайную ненависть к культурным русским верхам, легко пробуждаемую злобу ко всем людям, по-европейски одетым». Вера Столыпина в необходимость земельной реформы проистекала не из кабинетного славянофильства, а из опыта «борьбы в обхват» с русской революцией, пытавшейся перетянуть крестьянство на свою сторону.

Отдельного очерка И. Тхоржевского заслужила поездка Столыпина в Сибирь в августе — сентябре 1910 г. В свое время она вызвала немало критики в адрес премьера и «справа» (там в ней видели неуместный популистский жест), и «слева» (там Столыпина осуждали за чрезмерную пышность его турне). По свидетельству Тхоржевского, в этом путешествии «высокий, властный, всегда внешне эффектный Столыпин выдержал свою роль до конца». Премьер выслушивал отчеты сибирских чиновников и встречался с простыми людьми; он «по-царски принимал почетные караулы, но просто и хорошо разговаривал на сходах с переселенцами и со старожилами». Иногда это приводило к курьезным происшествиям. Так, «одному из серых сибирских купцов в маленьком городке» Столыпин пожелал поскорее «иметь миллион», на что тот почтительно и скромно ответил: «Уже есть».

Поездка в Сибирь в свите премьер-министра вспомнилась Тхоржевскому и как повод сравнить «почерк», стиль поведения двух выдающихся государственных деятелей — Столыпина и Витте. Сопоставление привело мемуариста к интересному заключению: в общении с подчиненными Столыпин не выходил из «позы власти», «был внимателен, но высокомерен», словно подтверждая свою репутацию «возгордившегося праведника»; Витте же, при всей его «безграничной вульгарности», держался несравненно проще и приятнее. Впрочем, замечает Тхоржевский, Сергей Юльевич был «сознательный грешник», представитель той породы людей, которые «гораздо легче для общежития и бывают полезнее для государства», но которым «не дано совершать подвиги».

Еще один биографический очерк Тхоржевского посвящен А. В. Кривошеину (1857—1921). С ним мемуаристу довелось поработать в различных земледельческих ведомствах, в том числе сотрудничать в деле проведения столыпинской реформы. Кроме того, Тхоржевские были соседями Кривошеиных: те жили в Петербурге на Сергиевской улице в д. 36 [12].

Проследив судьбу коллеги, Тхоржевский отмечает изначальный консерватизм политических взглядов Кривошеина: в 1905 г. тот решительно выступал против принудительного отчуждения помещичьих земель в пользу крестьян. Его программа в аграрном вопросе тогда фактически предвосхищала планы Столыпина: продавать крестьянам лишь слабые, убыточные имения, а выжившие в результате естественного отбора латифундии сохранять «для питания городов, для вывоза, для общего подъема хозяйства, для сохранения культурного лица России». Однако в 1908—1910 гг. под влиянием близкого знакомства с крестьянским делом этот «петербургский делец, министр явно консервативный, повинуюсь только здравому смыслу и сыновней любви к родине, постепенно вырастал в политическую и притом явно либеральную величину». Кривошеин убедился в том, что «жизнь обгоняет его аграрную программу». В результате за «две пятилетки кривошеинского министерства» (слова Тхоржевского) Главное управление землеустройства нашло общий язык с Думой, печатью и множеством полезных общественных организаций.

По утверждению мемуариста, после гибели в 1911 г. П. А. Столыпина Кривошеина прочили ему в преемники, поскольку «деловой и политический вес его был велик: он давно перерос свой портфель земледелия». Однако, не чувствуя в себе столыпинских качеств вождя, не обладая «внешней властью», тот «уклонился от премьерства». Оно и не мудрено: император хотел видеть на этом посту безликих ничтожеств типа Горемыкина. В результате убежденный монархист, «всегда находившийся под обаянием неотразимых женственных чар, ума и тонкости Государя», Кривошеин в годы войны потерял прежний кредит у самодержца и лишился министерского поста. Не снискал он славы и в борьбе с большевиками, закончившейся бегством из Крыма и скорой кончиной.

Еще одним близко знакомым Тхоржевскому «крестьянским» чиновником был уже упомянутый Г. В. Глинка. Его память мемуарист в 1934 г. почтил прочувствованной статьей. Тхоржевский начал ее с признания парадоксальных свойств характера Глинки: правые политические взгляды уживались в нем «с неискоренимым насмешливым вольномыслием». Смоленский дворянин, выпускник Московского университета, Глинка был безгранично предан делу крестьянской колонизации Сибири, став для внутренних мигрантов «переселенческим батькой», а для правительства кем-то вроде «сибирского Киселёва». По натуре далекий от политики, Глинка (в изображении Тхоржевского) был «блестящим хозяйственником, одним из строителей нашего народного и государственного благополучия перед войной, невиданного раньше расцвета (“просперити”!) в предвоенные годы».

В 1936 г. Тхоржевский дважды выступил в печати со статьями о русском общественном деятеле, с которым в России почти не был знаком лично, — об А. И. Гучкове. Поводом для этого стал не только уход яркого политика из жизни в феврале 1936 г., но и реакция эмигрантского сообщества на это событие: на смерть Гучкова откликнулись А. В. Керенский и П. Н. Миллюков. По мнению Тхоржевского (вероятно, к тому времени уже готового тягаться с грандами русского Парижа), в сердце покойного страстная преданность родине соединялась со столь же пылкой ненавистью к Николаю

II.

Однако если Россия на любовь политика так и не ответила взаимностью, то царская чета в полной мере платила Гучкову тою же неприязнью. В итоге их бескомпромиссной борьбы император был вынужден отречься от престола буквально в присутствии Гучкова. Однако эта победа оказалась пирровой: «Старая, дорогая московскому сердцу Гучкова Россия — без Государя не просуществовала и суток!»

Между тем, отмечает Тхоржевский, в мирные «думские» годы Гучков умел найти общий язык со Столыпиным: он не только подсказал премьеру идею «переворота» 3 июня 1907 г., но и помогал правительству в стенах Таврического дворца. Результаты этой работы Тхоржевский оценил очень высоко: «Время третьей Думы — не только блестящая страница его, гучковской, биографии, но и одна из самых блестящих страниц русской истории, время расцвета. Народное хозяйство России, ее просвещение, военная оборона, крестьянское дело — все это только выиграло от сотрудничества царского правительства с Думой, пусть и Думой укороченного образца». Однако идиллию симфонии бюрократии и «общества» нарушили события 1914—1915 гг.: патриота Гучкова не устраивало то, как царь вел войну, его возмущала распу-

тинщина и вмешательство в дела государства со стороны императрицы. Ответом на это стала якобы подготовка Гучковым военного переворота, который, однако, погубил не только нерасчетливого политика, но и саму Россию.

Тхоржевский категорически не приемлет прозвучавшее в некрологах определение Гучкова как «большого человека». Публицист «Возрождения» готов признать, что Александр Иванович был человеком сильным, замечательным, обладал большим умом и властным, упорным характером. Однако, чтобы считаться подлинно «большим человеком», Гучкову, по мнению Тхоржевского, «не хватало внутренней цельности подлинного вождя», «не хватало калибра». Этот политик умел побеждать в закулисной борьбе, в заговорах и интригах, но «при выходе на политическую авансцену» его ждал только проигрыш. «Мельчит» Гучкова и такая черта его характера, как авантюризм, с проистекающей из него «страстью к переодеваниям», страстью, которая позволила Витте назвать Гучкова «бутафорным военным».

Наряду с портретами русских государственных и общественных деятелей начала XX века, Тхоржевский не раз обращается к характеристике императора Николая II. Мемуарист лично соприкасался с ним лишь изредка, однако мог судить о характере царя по его поступкам, а равно по тем служебным документам, которые проходили через руки обер-канцеляриста. Так в работах Тхоржевского появились следующие оценки: «тонкий, впечатлительный и *ревнивый*», «не обладая чертами самодержца, покойный император обладал всеми нужными данными конституционного Государя», «хороший стилист» (в смысле степени владения литературным языком), «человек сложный, полный тайной внутренней обреченности и тихого нравственного упрямства». В любом случае, Тхоржевский далек от идеализации Николая II, а «самодержавие» жены императора (ее возросшее влияние на политику правительства с осени 1915 г.) он считал одной из важнейших причин Февраля.

Тхоржевский афористически точно определил роль, которую самодержец играл в русской политической системе начала XX века. «В той, царской России имя Государя было поистине Архимедовым рычагом власти. Не он опирался на государственные учреждения, а они им держались. Поэтому впоследствии, когда Государь был свергнут, — мгновенно был как бы выключен электрический ток, и вся Россия погрузилась во тьму кромешную», — не без оснований утверждал мемуарист.

Ограниченный объем статьи не позволяет изложить многие иные сведения, которыми богата книга И. Тхоржевского. Упомянем только, что в ней заключено немало интересных фактов, касающихся работы высших и центральных органов власти России в начале XX века. Мемуарист «между делом» отмечает ту роль, какую в карьерах чиновников играли семейные и дружеские связи или диплом престижного учебного заведения (например, Александровского лицея). Он освещает историю разработки некоторых законодательных актов 1905—1907 гг., в том числе «Учреждения Государственной думы», а также показывает «кухню» составления иных важных делопроизводственных документов.

Ряд приводимых мемуаристом фактов характеризует стиль отношений между высокопоставленными чиновниками, их служебную этику и общий уровень подготовки к своей работе («Те круги высшей бюрократии, с которыми я соприкоснулся, сразу показались мне самыми культурными, самыми дисциплинированными и наиболее европейскими изо всего, что было тогда

в России, — вспоминает Тхоржевский и добавляет: — При этом убеждении я остаюсь и теперь»). Такие свидетельства хорошо дополняют аналогичные факты, встречающиеся в мемуарах иных представителей политической элиты России начала XX века.

Исследователь воспоминаний И. Тхоржевского не может не задаться вопросом о том, какими источниками (помимо собственной памяти) пользовался их автор. Анализ текста показывает, что мемуарист выступал, по сути, в роли историка: он широко привлекал публикации документов, которые в 1920—1930-е гг. были выпущены как в Европе, так и в Советском Союзе. Перечислим лишь некоторые из них: это мемуары С. Ю. Витте [4], записки А. Н. Яхонтова [32], книга В. В. Шульгина «Дни» (в 1922—1926 гг. она издавались несколько раз, в том числе в Белграде, Софии и Ленинграде [31]; по мнению Тхоржевского, книга Шульгина — «яркая и талантливая»; она «опасна как материал для политических выводов, ибо внушена чрезмерной впечатлительностью, но зато ценна как подлинный документ, как живая фотография тех бурных дней»), письма императрицы Александры Федоровны к Николаю II [16] и даже публикации документов в журнале «Красный архив».

Кроме этого, Тхоржевский знаком с трудами ряда эмигрантских историков. Не упоминая уже газетную публицистику ретроспективного характера, он, в частности, глухо ссылается на книгу С. С. Ольденбурга [15], а ее автора прямо (и заслуженно) называет панегиристом последнего самодержца. Изучил И. Тхоржевский и работу своего давнего знакомого Б. Э. Нольде «Старый порядок и революция в России» [33]. Иными словами, воспоминания и очерки Тхоржевского могут рассматриваться не только как исторический источник, но и как памятник отечественной историографии.

Солидная фактографическая база, отсутствие открытой предвзятости (при наличии несомненной авторской концепции) и, не в последнюю очередь, великолепный язык изложения — все это делает книгу И. И. Тхоржевского ценным вкладом в корпус материалов по истории предреволюционной России. В этой связи представляется актуальной задача выявления и публикации других сочинений этого незаурядного писателя, разбросанных по страницам различных эмигрантских изданий.

Библиографический список

1. Атлас Азиатской России : издание Переселенческого управления ГУЗиЗ / под рук. Г. В. Глинки ; ред. И. И. Тхоржевский. СПб., 1914.
2. Берберова Н. Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М. : Прогресс-Традиция, 1997. 400 с.
3. Бунин И. А. «Панорама» // Соч. : в 9 т. М. : Худож. лит., 1967. Т. 9. С. 471—474.
4. Витте С. Ю. Воспоминания. Берлин : Слово. 1923.
5. Воронов И. И. А. В. Кривошеин и колонизация Сибири // Новый ист. вестн. М., 2007. № 1.
6. Воронов И. И. Служил Отечеству и словом, и делом // Звезда. 2008. № 6. С. 206—210.
7. Дневники императора Николая II. М. : Орбита, 1991. 736 с.
8. История России, XX век / отв. ред. А. Б. Зубов. М. : АСТ. 2009. Т. 1. 1024 с. ; Т. 2. 848 с.

9. *Корелин А. П.* П. А. Столыпин и русское общество: политическая программа правительства и попытки ее реализации. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/data/915/680/1219/007Korelin.pdf> (дата обращения: 30.09.2011).
10. Красная книга ВЧК : в 2 т. 2-е изд. М. : Политиздат, 1989. Т. 2. 325 с.
11. Краткая литературная энциклопедия. М. : Сов. энцикл., 1972. Т. 7.
12. *Кривошеин В. А.* Спасенный Богом // Судьба века: Кривошеины. СПб. : Звезда, 2002.
13. *Маршак С. Я.* Почерк века, почерк поколения // Собр. соч. : в 8 т. М. : Худож. лит., 1971. Т. 6.
14. *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний, 1867—1917 : в 2 кн. Нью-Йорк, 1955. Кн. 2.
15. *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. Белград, 1940. Т. 1.
16. Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Берлин : Слово, 1922. Т. 1—2.
17. *Платонов О. А.* Терновый венец России. История русского народа в XX веке. М. : Родник, 1997. Т. 2. 1040 с.
18. Политические деятели России, 1917 : биогр. слов. М., 1993. 432 с.
19. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века : энцикл. биогр. слов. / ред. В. В. Шелохаев. М. : РОССПЭН, 1997. 742 с.
20. *Серков А. И.* История русского масонства, 1845—1945. СПб. : Изд-во им. Н. И. Новикова, 1997. 480 с.
21. *Солоневич И. Л.* За тенью Распутина // Наша газета. София, 1939.
22. *Степанов А. В.* С. Ю. Витте и крестьянский вопрос в России начала XX века // Вестн. Иван. гос. ун-та. 2002. Вып. 2. С. 7—14.
23. *Струве Г. П.* Русская литература в изгнании. Париж : YMCA-Press ; М. : Русский путь, 1996. 425 с.
24. *Тхоржевский И. И.* Большевики, Финляндия и Россия // Возрождение. Париж, 1939. 29 дек.
25. *Тхоржевский И. И.* Дань солнцу : второй сборник стихов. Пг. : Тип. А. Суворина, 1916. 64 с. Тираж 300 экз.
26. *Тхоржевский И. И.* «Последний Петербург». Воспоминания камергера : авторский сборник. СПб. : Алетея, 1999. 256 с.
27. *Тхоржевский И. И.* Пушкинская речь Достоевского // Возрождение. Париж, 1949. № 3.
28. *Тхоржевский С. С.* Открыть окно : воспоминания и попутные записи. СПб. : Алетея, 2002. 304 с.
29. *Хелемский Я.* «Не циклами стихов и не томами прозы...» // Vestnik. Балтимор, 2004. № 18 (355).
30. *Чупринин С. И.* Русская литература сегодня. Жизнь по понятиям. М. : Время, 2007. 768 с.
31. *Шульгин В. В.* Дни : записки / вступ. ст., коммент. С. Пионтковского. Л. : Прибой, 1925. 223 с.
32. *Яхонтов А. Н.* Тяжелые дни // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 18.
33. *Nolde B.* L'Ancien regime et la revolution russe. Paris : Armand Colin, 1928.
34. URL: <http://baza.vgdru.com/1/39846/> (дата обращения: 24.09.2011).

35. URL: http://rbr.lib.unc.edu:80/cm/card.html?source_id=06332 Электронная библиотека «Россия вне России» университета Северной Каролины (США) (дата обращения: 01.10.2011).
36. URL: <http://ru.rodovid.org/wk/Запись:411059> (дата обращения: 24.09.2011).
37. URL: http://rus-fr.ru/thorzevsky_ii.html (дата обращения: 10.10.2011).

ББК 63.3(2)521

Л. А. Чернов

УНИФОРМА ОФИЦЕРОВ РУССКОЙ АРМИИ В МАНЬЧЖУРИИ В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904—1905 гг.

История повседневности, или история повседневной жизни, — относительно новое направление в изучении прошлого. Оно выделилось в рамках так называемого антропологического поворота, наметившегося в современной науке в 60-х гг. XX в., и развития «микроистории». В настоящее время наблюдается членение и этой довольно узкой дисциплины. Практически уже оформилось такое направление, как военная повседневность.

Особый интерес представляет для историка изучение аспектов повседневной жизни армии во время боевых действий. Возникает своеобразный парадокс: в одной из самых регламентированных частей общества — военной среде, живущей, одевающейся, питающейся по различного рода уставам, постановлениям, инструкциям, повседневная жизнь в условиях войны настолько разнообразна, что ее практически невозможно регулировать. Тем более это верно для такого отдельного аспекта повседневности, как униформа.

Данная статья посвящена изучению униформы русских офицеров, находившихся в действующей армии на территории Маньчжурии во время русско-японской войны 1904—1905 гг. Нас интересуют три вопроса: как выглядел офицер, отправляемый на войну, насколько хорошо была приспособлена униформа к условиям театра боевых действий и каким образом можно было восполнять недостающие элементы экипировки.

Но прежде всего необходимо обратиться к тенденциям развития военной формы на рубеже XIX—XX вв. К концу XIX столетия в корне изменился характер войны: появились новые виды вооружений, значительно увеличилась огневая мощь, произошла унификация огнестрельного оружия и боеприпасов, сменились принципы ведения боевых действий. Все это привело к тому, что деление родов войск на многочисленные виды со своей особой униформой и знаками различия стало ненужным. В России подобные изменения начали происходить в начале царствования Александра III. Армейские гусарские и уланские полки были переименованы в драгунские (1882 г.), а чуть раньше, по реформе 1881 г., вся кавалерия (кроме гвардии) и пехота получила мундир единого образца. Также эта реформа практически стерла различия во внешнем облике между рядовым и командным составом, поэтому форма офицеров во время русско-японской войны мало чем отличалась от формы нижних чинов.

Чуть позже, уже в 90-х гг. XIX в., крупнейшие армии мира начали вводить униформу защитного цвета. Первой такой армией стала британская, одев свои колониальные войска в «хаки». Вскоре по названию этого английского красителя коричнево-желтого цвета стали называть любые материалы для обмундирования и одежды, окрашенные в защитный цвет. Армии ведущих держав выбирали свой основной оттенок, обычно получавший соответствующее название, например «блю оризон» во Франции, «фельд-грау» в Германии. В России подобный защитный цвет именовался «шанжан», а ткань называлась «материал зеленовато-серого цвета» [2, с. 23]. Об этом нужно помнить при употреблении слова «хаки».

В данной статье речь пойдет о походной форме командного состава. Каждый офицер имел две формы одежды: летнюю (рис. 1, 2) и зимнюю (рис. 3). Летняя состояла из шаровар, мундира или кителя, сапог и фуражки. Шаровары и мундир шились из наворсованного сукна темно-зеленого цвета. В документах специально указывалось, что одежда должна быть подогнана так, чтобы не сковывала движений [8]. Офицерский мундир и шаровары были того же образца и цвета, что и для рядовых, отличались лишь тем, что на шаровары по бокам нашивались красные лампасы, а на мундире положено было иметь жесткие погоны. Как правило, униформу заказывали точно по фигуре (в отличие от ростовых солдатских шаровар, мундира и рубахи, которые выдавались при зачислении на службу). Некоторые офицеры носили не двубортные, а однобортные мундиры (это не запрещалось). На воротнике и обшлагах полагались золотые или серебряные петлицы, у генералов вместо петлиц — галуны, адъютантам были присвоены аксельбанты. Воротник, обшлага, борта и погоны обшивались шелковым «снуром» (шнуром).

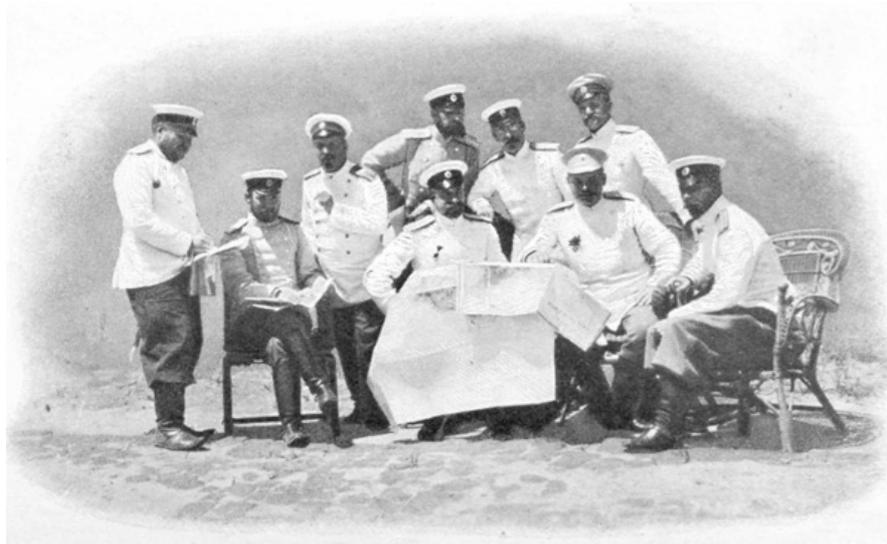

Рис. 1. Группа офицеров управления генерал-квартирмейстера полевого штаба Наместника. Лето 1904 г.

Кроме мундира, офицеры могли носить китель, но только в тех случаях, когда по распоряжению командования нижние чины надевали беленные полотняные гимнастические рубахи (позже за ними закрепилось широко из-

вестное название — гимнастерки). Китель шился из беленого полотна по форме сюртука, такой же длины, как и мундир [7]. Именно эти кители ошибочно принимаются за мундир белого цвета, который, по рассказам современников, рекомендовалось «порезже стирать», чтобы белый цвет не выделялся на фоне ландшафта.

О белом кителе (равно как и о белых рубахах нижних чинов) писали очень многие. Форменная одежда белого цвета оказалась совсем непригодной в условиях маньчжурского театра боевых действий. Она была видна издалека и служила хорошей мишенью для вражеских стрелков, поэтому ее старались перекрашивать. Вот что пишет об этом граф А. А. Игнатьев: «Когда к отходящему на юг поезду я явился в белом кителе... некий уже побывавший на фронте полковник сразу расхолодил меня и остальных офицеров, которые тоже были в белом... Он объяснил, что белое обмундирование и, особенно, белые фуражки служат одной из немаловажных причин наших потерь в людском составе... все перекрасились... я увидел вместо русской пехоты толпу в каких-то желто-зеленых, голубоватых и зеленоватых тряпках. В результате кустарной, спешной и неумелой покраски обмундирования все наше воинство сразу приобрело жалкий вид» [3, с. 172]. К сожалению, нам неизвестно, какими красителями пользовались для изменения цвета кителей и рубах, но даже эта деталь говорит о неподготовленности военной формы русской армии

к условиям «современной» войны.

Рис. 2. Группа офицеров 4-го восточно-сибирского полка. Лето 1904 г.

Фуражка как офицеров, так и рядовых изготавливалась из так называемого гвардейского сукна и имела подкладку. Фуражки офицеров отличались от головных уборов нижних чинов лакированным кожаным козырьком и

офицерской кокардой; кокарда располагалась на тулье над околышем [7]. В летний период на нее могли надевать белый чехол.

Офицеры носили сапоги армейского образца высотой 11 вершков (около 50 см). Однако, по воспоминаниям современников, они оказались совершенно непригодными к маньчжурскому ландшафту: подошвы скользили по камням и глине и очень быстро рвались [3, с. 172].

В годы войны Военное министерство поставляло большие партии теплой одежды, в том числе и валенки, на Дальний Восток, но какие части и в каком количестве их получали, выяснить не удалось. Также не удалось найти письменных сведений о разрешении офицерам со стороны командования носить валенки, хотя в источниках встречаются упоминания о том, что командные чины носили не только валенки, но и китайские улы (один из видов зимней традиционной обуви местного населения Маньчжурии) [3, с. 145, 172].

Рис. 3. Группа офицеров 11-го восточно-сибирского полка. Весна 1904 г.

Зимняя форма, помимо описанных выше предметов, состояла из шинели, папахи, ватника и башлыка. Шинель шили из серого сукна, причем из того же, что и для рядовых. При этом современники отмечали, что офицеры заметно выделялись на фоне рядовых, т. к. их шинели были гораздо светлее. Длина определялась следующим образом: в стоячем положении полы шинели не должны были доходить до земли 8 вершков (36 см) в пешеходных частях, 6 вершков (27 см) — в конных. Шинель застегивалась на 8 крючков, пришивались офицерские погоны, было разрешено иметь меховой отложной воротник [8]. Чаще всего для этой цели использовали мех бобра, енота или медведя.

Папаха состояла из двойного колпака (внутренняя сторона из черной крашенины, внешняя из подкладочного холста) с закругленной макушкой и из пришитой к колпаку меховой тульи из черного бараньего меха. Офицерская кокарда закреплялась посередине. На верхушку суконного колпака крестообразно нашивался галун произвольного цвета [8]. Папахи для пехоты и кавалерии различались: пехотинцы носили более низкие (4,5 вершка, около

20 см), кавалеристы (в основном казаки) — более высокие (5,75 вершка, около 26 см).

Башлык, который явился прототипом известной буденовки, — это похожий на капюшон головной убор, состоящий из остроконечного колпака и двух длинных концов, которые в холод обвертывались вокруг шеи. Он шился из двух кусков верблюжьего сукна, оторачивался тесьмой [7]; по краям обшивался золотым или серебряным, в зависимости от цвета, присвоенного полку.

Теплушка (ватник) в холодное время надевалась под мундир, а без него — под шинель. Кроме того, по усмотрению командира полка разрешалось надевать теплушку без мундира и шинели на домашних учениях и занятиях. Этот элемент зимней одежды, похожий на ватник, шился по выкройкам мундира из ткани темного цвета, имел стеганую ватную прокладку [7]. Несмотря на то что данный вид одежды был предписан рядовым, он получил распространение и в офицерской среде.

Необходимо очень кратко остановиться на вопросе, напрямую не связанном с главной темой нашей статьи. Речь идет об амуниции и вооружении офицеров. Им полагалось носить револьвер системы Нагана образца 1895 г., однако они имели право сами покупать себе оружие. Многие так и делали, приобретая новейшие самозарядные пистолеты. Наиболее популярными моделями были Маузер К-96 образца 1896 г., и Браунинг № 1 образца 1900 г. [11, с. 22]. Также на вооружении армии на начало войны находилась шашка образца 1881 г., данный вид холодного оружия был единым для всех родов войск (за исключением нескольких гвардейских полков). Длина клинка варьировалась от 28 до 34 дюймов (от 70 до 85 см) и зависела в основном от роста офицера [10].

Револьвер или пистолет носили в поясной кобуре из черной лакированной кожи [9], а шашку на портупее, перекинутой через левое плечо. Необходимыми принадлежностями являлись бинокль, алюминиевая фляга с водой и офицерская сумка (позже она была видоизменена и получила название планшет; сумку обязаны были иметь все офицеры, кроме генералов и их адъютантов). Бинокль носился одновременно на плечевом и пояском ремнях с правой стороны, немного впереди револьвера. Ремни изготовлялись из черной сыромятной кожи [8]. Сумка, где находились карты, блокноты и другие письменные принадлежности, носилась на особом плечевом ремне [7]. Зачастую в эту сумку клали небольшие фляжки с коньяком.

Офицеры очень мало зависели от поставок Военного министерства. В большинстве случаев они одевались, вооружались, обеспечивали себя походным имуществом за собственный счет. Для этого каждому офицеру, отправлявшемуся на войну, полагался усиленный оклад, который был выше жалованья мирного времени на 20—40 % [4, с. 90], и несколько дополнительных выплат к нему. Несмотря на свободу выбора багажа, командные чины испытывали определенные трудности. Это происходило потому, что большинство из них слабо представляли себе, в каких условиях придется воевать. Например, корреспондент Л. Нодо описывает случай, когда только прибывшие летом в Маньчжурию офицеры прямо на вокзале покупали летние рубашки цвета хаки, поскольку в их гардеробе преобладали теплые форменные вещи [5, с. 12]. Интересно отметить тот факт, что до отъезда они, вероятно,

не знали, в какие климатические условия попадут. Это является ярким примером отношения к войне в России.

В ходе боевых действий униформа изнашивалась гораздо быстрее, чем в мирное время. Кроме того, как уже было сказано выше, различные элементы обмундирования оказались неудобными или малопригодными для ношения. Поэтому спрос на военную форму, да и на другие нужные вещи, был высок.

Офицеры могли заказывать элементы униформы и снаряжения из европейской части России, но огромное расстояние до театра боевых действий и крайне низкая пропускная способность Транссибирской магистрали обуславливали ненадежность и редкое использование данного способа.

Управление главного полевого интенданта для нужд армии производило оптовые закупки теплых вещей у китайских торговцев [6, л. 35] (например, халаты и курмы). Офицеры не имели права заменять форменные вещи местными, однако многие из них носили их под шинелями.

На Дальнем Востоке к услугам офицеров были частные торговцы, маркитанты и представители офицерских экономических обществ, продававшие многое из вещей, нужных войскам. С обозами следовали вольнонаемные или законтрактированные маркитанты [1, с. 104], а иногда и просто торговцы, не имеющие официального разрешения находиться при армии. Они продавали различные товары не только офицерам, но и солдатам. Но солдат содержался на казенный счет, а офицер должен был обеспечивать себя самостоятельно, поэтому зависимость его от подобных коммерсантов была гораздо сильнее. Те, пользуясь своим положением, продавали товары со значительной наценкой. В годы войны в качестве некоего противовеса подобной системе на Дальнем Востоке находились склады офицерских экономических обществ («экономки», как называли их сами офицеры), снабжавшие офицеров вещами, оружием, амуницией и продовольствием по ценам, значительно меньшим, чем те, которые назначали маркитанты. В места, близкие к фронту, выезжали так называемые «летучие отряды» экономических обществ, они доходили практически до передовой. В числе предлагаемых вещей всего было 48 наименований, среди которых, помимо предметов формы и вооружения, находились полевые багажи, кожаные подушки и наволочки, бурочные сапоги (сапоги из тонкого войлока или фетра на кожаной подметке), походные аптечки и даже самовары [1, с. 105].

Сделаем краткий вывод по нашему исследованию. На рубеже веков под влиянием развития вооружений и изменения тактики ведения войны претерпел изменения внешний вид ведущих армий мира. Подобные процессы происходили и в России. Прежде всего нужно отметить унификацию формы и фактическое стирание внешних различий между офицерами и рядовыми. Однако, как выяснилось в ходе русско-японской войны 1904—1905 гг., существующая униформа не до конца отвечала требованиям своего времени, она была непрактична и демаскировала солдат на фоне окружающего ландшафта. В ходе кампании офицеры приспосаблились к условиям войны, перекрашивая выделяющиеся элементы одежды или вообще обновляя свой гардероб и частично используя более практичную одежду и обувь местных жителей. Этому способствовала появившаяся сеть частных и наемных торговцев (маркитантов, заключавших с интендантами контракты), а также действовавшие в Маньчжурии «летучие отряды» офицерских экономических обществ.

Библиографический список

1. Батющенко Ю. В. Офицерские экономические общества в годы русско-японской и Первой мировой войн // Воен.-ист. журн. 2004. № 7. С. 104—115.
2. Гольженков И., Степанов Б. Европейский солдат за 300 лет (1618—1918) : энцикл. военного костюма. М. : Изографус : ЭКСМО, 2002. 240 с. : ил.
3. Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. М. : Воениздат, 1986. 752 с.
4. Малинко В., Голосов В. Справочная книжка для офицеров : в 2 ч. М. : Тип.-литограф. Русского товарищества печатного и издательского дела, 1902. Ч. 1. 262 с.
5. Нодо Л. Письма о войне с Японией. СПб. : Тип. Гольдберга, 1906. 328 с.
6. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 14930. Оп. 1. Д. 100.
7. Приказ по Военному ведомству 1883 г., № 66. URL: <http://www.bergenschild.narod.ru> (дата обращения: 09.09.2011).
8. Приказ по Военному ведомству 1892 г., № 305. URL: <http://www.bergenschild.narod.ru> (дата обращения: 09.09.2011).
9. Приказ по Военному ведомству 1901 г., № 133. URL: <http://www.bergenschild.narod.ru> (дата обращения: 09.09.2011).
10. Циркуляр № 217 Главного штаба от 1881 г. URL: <http://www.bergenschild.narod.ru> (дата обращения: 06.08.2011).
11. Ivanov A., Karachtchouk A. The Russo-Japanese War 1904—1905. Oxford : Osprey Publishing, 2004. (Men-at-Arms).

ББК 63.3(2)5-202

Ю. А. Ильин**КОММУНАЛЬНАЯ ЭНЕРГЕТИКА г. ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКА
В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
И ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (лето 1914 — 1917 г.)***

Уже в первый год функционирования электрической станции и сети электрического освещения (1910/11) возник конфликт между их собственниками и общественным управлением г. Иваново-Вознесенска. К лету 1914 г. спор между городской думой и Товариществом механических изделий о владении электрической станцией и кабельной сетью и их эксплуатации достиг пика кризиса. Стороны вознамерились защищать свои интересы в судебном порядке, готовили соответствующую документацию, нанимали адвокатов. Понимали они и то, что предстоящая судебная тяжба отнимет у них много времени, нервов и денег. И все же общественные деятели сознательно шли на это, справедливо считая, что только так они смогут защитить интересы жителей города. Видя такую решительность со стороны гласных думы, пайщики

© Ильин Ю. А., 2011

* В статье использованы документы Фонда городской думы и управы (Ф. 2. Оп. 1. Д. 584, 651, 773 ; Оп. 2. Д. 5097, 5842) Государственного архива Ивановской области.

• Серия «Гуманитарные науки»

Товарищества начали менять свою позицию, готовы были идти на уступки, решить вопрос полюбовно. Сигнал к примирению был услышан членами городской управы и лично городским головой Н. С. Лаханиным.

Поворотным моментом во взаимоотношениях органов городского самоуправления и Товарищества механических изделий стало решение городской думы от 17 июня 1914 г. Ему предшествовало выступление городского головы Н. С. Лаханина. Он сообщил гласным, что по частным источникам некоторые из пайщиков Товарищества механических изделий «не прочь вступить в соглашение с городской управой об уступке городу всего владения Товарищества (земля, завод и электрическая станция)». Н. С. Лаханин заявил при этом, что город «имеет много шансов на выигрыш дела, но миролюбивое соглашение будет более выгодным для города, чем длительный судебный процесс». Затем он высказал мнение о том, что, прежде чем передать судебное дело поверенным, следует «обратиться в последний раз к Товариществу с предложением об уступке всего владения Товарищества механических изделий и, буде условия окажутся привлекательными, вступить с Товариществом в соглашение». Разумеется, городской голова не мог выступить перед собранием с таким ответственным заявлением, предварительно не встретившись с влиятельными членами-пайщиками Товарищества. Это прекрасно поняли гласные, поэтому они без обычных до этого дискуссий приняли решение поручить городской управе обратиться к Товариществу с предложением о продаже всего владения, на котором находилась электрическая станция. Отмечалось, что переговоры должны быть закончены не позднее сентября 1914 г.

Данное поручение не прервало связи общественного управления с инженером А. М. Авенариусом. Когда он сообщил в письме от 4 июля 1914 г. о своем намерении приехать в Иваново-Вознесенск для переговоров с властями и встретиться с инженером, заведующим постройкой водопровода В. И. Воронцовым-Вельяминовым, то принимаемая сторона ответила согласием. Более того, по постановлению городской управы (от 12 июля 1914 г.) приехавшему А. М. Авенариусу в счет вознаграждения по устройству электрической станции было выдано 500 руб. Дума не отказывалась от услуг этого инженера, намеревалась максимально использовать его для оперативной реализации предложения, выдвинутого рядом влиятельных пайщиков Товарищества механических изделий.

Тем временем правление Товарищества хранило долгое молчание по данному вопросу. Можно предположить, что оно не бездействовало в те месяцы. Временная пауза была использована им для предварительного обмена мнениями между ведущими пайщиками предприятия, осуществления подсчетов и разработки смет в целях выяснения возможных убытков и прибылей от данной операции. Да и тактически для директоров правления было не выгодно возобновлять конфронтацию с местной властью накануне заключения нового договора на осветительный сезон 1914/15 г. Не надо сбрасывать со счета и воздействие такого глобального по своему значению события, как начавшаяся Первая мировая война. Она временно оттеснила на второй план все другие вопросы местной жизни.

Ответ городскому голове был дан 2 сентября 1914 г. Правление Товарищества в своем послании обещало поднять вопрос о продаже имущества предприятия городу перед общим собранием пайщиков 6 сентября 1914 г. В

свою очередь, оно просило город конкретизировать условия выкупа имущества механического завода.

Ответ городской управы в адрес правления Товарищества пришел незамедлительно: в письме от 4 сентября 1914 г. содержался ясный намек на то, что пайщики Товарищества не должны навязывать городу такое имущество завода, которое ему будет бесполезно. Содержалась и просьба к Товариществу — на собрании рассмотреть окончательный срок продажи и уточнить приемлемую цену.

Общее собрание пайщиков Товарищества состоялось в назначенный день, о его решениях мы узнаем из послания правления Товарищества механических изделий городскому голове от 16 сентября 1914 г. Отметим важнейшие из них: а) пайщики соглашались на продажу владения Товарищества (механический завод и электростанция, кроме бывшей фабрики Товарищества П. Дербенева с сыновьями); б) в сделку включалось имущество механического завода и электростанции вместе с участком земли «Пустошь Бор» (со всеми строениями на этой земле), кроме материалов, топлива и изделий в готовом виде; в) сумма предполагаемого платежа города была определена в 600 тыс. руб., причем оплата должна была производиться за наличный расчет кредитными деньгами; г) срок действия предложения городу устанавливался до 1 марта 1915 г.

Как видим, пайщики Товарищества под покровом словесных обещаний на деле предъявили весьма жесткие и в полной мере обременительные для города условия продажи своего имущества. Опять их тактика отстаивания своих интересов оказалась более выигрышной, чем у города. Ведь они добились срыва судебного процесса, весьма непредсказуемого по результатам для них. С другой стороны, зная финансовое положение города, поставили перед ним такие условия, которые он при всем желании не мог выполнить. Ими наверняка отсекалась и возможность городских властей воспользоваться облигационным займом путем назначения слишком короткого срока для оставления предложения в законной силе (менее 6 месяцев; для сравнения: предложение от 11 августа 1912 г. имело силу 1 год). Заметим, что выгодность этого займа в условиях войны становилась весьма проблематичной и при сроке 1 год и даже более.

Изучая последовавшие за решением общего собрания пайщиков Товарищества действия городской управы, приходишь к убеждению, что органы самоуправления еще не теряли надежд на положительный исход дела. По крайней мере, в унынии и бездействии их нельзя упрекнуть. Что позволяет так говорить? 29 сентября 1914 г. городская управа поручила городскому землемеру И. Н. Малышеву произвести точный обмер участка, занимаемого механическим заводом Товарищества, с занесением его на план (со строениями и смежными к нему участками). Эта работа была сделана, выяснилось, что участок располагает площадью в 9 десятин.

24 октября 1914 г. на соединенном заседании комиссий при городской управе было принято решение приостановить разрешение вопроса о выкупе владения Товарищества, пригласить для участия в осмотре имущества предприятия двух специалистов по выбору управы. 29 ноября 1914 г. городской голова направил уведомление правлению Товарищества механических изделий, в котором просил допустить на территорию завода экспертную комиссию для проведения испытаний машин и оценки электростанции и в целом предприятия, а также ознакомить специалистов с планами и чертежами вла-

дений Товарищества. На данную просьбу был получен положительный ответ, но правление Товарищества заявляло, что не может допустить испытаний машин, т. к. предприятие находится «в полном ходу, это вызовет задержку в работе и перебои в электрическом освещении».

Инженер А. М. Авенариус сообщил властям о дате своего приезда для проведения экспертизы (17 декабря 1914 г.), добавив в послании, что вполне возможно провести испытания машин и без перерыва в работе электрической станции. Но экспертная комиссия прибыла в Иваново-Вознесенск лишь 20 декабря 1914 г. Уже 19 января 1915 г. городской голова в личном послании обращается к А. М. Авенариусу с просьбой поспешить с присылкой заключения по вопросу о покупке городом у Товарищества механических изделий электростанции и механического завода. Автор письма напоминал, что «...Городской управе надлежит рассмотреть... заключение и не позднее 1 марта 1915 г. дать Товариществу ответ».

Инженер Авенариус подготовил свое заключение и переслал его городским властям. Документ этот весьма интересен, поэтому достоин подробного освещения. Прежде всего, эксперт отмечал, что двигатели электростанции общей мощностью 480 л. с. с оборудованием, запчастями, материалами и фундаментом находятся в прекрасном состоянии «как по отношению к изготовлению, так и в смысле вполне хорошего ухода». Их стоимость он оценивал в 82 тыс. руб., электрооборудование станции — в 263 тыс. руб.. Итак, без здания станции, общую стоимость внутреннего технического оснащения электростанции он определял в 345 тыс. руб.

И наоборот, общее состояние механического завода инженер Авенариус признал «малоудовлетворительным» и по подбору станков, и по их физическому состоянию, поэтому он оценивал его в 63 725 руб. Стоимость участка в 21 600 кв. сажен (из расчета 6 руб. за 1 кв. сажен), по его мнению, составляла 129 600 руб., стоимость строений на нем — около 62 тыс. руб. Эксперт пришел к выводу, что общая продажная цена, назначенная Товариществом механических изделий, лежала в пределах «более или менее приемлемых». А. М. Авенариус рекомендовал властям идти на сделку.

Далее, эксперт давал ряд рекомендаций городским властям: а) в случае приобретения станции следовало немедленно расширить ее, т. к. она «при всем своем хорошем состоянии» работала без нормального резерва, а затем, по выяснении необходимости дальнейшего развития, уже строить новую станцию; б) финансирование данного мероприятия было весьма затруднительным, а реализация предполагаемого займа при скверном состоянии денежного рынка «совершенно невозможной». Да и в случае реализации займа предписанные на электрическое предприятие 300 тыс. руб. были недостаточны. По мнению эксперта, потребуются дополнительные траты в 400 тыс. руб., в том числе 100 тыс. руб. на расширение электрической станции; в) в этих условиях необходимо было просить Товарищество механических изделий о рассрочке суммы на 10 лет с процентами. Если это не пройдет, просить владельцев предприятия обождать с решением вопроса до окончания военных действий. Для этого следовало направить правлению Товарищества уведомление, что для города приобретение электростанции остается желанной целью, а предложение Товарищества о выкупе приемлемым.

Именно данный документ стал базовым для постановления соединенных заседаний финансовой комиссии и комиссии о местных пользах и нуждах 9 и 19 февраля 1915 г. В этом постановлении было решено: а) приобре-

тение предприятия Товарищества механических изделий (электростанция, завод и земля) признать желательным; б) цену имущества Товарищества (600 тыс. руб.) считать вполне приемлемой; в) просить Товарищество дать рассрочку этой суммы на 10 лет под 6 % годовых; г) в случае отказа Товарищества от рассрочки пытаться просить Товарищество оформить сделку продажи теперь же, «оставив выкупаемое городом предприятие временно, до уплаты денег, в заведование Товарищества, уплату же произвести по окончании войны, заключив для сего особый заем».

Движение сторон к разрешению данного вопроса приостановилось вплоть до осени 1915 г. Причиной тому было «великое отступление русской армии» в 1915 г., имевшее глобальное влияние на перемену всей жизни страны, да и на ход военных действий в конфликте между Россией и Тройственным союзом. В этих условиях городские власти переключились на решение текущих проблем фронта и тыла. А Товарищество механических изделий уже вовлекалось в новую экономическую парадигму взаимоотношений бизнеса и государственной власти: партнерство с целью скорейшего перевода экономического потенциала страны на оборону, участие в процессе становления и кадрового выдвижения уполномоченных особых комитетов оборонного значения и т. д. Новый статус предпринимателей внушал им иллюзию приоритетности технико-экономических проблем над повседневными нуждами местной общественности. Можно привести казалось бы малозначительный факт из новых взаимоотношений сторон, но он многое теперь проясняет: Товарищество самовольно, без подачи прошения в городскую управу, проложило электрический кабель с Панской улицы на Московскую (22 сентября 1915 г.). До войны это было просто невозможно, о чем свидетельствуют источники тех лет. Таковую позицию к местным властям подтверждает выписка из протокола чрезвычайного общего собрания пайщиков Товарищества механических изделий (от 14 и 18 ноября 1915 г.): «...ввиду того, что согласно постановлениям Общих собраний от 30 сентября сего года и сего числа в настоящее время приступлено к организации производства предметов снаряжения армии, для каковой цели увеличивается основной капитал Товарищества: расширяется электрическая станция, оборудуются отделения завода для производства корпусов гранат и для выработки химических веществ, которые необходимы для армии, Общее собрание находит в настоящее время невозможной продажу городу завода, электрической станции и земли Товарищества...»

Реакция на это заявление общих собраний Товарищества отражена в постановлении соединенного заседания городской управы, финансовой комиссии и комиссии о местных пользах и нуждах (от 28 марта 1916 г.): «Окончательное решение вопроса о выкупе электрической станции возможно отложить до окончания войны, но при этом комиссии признают необходимым высказать, что вопрос о выкупе электростанции они по-прежнему признают вопросом первостепенной важности для города».

Какой смысл кроется в этом решении? Во-первых, признавался весьма уважительным мотив отказа Товарищества от продажи предприятия (завод работает на государственную оборону, что может быть сейчас важнее?!). Во-вторых, в нем содержался намек, что после войны органы городского самоуправления вновь вернуться к вопросу выкупа не всего имущества Товарищества (его стоимость стремительно росла в связи с расширением из-за роста числа оборонных заказов), а лишь электрической станции, что было дважды

выделено в постановлении. Это был намек на перемену своих подходов к решению вопроса электрификации города после окончания войны.

Февральская революция со всеми ее перипетиями внесла существенные коррективы в планы сторон. Продолжавшаяся война и стремительное падение уровня производства с особой остротой ставили вопрос энергоснабжения страны в плане целевого распределения энергии и ее экономного использования для бытовых нужд. 22 апреля 1917 г. в стране были приняты Общие положения по вопросу о распределении электроэнергии органами Особого совещания по топливу. Теперь энергия могла распределяться среди потребителей только районными уполномоченными данного совещания. Положения вступали в силу с 1 июня 1917 г.

В связи с этим было направлено обращение московского районного уполномоченного Особого совещания по топливу в адрес городского головы г. Иваново-Вознесенска (от 29 мая 1917 г.). Он рекомендовал местным властям создать комиссию по электроснабжению и выработать на ней рекомендации по ослаблению острого топливного кризиса в регионе (не позднее 15 июня 1917 г.), в обращении также содержалась просьба оповестить население о вступлении в силу нового закона о распределении электроэнергии.

Московский уполномоченный Особого совещания по топливу направлял деятельность местной комиссии по электроснабжению: а) установление норм расхода энергии на освещение улиц, жилых помещений, магазинов и т. д. (в зависимости от площади помещений, количества комнат и др.). При этом комиссия могла принять решение о временном отключении сети, определить график работы торговых помещений и т. д.; б) распределение энергии для технических нужд в соответствии с нуждами фронта. Комиссия даже обладала правом обратиться к Временному правительству с предложением о переводе вперед стрелок часов в зимнее время на 1 час, а в летнее время — на 2 часа.

В Иваново-Вознесенске инициативу в создании и направлении деятельности местной комиссии по электроснабжению захватили большевики. Об этом свидетельствовало объявление о созыве организационного заседания комиссии 9 июня в 18 часов в помещении городской управы за подписью Н. А. Жиделева (руководитель местной партийной организации и Совета рабочих и солдатских депутатов). Комиссия создавалась на паритетных началах, в ее состав должны были войти 9 человек: 3 представителя — от Совета рабочих и солдатских депутатов, 3 — от исполкома общественных организаций, по 1 — от военно-промышленного комитета, правления Товарищества механических изделий и Общества фабрикантов и заводчиков.

Документы свидетельствуют, что большевики рассматривали эту сферу деятельности как средство повышения своей популярности среди местной общественности, как политическую акцию накануне выборов в органы местного самоуправления (последние были назначены на август 1917 г.). Они всю работу свели к непрерывным организационным перестройкам, идейной борьбе с представителями других политических и общественных сил. Комиссия приобрела статус перманентно обновлявшейся по составу структуры.

И вот тут опять был поднят вопрос о приобретении городом электрической станции. На сей раз эта инициатива исходила от пайщиков Товарищества механических изделий. На заседании городской думы 6 июня 1917 г. Н. Г. Бурьлин сделал заявление: «Как пайщик Товарищества механических

изделий, уполномочен большинством пайщиков заявить Думе, что, в случае желаяния города, Товарищество ничего не имеет против расторжения договора, заключенного городом с Товариществом о концессии на электростанцию, если город находит это расторжение для себя выгодным». Для гласных собрания это сообщение явилось неожиданным, они не были готовы к принятию конкретных решений, поэтому пока ограничились формулировкой: «Заявление Н. Г. Бурылина принять к сведению».

Но процесс пошел. Есть сведения, что городская управа к августу 1917 г. 3 раза обращалась к правлению Товарищества механических изделий с просьбой конкретизировать свое решение по вопросу ликвидации концессии на электрическое освещение, запрашивались и данные о коммерческой деятельности предприятия. Городская управа просила предоставить эту информацию к 1 августа 1917 г., т. к. именно на этот день было назначено рассмотрение данного вопроса городской думой. В ответе правления Товарищества (от 1 августа 1917 г.) сообщалось, что условия продажи будут определены общим собранием пайщиков 17 августа 1917 г.

Данная пауза не устроила гласных городской думы. Они собрались на общее заседание 8 августа 1917 г. На нем председательствовал городской голова М. П. Кондратьев. Собрание с интересом встретило предложение инженера В. И. Воронцова-Вельяминова о немедленном возбуждении перед Правительством ходатайства о признании договора с Товариществом недействительным и представлении материалов министру внутренних дел. Именно оно легло в основу содержания принятого постановления: а) рассмотрение вопроса по существу отложить до решения собрания пайщиков 17 августа 1917 г.; б) возбудить перед Правительством ходатайство о расторжении договора концессии с Товариществом; в) принять меры к безостановочному функционированию электрической сети; г) поручить комиссии о местных пользах и нуждах разработать план ликвидации концессии.

Данное решение в корне меняло подходы общественного управления к вопросу передачи электростанции и сети Товариществом городу. Речь уже шла о безвозмездном переходе предприятия в пользу города (или, по крайней мере, по минимальной цене, диктуемой городом), что обосновывалось юридическими нарушениями, допущенными сторонами при подписании договора 4 февраля 1911 г.

Иной подход к решению проблемы был у пайщиков и правления Товарищества механических изделий. Директором-распорядителем были даны указания приурочить к общему собранию пайщиков (17 августа 1917 г.) инвентаризацию имущества электрической станции и сети Товарищества. Последняя показала, что на август 1917 г. стоимость оборудования и сети составила более 300 тыс. руб.

17 августа 1917 г. состоялось чрезвычайное общее собрание пайщиков Товарищества механических изделий. Оно решило, что продажа самой станции (здание и участок земли) была «совершенно невозможна», т. к. нанесла бы «недопустимый ущерб» механическому заводу Товарищества. Но, «желая в пределах возможности пойти навстречу желаниям Городского Самоуправления (предложение Городской Управы о продаже городу электрической станции), собрание единогласно же постановило выразить согласие на продажу городу всей электрической сети со всеми ее принадлежностями и части генерирующей установки для переноса ее в иное, Городским Самоуправле-

нием подготовленное помещение, вне принадлежащей Товариществу территории...»

Собрание пайщиков предложило городу два варианта выкупа части генерирующей установки электрической сети: а) двух генераторов в 160 и 300 л. с. с соответствующими двигателями «Дизель», установленных специально для освещения при первоначальном оборудовании станции; б) или нового генератора в 350 л. с. и двигателя к нему, установленных весной 1916 г. для снабжения энергией двигателей механического отделения завода Товарищества и оборудования для снарядного производства. Пайщики особо отмечали, что остальная часть электрической установки нужна Товариществу для удовлетворения потребностей снарядного производства, а также механического и мебельного отделений завода.

Предлагались следующие условия продажи: а) за наличный расчет; б) по действительной себестоимости сети, машин, материалов и сумме расходов, произведенных на поставку машин и прокладку сетей. По первому варианту стоимость составляла 318 396 руб. 7 коп., по второму — 325 314 руб. 5 коп. Предложение оставалось в силе в течение 3 месяцев (до 1 декабря 1917 г.). С совершением сделки прекращалось действие договора, заключенного городской управой и Товариществом механических изделий 4 февраля 1911 г. Чрезвычайное собрание пайщиков просило городскую думу поставить этот вопрос на ближайшее ее заседание.

Городская дума, собравшаяся 1 сентября 1917 г., приняла решение обратиться с ходатайством к владимирскому губернскому комиссару с просьбой направить представление министру внутренних дел о признании юридически неправомерным постановления городской думы от 11 января 1911 г. Ответ владимирского губернского комиссара, датированный 4 декабря 1917 г., пришел с опозданием, да и мало что значил в условиях произошедшей смены политического режима: он отказывал городской думе в представлении министру внутренних дел просьбы о признании сделки незаконной, но замечал, что «функционирование электрической станции в данное время должно рассматриваться основанным не на договоре, а вопреки установленному законом (примечание 4 Ст. 79 Городского Положения 1892 г.) порядку приведения в исполнение постановлений Городской Думы по делам его рода».

Ответ владимирского губернского комиссара был получен городской управой 9 декабря 1917 г., а уже 19 декабря городская дума заслушала доклад городской управы о расторжении договора концессии на устройство электрического освещения с Товариществом механических изделий. Дума постановила: согласиться с формулировкой губернского комиссара, поручить городской управе в случае необходимости принять меры к очищению принадлежащей городу территории от сооружений Товарищества механических изделий. Но упор в решении делался на скрытое указание Товариществу — полностью подчиниться в деле эксплуатации электрической станции указаниям органов городского самоуправления. То есть это постановление явочным порядком муниципализировало данное предприятие. Робкая попытка правления Товарищества (послание от 29 декабря 1917 г.) возразить против этой меры была резко пресечена постановлением городской управы от 30 декабря 1917 г.

Так закончилась история противостояния сторон по вопросу электрификации г. Иваново-Вознесенска. Для разрешения затянувшегося спора

потребовалась Первая мировая война и две революции (Февральская и Октябрьская).

А теперь рассмотрим не менее важный вопрос — технические и производственные характеристики городской энергосистемы за период декабрь 1910 — 1917 г. Историю данного вопроса можно подразделить на два периода: 1) становление и начало функционирования системы (декабрь 1910 — начало 1916 г.); 2) расширение и модернизация городской сети (весна 1916 — 1917 г.).

Напомним, что в связи с намерением городских властей летом 1912 г. выкупить энергопредприятие у Товарищества оно составило реестр имущества электростанции и кабельной сети по состоянию на 11 августа 1912 г. Итак, к моменту пуска станции в действие на ее балансе находилось: 2 четырехцилиндровых двигателя (дизель-моторы — 320 и 160 л. с.), 2 трехфазных трансформатора, 2 генератора (230 и 120 кВт).

Кабельная сеть состояла из двух питательных кабелей сечением 3 x 10 и 3 x 25 кв. мм (тип СБ) на 3000 В. В каждом кабеле имелись 3 контрольные жилы для измерения напряжения на конце линии, через р. Уводь был проложен специальный кабель с проволочной броней и двумя свинцовыми оболочками. Сеть была связана с 17 трансформаторными будками (от 10 до 40 кВ·А с масляным охлаждением типа ОДВ 3000/220 В/127 В). Сеть уличного освещения состояла из 48 фонарей (126 дуговых ламп). Между фонарями был пущен кабель типа СБ сечением 2 x 10 кв. мм, фонари выключались последовательно по 4 между двумя фазами 220 В.

Правление Товарищества механических изделий давало и стоимостную оценку вышеперечисленного оборудования электрической станции (по данным на 11 августа 1912 г.). Было приобретено имущества в 1910/11 г. на 308 005 руб. 25 коп., 1911/12 г. — на 3795 руб. 59 коп., 1912/13 г. (с 11 августа 1912 г.) — на 3100 руб.; итого — на 314 900 руб. 84 коп.

На расширение кабельной сети в 1910/11 г. было затрачено 14 968 руб. 16 коп., 1911/12 г. — 9701 руб. 5 коп., 1912/13 г. (с 11 августа 1912 г.) — 14 175 руб. 92 коп.; итого — 38 845 рублей 13 копеек.

Общая стоимость оборудования (по данным на 11 августа 1912 г.) составляла 353 745 руб. 97 коп. (без стоимости здания станции и участка земли на ней). Заметим, что более 50 % стоимости падало на устройство кабельной сети, трансформаторных будок и светильники.

По оценке специалистов, на начало 1915 г. электросетевое оборудование стоило 82 тыс. руб., а оборудование станции — 263 тыс. руб., всего — 345 тыс. руб. (без учета стоимости здания и участка земли). С учетом же стоимости здания (62 000 руб.) и участка земли (129 600 руб.) имущество энергопредприятия Товарищества оценивалось в 536 600 руб. (данные на рубеж 1914—1915 гг.).

Техническая экспертиза, проведенная московской комиссией (председатель — А. М. Авенариус) по инициативе городского головы 20 декабря 1914 г., показала, что двигатели станции с оборудованием и запчастями находились в «прекрасном состоянии как по отношению к изготовлению, так и в смысле вполне хорошего ухода». Таковы были лестные слова в адрес изготовителя (фирма «Всеобщая компания электричества») и пользователя станции (производственно-технический персонал).

Однако эксперты отметили технологическую безграмотность инициаторов создания предприятия, особенно в вопросе территориального размещения электрической станции. Нам видится, что причина этому крылась не в недостатке творческих сил в городе, а в стремлении пайщиков как можно быстрее и с наименьшими затратами организовать городскую энергосистему. Сыграл свою роль и предшествующий опыт размещения энергетических установок при фабриках и заводах. Критические суждения были высказаны инженером В. И. Воронцовым-Вельяминовым и поддержаны инженером Авенариусом: «Электрическая станция расположена в местности, лишенной воды, что ограничивает до крайности выбор систем машин, лишая станцию возможности воспользоваться более дешевым топливом (за паровыми турбинами все преимущества, но здесь они не могут использоваться)». Далее, специалисты отметили крайнее положение электростанции, что создавало изначально невыгодные условия ее эксплуатации.

Эксперты рекомендовали в случае приобретения электростанции у Товарищества немедленно расширить ее, т. к. она при всем своем хорошем состоянии уже тогда (т. е. на рубеже 1914—1915 гг.) работала без нормального резерва. Более того, они настоятельно советовали строить новую станцию, территориально гарантировавшую нормальное функционирование уже существующей и будущей электрической сети (с учетом роста города и слияния пригородов с центром).

Расширение и модернизация электрической станции связаны с трагическим периодом Первой мировой войны (рубеж 1915—1916 гг.). Товарищество механических изделий получило оборонный заказ на изготовление снарядов. Для энергетической подпитки оборудования механического и литейного отделений завода весной 1916 г. устанавливается новый генератор в 350 л. с. и двигатель к нему. Благодаря сохранившимся ведомостям себестоимости машин, приспособлений и кабельной сети, числившихся на балансе Товарищества (по состоянию на 17 августа 1917 г.), мы имеем представление о технической базе городской энергосистемы накануне прихода местных большевиков к власти. Итак, ко второй половине 1917 г. энерговооруженность предприятия обеспечивалась:

— силовым оборудованием (3 двигателя-дизеля мощностью 160, 300 и 350 л. с., 3 генератора 3-фазного тока 100, 200, 175 кВ·А, 13 трансформаторов 3-фазного тока);

— оборудованием электростанции (1 центробежный насос, 1 мотор для ременного шкива и 1 мотор без шкива);

— оборудованием для кабельной сети (70 счетчиков, палатка брезентовая и железная печка к ней, 1 гальваноскоп, 1 вольтметр, клещи).

— сетью фонарей из 48 светильников. По данным на осень 1915 г. существовало следующее расположение электрических фонарей в г. Иваново-Вознесенске: по 3 фонаря стояли у городской управы и в торговых рядах, 3 — на нижней торговой площади, 1 — у проезда на Приказном мосту, 6 — на Кокуе, 4 — у Покровского собора и на Песках, 5 — на ул. Георгиевской, 4 — на ул. Напалковской, 1 — на углу Пьяного переулочка, 4 — на ул. Никольской, 16 — на Александровской и Николаевской улицах, 1 фонарь — на Сенной улице.

И еще одна деталь, интересная сама по себе: трудности в снабжении дуговых фонарей города углями в годы Первой мировой войны побудили Товарищество механических изделий переоборудовать кабельную сеть и в осветительный сезон 1915/16 г. заменить дуговые фонари лампами накаливания (по 1 тыс. свечей каждая). Они, потребляя энергии столько же, сколько и дуговые фонари, отличались преимуществом — имели большую продолжительность горения (до 10 ч в сутки, дуговые фонари — 6 ч).

Протяженность кабельной сети равнялась 42 км. Общая стоимостная оценка имущества предприятия составляла 643 710 руб. 12 коп. (по состоянию на 17 августа 1917 г.), т. е. за период 1914/15 — 1917 гг. увеличение произошло почти в 2 раза. К 1917 г. электрической энергией пользовались в городе 300 абонентов.

Как распоряжалось правление Товарищества механических изделий своим энергетическим хозяйством, как обслуживало нужды города? Начнем с анализа производственных показателей предприятия. Итак, с шин электростанции для абонентов было снято: в 1911/12 г. — 247 000 кВт·ч электроэнергии, 1914/15 г. — 568 896 кВт·ч, 1915/16 г. — 743 071 кВт·ч, 1916/17 гг. — 999 486 кВт·ч, 1917/18 г. — 749 071 кВт·ч.

**Расходы предприятия на выработку электроэнергии
для потребителей города**

Показатели	1914/15 г.	1915/16 г.	1916/17 г.	1917 — 1 марта 1918 г.
Выработка энергии, тыс. кВт·ч	568,896	743,071	999,486	689,081
Общие затраты на производство, руб.	51 240	68 952	102 774,45	166 930,44
Стоимость 1 кВт·ч, коп.	9,0	9,28	10,28	24,23

Заметим, что операционный год для электростанции продолжался с мая текущего по апрель следующего года включительно. Как видим, существенный спад выработки электроэнергии приходится на 1917/18 операционный год: откат произошел до уровня производства 1915/16 г. Затраты же на производство потребляемой энергии выросли за тот же период более чем в 3 раза. Эта тенденция равнозначно сказалась на ее стоимости. Статистика показывает, что Первая мировая война, наоборот, подхлестнула развитие коммунальной энергетики города (выработка энергии выросла почти в 2 раза). В целом за дореволюционный период отпуск энергии потребителям вырос в 4 раза. Таковы были успехи «малой» энергетики в дореволюционном Иванове-Вознесенске.

ББК 63.3(2)613-7

А. Г. Горюнова

ИСТОРИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВСЕРОССИЙСКОГО ДОБРОВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА «ДОЛОЙ НЕГРАМОТНОСТЬ» В СОВЕТСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Начало борьбы с неграмотностью в нашей стране было положено Декретом Совнаркома «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» 26 декабря 1919 г. Согласно Декрету, все население республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать и писать, обязано было обучаться грамоте. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 14 августа 1923 г. признал ликвидацию неграмотности среди городского и сельского населения наиболее важной и ударной задачей народного просвещения на тот момент, указывая на ее прямую связь с уровнем хозяйственного развития страны. И в последующий период стало очевидно, что эту проблему невозможно решить без привлечения широкой общественности. Объединение общественных сил осуществилось путем создания в ноябре 1923 г. Всероссийского добровольного общества «Долой неграмотность» (ОДН).

Историографию проблемы ликвидации неграмотности и деятельности ОДН по обучению неграмотных взрослых в 1920—1930-х гг. условно можно разделить на три этапа, которые во многом определялись политической ситуацией в стране.

Первый этап, 1920-е — середина 1930-х гг., представлен в основном трудами политических деятелей, а также непосредственных участников кампании по ликвидации неграмотности. В этих работах излагались ключевые положения государственной политики в деле народного просвещения в целом и ликвидации неграмотности в частности. Авторы пытались проанализировать ход и основные проблемы кампании ликбеза. Ряд статей по данной проблеме опубликовали прежде всего партийные деятели — В. И. Ленин, Н. К. Крупская, А. В. Луначарский, М. И. Калинин [12, 13, 16].

Одной из первых работ, посвященных исключительно проблеме ликбеза, было издание «Год работы по ликвидации неграмотности» В. Бобрышева, которое подводило итоги ликбеза за 1923/24 учебный год, когда к борьбе за грамоту была привлечена широкая общественность в лице ОДН [2].

Ряд статей, освещавших ход кампании ликбеза в общероссийском масштабе и в отдельных губерниях, публиковался в 1920-х гг. в центральных журналах, таких как ежемесячник Наркомпроса «Народное просвещение» и «Коммунистическое просвещение». Среди местных необходимо отметить иваново-вознесенский журнал «Вопросы просвещения». В этом и других местных изданиях публиковались статьи о ходе и результатах кампании ликбеза как в целом по стране, так и по отдельным уездам Иваново-Вознесенской губернии.

В этот же период появились первые публикации, посвященные непосредственно деятельности ОДН. Среди них — работа председателя Центрального правления общества М. С. Эпштейна «Итоги I Всероссийского съезда ОДН» (1926) [25].

В 1927 г. работники ликбеза в центре и на местах подводили итоги всей кампании ликвидации неграмотности, которую предполагалось завершить к 10-летию Октябрьской революции. В их работах также давалась оценка вкладу, сделанному ОДН в обучение грамоте взрослых. Здесь же перечислялись

задачи, поставленные перед ОДН на будущее с учетом достижений и недостатков в деятельности общества за 1924—1927 гг. (см., напр.: [13]). В них представлены обширные материалы по различным направлениям работы ОДН, анализируется ход кампании ликбеза.

В последующие десятилетия деятельность общества почти не становилась отдельным предметом для рассмотрения в исторической литературе. Что же касается ликбеза в целом, то период с середины 1930-х до середины 1980-х гг. можно рассматривать как *второй этап* историографии данной проблематики. В этот период проблема ликбеза стала освещаться в трудах по общим и частным вопросам культурного строительства (см., напр.: [8, 10]), количество которых значительно возросло. В 1940—1960-х гг. было опубликовано несколько крупных работ М. Зиновьева и А. Плешаковой, Д. Элькиной [9, 24]. В них даются оценки результатам ликвидации неграмотности в СССР и приводятся сведения по истории ОДН, определяется роль кампании ликбеза в общем процессе культурной революции.

В книге непосредственного участника кампании ликбеза, автора первых букварей для взрослых Д. Ю. Элькиной освещается вопрос о том, как велась борьба за ликвидацию неграмотности в течение первых двух десятилетий существования Советского государства [24]. Помимо личных воспоминаний, автором был использован ряд литературных и архивных источников. Работе Элькиной присуще то, что было характерно для всех исследований, вышедших в советский период, — выдвигание на первый план заслуг Коммунистической партии и ее руководителей в борьбе за грамотность. Деятельность ОДН с 1928 г., т. е. с начала Всесоюзного культурного похода, рассмотрена в работе А. В. Кольцова [11].

Наиболее крупными и широко известными исследованиями по проблемам ликбеза в нашей стране стали две монографии В. А. Куманева, опубликованные позднее, в 60—70-х гг., — «Социализм и всенародная грамотность» и «Революция и просвещение масс» [15, 14]. В отличие от предыдущих, его работы написаны на основе довольно широкой источниковой базы, которую составляют материалы центральных архивов, съездов и конференций ЦК ВЛКСМ, периодическая печать. Автор широко использовал и материалы самого общества — устав, информационные бюллетени, отчеты на съездах.

В советский период почти не было диссертационных исследований, в которых предметом подробного изучения стала бы непосредственно деятельность ОДН. Среди немногих — диссертации Л. Н. Гусева и Г. И. Бакулиной, написанные в первой половине 80-х гг. Борьба за ликвидацию неграмотности крестьянства и роль общественности в данной кампании в губерниях Верхней Волги отражены в работах Л. Н. Гусева. В своей диссертации он стремился показать, насколько велика была роль партийных организаций в борьбе за просвещение неграмотных масс [7]. Эта борьба проходила в острых столкновениях — не только с классовыми врагами, но и с косностью, бюрократизмом, неверием и пораженчеством. Он определяет 1923—1927 гг. как период создания необходимого культурного потенциала общественных организаций для последующего культпохода.

Т. И. Бакулина рассматривает процесс формирования организационной структуры ОДН, социальный состав членов общества [1]. В главе «Деятельность ОДН по ликвидации неграмотности и малограмотности в РСФСР» она анализирует основные направления работы общества с неграмотными взрослыми, подчеркивает главенствующее значение индивидуально-группового

метода обучения неграмотных, рассматривает преимущества и недостатки этой системы обучения. Бакулина выделила несколько периодов в деятельности общества:

I период (ноябрь 1923-го — май 1928 г.) — развертывание местных организаций ОДН, стремительный рост численности членов, финансовая помощь ОДН государственным организациям в борьбе с неграмотностью;

II период (май 1928-го — февраль 1930 г.) — начало Всесоюзного культурного похода осенью 1928 г., перестройка общества на новые методы работы, усиление руководящей роли центральных органов ОДН;

III период (февраль 1930-го — февраль 1936 г.) — организация особых комиссий ОДН; становление ОДН составной частью единой системы государственных и общественных организаций, участвующих в борьбе с неграмотностью.

Т. И. Бакулина подчеркивает, что всю свою деятельность ОДН рассматривало как борьбу за утверждение социализма [1]. Научная значимость работы Бакулиной состоит в том, что в ней впервые была предпринята попытка создать очерк истории ОДН, составить периодизацию его деятельности.

Перечисленные историко-партийные исследования имеют определенные недостатки в связи с господствовавшими на тот момент идеологическими установками. Вопросы культурной революции в нашей стране освещались весьма односторонне, при этом преследовалась заранее поставленная цель: показать прорыв из темного буржуазного прошлого в светлое социалистическое будущее. Все значимые успехи приписывались мудрому руководству Коммунистической партии. Руководящая роль партии в сфере культурного строительства освещалась не вполне объективно, существенные упущения в этой области в данных исследованиях не отражались. В целом же, как было отмечено Т. И. Бакулиной, к началу 1980-х гг. вопросы участия добровольных обществ в культурной революции только начинали разрабатываться.

Третий этап развития историографии проблем ликбеза начался с середины 1980-х гг. и продолжается до настоящего времени. За последние 20 лет вышло много статей и монографий, посвященных кампании ликбеза и деятельности ОДН на территории отдельных регионов, губерний, уездов, республик бывшего СССР [4, 6, 21, 22, 23].

Вместе с перестройкой и демократизацией российского общества наметился поворот в сторону более объективного изучения истории. Важной задачей стало освобождение исторической науки от классовых установок. Исследователи стали применять новый подход к рассмотрению вопросов ликбеза и деятельности ОДН, отличный от марксистско-ленинской методологии. В середине 1990-х гг. в Костроме вышла статья А. Н. Рябинина, где автор критикует советскую историографию, в которой доминировали только положительные оценки проведения ликбеза в стране. На примере Владимирской и Ярославской губерний Рябинин приходит к выводу о том, что «волонтаристские планы» по ликбезу принимались губерниями при отсутствии материальных средств и квалифицированных кадров преподавателей и это были заведомо невыполнимые планы [18, с. 46].

В постсоветских работах впервые появилась критика деятельности партийных и комсомольских организаций, занимавшихся ликбезом в годы нэпа. К примеру, А. А. Слезин отмечает, что в губерниях Центрального Черноземья плановые задания по ликбезу в 1923—1927 гг. комсомольскими организациями не выполнялись, многие комсомольцы оказывались фиктивными члена-

ми ОДН [21, с. 41]. Слезин пишет, что в годы нэпа борьба с неграмотностью еще не стала одной из главных забот Коммунистической партии, а документы местных обществ «Долой неграмотность» «буквально пестрят оправданиями плохой работы комсомольцев по ликвидации неграмотности их перегрузкой другими поручениями». Борьба с неграмотностью носила в комсомоле характер кампаний, по окончании которых внимание к проблеме ослабевало. «Покончить с кампанейщиной», как пишет исследователь, удалось лишь в 1928 г., когда стартовал Всесоюзный культпоход.

Немало работ в последние годы было посвящено ликвидации неграмотности среди женщин. В частности, о ликбезе среди женщин Западной Сибири говорится в статьях М. И. Воробьевой и И. А. Рябцевой [6, 20]. Эти авторы, подчеркивая большую роль ОДН в реализации программы борьбы с неграмотностью, отмечают значительные трудности в проведении ликбеза среди женщин вследствие их привязанности к дому, занятости на сельскохозяйственных работах, политической отсталости.

Среди новейших исследований проблемы ликбеза, и в частности деятельности ОДН, следует отметить ряд диссертаций, написанных в 2000-е гг., причем исследователями не только в области отечественной истории, но и в области педагогики. Одна из последних — диссертация по истории педагогики Я. И. Петровой [17].

Общество «Долой неграмотность» за последние 20 лет, как и в советский период, редко становилось самостоятельным предметом рассмотрения в работах историков. Исключением являются небольшие статьи Ю. Л. Вишнякова [5], Л. Ю. Богачёвой [3]. Богачёва указывает на то, что работа ОДН была крайне важна, оно организовывало советскую общественность вокруг лозунгов борьбы с неграмотностью. С другой стороны, она отмечает ярко выраженный кампанейский характер деятельности по созданию ОДН, что обуславливало нежизнеспособность многих местных организаций ОДН [3, с. 94].

Подведем итоги. Имеется большое количество работ, посвященных проблеме ликвидации неграмотности в 1920—1930-х гг., но в большинстве из них лишь кратко рассмотрено участие ОДН в обучении неграмотных. Данная проблема представляется не до конца изученной.

Библиографический список

1. Бакулина Т. И. Роль добровольного Общества «Долой неграмотность» в осуществлении ленинского плана культурной революции в РСФСР : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 1984. 18 с.
2. Бобрышев В. Год работы по ликвидации неграмотности. М. : Долой неграмотность, 1925. 46 с.
3. Богачёва Л. Ю. Деятельность Общества «Долой неграмотность» в 1920-е годы // История России: на перекрестке мнений : сб. науч. ст. по итогам III межрегион. ист. чтений, посвящ. памяти проф. Б. С. Абаляхина, Волгоград, 2—3 марта 2006 г. Волгоград : Перемена, 2007. С. 92—98.
4. Борисов А. В. Деятельность местных Советов по ликвидации неграмотности среди крестьянства в реконструктивный период // Крестьянство Центрального промышленного района. Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1984. С. 30—44.

5. Вишняков Ю. Л. Общество «Долой неграмотность» в Западной Сибири // Сб. науч. тр. / Центр. музей революции. М. : Сов. Россия, 1991. Вып. 19. С. 72—77.
6. Воробьева М. И. Ликвидация неграмотности женщин Западной Сибири (1929—1937 гг.) // Наука и образование : материалы Всерос. науч. конф., 20—21 февр. 2003 г. Белово : Белов. полиграфист, 2003. Ч. 2. С. 62—68.
7. Гусев Л. Н. Советская общественность в борьбе с массовой неграмотностью трудящихся деревни (1917—1932) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ярославль, 1986. 24 с.
8. Денисов С. Г. Борьба партии за культурное преобразование деревни (1917—1937). М. : Мысль, 1981. 197 с.
9. Зиновьев М., Плешакова А. Как был выполнен ленинский декрет. М. : Госполитиздат, 1961. 128 с.
10. Козлов В. А. Культурная революция и крестьянство, 1921—1927 гг. М. : Наука, 1983. 216 с.
11. Кольцов А. В. Культурное строительство в РСФСР в годы первой пятилетки (1928—1932). М. ; Л. : Изд-во АН СССР. Ленингр. отд-ние, 1960. 208 с.
12. Крупская Н. К. Ликвидация неграмотности в деревне // Ком. просвещение. 1924. № 3/4. С. 125—135.
13. Крупская Н. К. Педагогические сочинения : в 10 т. М. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1960. Т. 9 : Ликвидация неграмотности и малограмотности. 839 с.
14. Куманев В. А. Революция и просвещение масс. М. : Наука, 1973. 335 с.
15. Куманев В. А. Социализм и всенародная грамотность : ликвидация массовой неграмотности в СССР. М. : Наука, 1967. 328 с.
16. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М. : Изд-во полит. лит., 1969. Т. 23. 594 с.
17. Петрова Я. И. Организация обучения взрослых в процессе ликвидации неграмотности в СССР в 1920—1930-е гг. : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Самара, 2010. 21 с.
18. Рябинин А. Н. Борьба за грамотность: правда и вымыслы // Вестн. Костром. гос. пед. ун-та. 1995. № 1. С. 44—46.
19. Рябцева И. А. Ликвидация неграмотности женщин Западной Сибири в 1920—1930-х гг. // Вопр. истории Сибири XX века : межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. Вып. 6. С. 70—80.
20. Слезин А. А. Социально-политические аспекты участия комсомола 1920-х годов в ликвидации неграмотности : (по материалам Центрального Черноземья) // Молодежь России: история и современность. Омск, 2002. Вып. 3. С. 37—45.
21. Федосеева Л. Ю. Ликвидация неграмотности рабочих Поволжья во второй половине 1920-х — середине 1930-х годов // Ист. зап. Пенза : Изд-во Пензен. гос. ун-та, 2002. Вып. 6. С. 81—92.
22. Филоненко Т. В. Ликвидация неграмотности в губерниях Центрального Черноземья России (1920—1927 гг.) / Воронеж. гос. пед. ун-т. Воронеж, 1999. 116 с.
23. Элькина Д. Ю. На культурном фронте : из истории борьбы за ликвидацию неграмотности в СССР. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1959. 143 с.
24. Эпштейн М. С. Итоги I Всероссийского съезда ОДН. М. : Долой неграмотность, 1926. 52 с.

ББК 63.3(2)6-283.2

С. Т. Смирнова

ЗАРИСОВКИ К ПОРТРЕТУ А. В. ЛУНАЧАРСКОГО: ПО СВИДЕТЕЛЬСТВАМ СОВРЕМЕННОКОВ

Анатолий Васильевич Луначарский (партийные псевдонимы — Воинов, А. Анютин и др.) — известный персонаж истории советской культуры. Он являлся одним из архитекторов культурного строительства в Советской России, разработчиком теории новой культуры. Общеизвестно, что в дни Февральской революции А. В. Луначарский сделал полушутливый прогноз: он предсказал, что после победы социалистической революции Ленин станет премьер-министром, Троцкий возглавит Министерство иностранных дел, а сам Луначарский будет министром народного просвещения. История показала, что это предсказание сбылось. Он был единственным наркомом из первого состава советского правительства, кто проработал на своем посту 12 лет — с 1917 по 1929 г. Столь длительное пребывание Луначарского на посту наркома просвещения объяснялось различными причинами, среди которых не последнюю роль играли личностные качества этого человека.

Современники А. В. Луначарского оставили свидетельства, полные противоречивых оценок этой персоны. Во многом полярные суждения о нем обуславливались идеологическими и личными мотивами. Художник и актер, писатель и ученый, представитель партийно-государственной номенклатуры, естественно, по-разному относились к нему и его деятельности.

Идеологическая доминанта, преобладающая в оценке личности одного из видных государственных деятелей советской эпохи, заставляет исследователей вновь и вновь обращаться к изучению биографии первого наркома Советского государства. Необходимо беспристрастно прочитать и проанализировать письменные свидетельства о А. В. Луначарском, и в первую очередь свидетельства деятелей российской культуры, с которыми он тесно взаимодействовал, в чьей судьбе участвовал, с кем был знаком и дружен или, наоборот, к кому относился отстраненно.

Некоторые современники называли его «лучшим из министров просвещения», другие считали его «коммунистическим культурным нэпманом, развращенным привилегиями, путешествиями за границу и хорошей жизнью», «провинциальным учителем и немного журналистом», а исследователи — «человеком мысли, а не дела» [10, с. 39].

В статье рассмотрены частные «портретные зарисовки» (характеристики) А. В. Луначарского, содержащиеся в воспоминаниях, дневниках, публицистических очерках деятелей культуры и соратников по социалистическому строительству, его близких, в плане отношения к нему как человеку, коллеге по цеху, государственному лицу (чиновнику).

Интерес к биографии и государственной деятельности А. В. Луначарского не ослабевает, а, наоборот, возрастает [8, 10, 11, 14]. Он объясняется стремлением осмыслить историю советской культуры как феномена XX в. через призму агентов истории — ее действующих лиц [9, 13]. Можно говорить о том, что в современных исследованиях по истории российской культу-

ры наметилась тенденция активного привлечения источников, «отражающих ментальные явления», способных полноценно обеспечить «антропологически ориентированное историческое изучение» [13, с. 8]. Такой подход к изучению истории не нов. Стремление к постижению индивидуальности было свойственно, например, для П. М. Бицилли, историка-эмигранта первой послеоктябрьской волны. Он жил в эпоху тотального «моделирования истории и кризиса гуманизма, когда самые немыслимые утопии и “формулы” становились реальностью, а ценность индивидуальности ставилась под сомнение» и постоянно обращался к новой проблеме исторического понимания — проблеме абсолютной ценности единичной личности [3, с. 13]. В современных условиях эта тенденция вновь получает развитие. В рецензии на книгу Г. П. Федорова «Святой Филипп, Митрополит Московский» (Париж, 1927) П. М. Бицилли пишет: «...живые, подлинные люди обращались в “представителей” или “носителей” тех или иных “начал”, или “общественных слоев”, или тому подобных мнимых величин» [3, с. 430].

Знаковым событием стало издание в России книги американского историка-слависта Т. Э. О’Коннора «Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры», признанной зарубежными и отечественными историографами фундаментальным трудом по изучению деятельности А. В. Луначарского на посту наркома просвещения РСФСР (хотя сам автор назвал свой трактат «введением в научную биографию» Луначарского). Т. Э. О’Коннор отмечал, что исследователи много внимания уделяли деятельности А. В. Луначарского как главы Наркомпроса, его философским трудам, литературному наследию. Однако «объективное изучение его жизни еще впереди» [10, с. 29]. Особый интерес в контексте рассматриваемого нами вопроса представляет 4-я глава книги — «Луначарский, творческая интеллигенция и развитие советской культуры». Центральное место ученый отводит анализу взаимоотношений Луначарского и творческой интеллигенции. Он отмечает, что Луначарский был в курсе всех новейших тенденций в искусстве и литературе, «тесные связи» с художественным сообществом доставляли ему радость, ему нравилось открывать и поддерживать новые таланты [11, с. 83—106]. В другой работе О’Коннор затрагивает тему «образов» Луначарского, вычлняя такие черты, как веселость, остроумие, уступчивость, мягкость, слабоволие, злоупотребление служебным положением и др. [10, с. 39].

Характеризуя взгляды Луначарского на культурное строительство в Советской России, О’Коннор объясняет их в первую очередь художественными вкусами наркома, которые можно определить как консервативные. Именно поэтому Луначарский предпочитал «новое содержание в старых формах». Справедливо утверждение, что Луначарский, воспитанный на традициях западноевропейской культуры, считал необходимым и важным сохранение преемственности в культурном развитии. Как отмечает Н. Луначарская-Розенель, он говорил на многих европейских языках, «годы эмиграции, вынужденной разлуки с родиной <...> использовал для изучения культуры и искусства Западной Европы» [6, с. 9].

Для наиболее полного представления о Луначарском-человеке необходимо, на наш взгляд, шире использовать источники личного происхождения, т. к. именно они позволяют, хотя и не с «абсолютной точностью», «судить о поведении людей, выявить скрытые эмоции, чувства и помыслы даже глав-

ных действующих лиц прошлого» [11, с. 10]. Нами использованы воспоминания Н. Луначарской-Розенель, второй жены А. Луначарского, дневники писателя К. Чуковского, письма писателя Л. Андреева, воспоминания писателя Б. Зайцева, очерки художника А. Бенуа, воспоминания художника Ю. Анненкова, соратника по социалистическому строительству Л. Троцкого и др. Большая часть указанных источников личного происхождения стала доступна широкому кругу читателей сравнительно недавно. Отметим, что некоторые из них были написаны авторами в эмиграции (Б. Зайцев, Л. Андреев, Ю. Анненков, А. Бенуа).

А. В. Луначарский был образованнейшим человеком своего времени, несомненно обладавшим художественным талантом. Он вошел в историю российской культуры как политик, писатель, переводчик, драматург, журналист, литературный критик, блестящий оратор.

Наталья Луначарская-Розенель — актриса Малого театра — оставила объемные воспоминания о муже, с которым «на протяжении последних двенадцати лет его жизни <...> делила радости и горести» [6, с. 3]. Как близкий ему человек она характеризует А. Луначарского исключительно в теплых тонах: для нее он энциклопедически образованный, мудрый, обаятельный, человечный человек. Мемуары жены наркома, несмотря на их явно выраженное субъективное начало и эмоциональную тональность, важны для исследователя, ставящего перед собой задачу нарисовать современный портрет человека прошлого, занимавшегося политикой, государственной, журналистской или какой либо другой деятельностью. Случается и наоборот: на первый план выдвигается профессиональная деятельность в ореоле идеологом времени и через нее, как сквозь призму, проявляется некий образ нереального человека.

Иной взгляд на Луначарского представлен в воспоминаниях Бориса Зайцева «Давнее». В мемуарах выделена специальная глава под названием «Луначарский», и начинается она словами: «Этого молодого блондина в пенсне, веселого, довольно благодушного, встретил я некогда в Петербурге <...> вообще впечатление от него более легкое, даже с каким-то просветом» [5, с. 286]. Позднее судьба не раз сводила Зайцева и Луначарского. К примеру: «Скатываемся в благословенную Италию, сияющую, светозарную Флоренцию <...> В городе этом, как из-под земли и тоже вдвоем с молодой женою, — Луначарский», который тоже любил Флоренцию, имел «порыв к искусству». Итальянские ресторанчики и кьянти, беседы о флорентийской живописи объединили на какое-то время две молодые супружеские пары. Но примечательно, что Б. Зайцев заметил: «Единственно, чем доезжал он меня тогда, — многословие. Глаза соловели у слушателя, а остановить его не было возможности» [5, с. 287]. Рассуждения Луначарского о живописи он называл любительскими и легковесными.

И вот Луначарский, с которым Зайцев пил во Флоренции кьянти, стал «министром, “народным комиссаром”, кажется, народного образования» [5, с. 288]. Писателю казалось фантастичным, что человек, занявший у него сто лир во Флоренции, вдруг стал министром. Революция расстроила приятельские отношения. Писатель в дни Московского восстания даже обратился с открытым письмом к Луначарскому: «Это было что-то невообразимое. Дорого обошлись ему московские купола. Что именно писал, не помню <...> кон-

чалось тем, что *никогда я больше не подам ему руки* [там же]. Потом выяснилось, что Луначарский был ни при чем.

Кроме эмоционально окрашенных сюжетов, в воспоминаниях Зайцева встречаются четкие взвешенные оценки, касающиеся революционной ситуации и деятельности Луначарского. Он пишет: «Положение Луначарского в революции оказалось довольно неудобным. Сам он был интеллигент и человек вовсе не кровавый, а попал в очень уж теплую компанию. “Они” не весьма его жаловали. Он старался смягчать, заступаться, поддерживать артистов, писателей, налаживать академические пайки. По этой части кое-что сделал, но в террор и казни смягчения никакого не внес» [5, с. 288—289].

Описывая визит к Луначарскому в Кремль («приходилось <...> ходить иногда в “Орду”»), Зайцев вспоминает: «Помню, ухитрился я <...> не поздороваться с ним. Помню, стараясь выказать свою независимость и презрение к существующему строю, я, как-то особенно нагло развалившись в кресле, раскачивал его, презрительно осматривал, заставлял скрипеть, чтобы наглядно показать, как ничтожно это высокое место — “кабинет кремлевского вельможи” (смешно, конечно, ребячество, но тогда делалось “от всего сердца”»)» [5, с. 289]. Раздражала писателя и шуба Луначарского («наверное, отобранная у буржуя»). Писатель завершил очерк необычной фразой: «Ну, какой бы

там ни был Анатолий Васильевич, слава Богу, что умер не в подвале ЧЕКА» [5, с. 290].

Любопытный штрих к портрету Луначарского-человека имеется в письмах Юрия Анненкова родителям. Как известно, его отец, происходивший из старинного дворянского рода, в молодости был активным участником народнического движения, был знаком с Верой Фигнер и другими известными революционерами-народниками. В письме к отцу сын сообщает, что встречал новый, 1912 г. во Франции «в компании политических эмигрантов». Он рассказывает, какое впечатление на него произвела встреча с В. Фигнер, которая его узнала, «поцеловала в обе щеки и подвела к человеку мелкобуржуазного типа, с усами, с бородкой и хитровой улыбкой, в котором я тотчас узнал Ленина» [1, с. 621]. Для нас важно, что на том же вечере Анненков познакомился с «Анатолием Луначарским, с Владимиром Антоновым-Овсеенко и с Л. Мартовым». Он пишет: «Ни Фигнер, ни Ленин, ни его жена Крупская, ни Мартов, ни Хрусталёв-Носарь на этом вечере, как и следовало ожидать, не танцевали. Танцевали Луначарский (модное тогда танго) и Антонов-Овсеенко (что-то вроде польки)» [там же]. Такое, казалось бы, незначительное замечание существенно влияет на формирование образа исторического персонажа. (Традиционно образы революционеров, государственных деятелей были лишены «человеческой оболочки», это способствовало возникновению представлений о них как о легендарных личностях, «великанах», «небожителях».) Подобного рода наблюдения современников несколько «заземляют» такие образы. Исторические персонажи спускаются с Олимпа.

Корней Чуковский в дневниковых записях первых послереволюционных лет неоднократно упоминает имя Луначарского. Он подчеркивает его «невероятную работоспособность, всегдашнее благодушие, сверхъестественную доброту», которая делала «всякую насмешку над ним циничной и вульгарной» [15, с. 145]. Чуковский пишет: «Луначарский — благодушный ребенок, он лоснится от самодовольства. Услужить кому-нибудь, сделать одол-

жение — для него ничего приятнее нет. Он мерещится себе как некое все-сильное благодное существо, источающее на всех благодать. Страшно любит свою подпись» [15, с. 143]. Как близкие по смыслу могут рассматриваться и «наброски к портрету» Луначарского Александра Бенуа. Он упоминает имя наркома просвещения в очерке «Сухарева башня» из книги «Художественные письма. 1930—1936 гг.». Бенуа замечает: «Первый нарком просвещения прямо-таки до виртуозности специализировался на том, чтобы представить то, что можно назвать “государственным меценатством”. И, будучи по природе человеком мягким, падким на успех, суетным и не лишенным известной художественной талантливости, он эту роль исполнял сравнительно удачно, хотя ему до сущности искусства было мало дела. Луначарский мастерски импонировал и у себя, и особенно за границей, создавая легенду о том, что большевики чутко относятся к искусству и делают для него все, что только можно» [2, с. 136].

Продолжая тему «ликов» Луначарского, созданных представителями художественной элиты России, остановимся на письмах Леонида Андреева Владимиру Бурцеву, датированных последним годом жизни автора — 1919-м. Л. Андреев категоричен в оценке Луначарского: «Луначарский со своим лисьим хвостом страшнее и хуже всех других Дьяволов из этой свирепой своры. Он трус и чистюля, ему хочется сохранить приличный вид и как можно больше запутать людей, зная, что каждое новое “имя”, каждый профессор, ученый интеллигент или просто порядочный человек соответственно уменьшает его личную ответственность <...> Светлый луч в темном царстве — так, вероятно, он сам мыслит про себя, ибо кроме всего он человек пошлый и недалекий». Писатель не принял большевизма, он считал, что «большевизм съел огромное количество образованных людей, умертвил их физически, уничтожил морально своей системой подкупов, прикармливания...» [4, с. 114].

В контексте размышлений Л. Андреева следует обратить внимание на кампанию 1921 г., организованную СНК по вопросу предоставления деятелям художественной культуры права на временный выезд за границу. В разработке правил выезда российских граждан за рубеж самое активное участие принимал Луначарский. Он автор принципа так называемой круговой поруки. Определялись сроки пребывания за границей (не более 4 месяцев), численность группы, выезжавшей за рубеж (пять человек). «После возвращения каждого из этих пяти лиц нарком просвещения имеет право посылать в очередь другое лицо, стоящее в списке кандидатов. Нарушение слова и уход за границу навсегда автоматически закупоривает соответствующую очередь» [12, с. 35].

В рамках указанной кампании рассматривался вопрос о предоставлении права выезда за рубеж для поправления здоровья Александру Блоку. Луначарский ратовал за то, чтобы разрешить Блоку выезд. Он писал: «Мы в буквальном смысле слова, не отпуская поэта и не давая ему вместе с тем необходимых удовлетворительных условий, замучили его. Само собой разумеется, это будет соответственно использовано нашими врагами» [12, с. 38]. Полемизуя с членами ЦК партии, он возмущается по поводу разрешения на выезд Сологубу, за которого он не просил: «В то время как Сологуб попросту подголаживает, имея, впрочем, большой заработок, Блок заболел <...> Могу вам заранее сказать результат, который получится вследствие вашего решения. Высокодаровитый Блок умрет недели через две, а Федор Кузьмич Сологуб

напишет по этому поводу отчаянную, полную брани и проклятий статью...» [12, с. 39—40]. Это письмо в ЦК РКП(б) было датировано 16 июля 1921 г., 23 июля было принято постановление разрешить А. Блоку выехать за границу, но смерть поэта помешала реализовать решение ЦК партии. Предположение Луначарского сбылось.

Особое место в ряду воспоминаний и другого рода свидетельств занимает очерк Льва Троцкого «А. В. Луначарский», написанный в 1934 г., после смерти Луначарского. Троцкий отмечает, что ему были свойственны «импрессионистические скачки по политическому полю», однако «его разнообразные, иногда неожиданные качания имели ограниченную амплитуду: они никогда не выходили за черту революции и социализма» [8, с. 368].

Рисуя нравственный облик Луначарского, Троцкий указывает на его «мягкую покладистость», которая помогала ему приспособливаться к обстоятельствам. «Отходчивость и сговорчивость» спасли его в ноябре 1917 г., «когда из Москвы пришел слух, будто большевистская артиллерия разрушила церковь Василия Блаженного. Такого вандализма знаток и ценитель искусства не хотел простить!» [8, с. 369]. Но Троцкий пишет, что «исключительная даровитость», пусть и сочетававшаяся с «расточительным дилетантизмом дворянской интеллигенции», «разносторонняя эрудиция», которой «хватило бы на добрый десяток профессоров» [8, с. 370], позволяли считать, что «в качестве народного комиссара по просвещению Луначарский в сношениях со старыми университетскими и вообще педагогическими кругами, которые убежденно ждали от невежественных узурпаторов полной ликвидации наук и искусства, с увлечением и без труда показал этому замкнутому миру, что большевики не только уважают культуру, но и не чужды знакомства с ней» [8, с. 369]. Вместе с тем, по его мнению, «дилетантская фантазия», «административная беспомощность» были очевидны и как организатор Луначарский не справлялся должным образом с управлением наркоматом просвещения. Об этом свидетельствовали его заместители — Н. К. Крупская и М. Н. Покровский, другие соратники [8, с. 370]. Знаток театра, драматург, блестящий оратор воспринимался многими современниками как «неуместное пятно в бюрократических кругах». Однако заслуга Луначарского перед отечеством заключалась в том, что он «успел до конца выполнить свою историческую миссию» — обеспечить «поворот дипломированной и патентованной интеллигенции в сторону Советской власти» [там же].

«Блаженный Анатолий», названный так Г. В. Плехановым за мистические искания, «апостол терпимости», как его называли многие, бесчисленными неоднозначными откликами современников будет возбуждать интерес к своей личности как феномену советской эпохи. Допущение использования так называемой божественной терминологии по отношению к А. В. Луначарскому, на наш взгляд, неслучайно. Неоднозначная оценка личности Луначарского, основывающаяся на симпатиях и антипатиях к нему других людей, психологических особенностях его характера, его идеологической зависимости, вытекает из его специфического мировоззрения, основанного на фантазийности, мифологичности сознания, а также из специфики его восприятия своего времени. По большому счету, она определяется эпохой, в которую он жил.

В одной из последних юбилейных речей Луначарского (придававшего большое значение обычаю отмечать юбилейные даты), посвященной семидесятилетию К. А. Станиславского, он произносит монолог революции: «Театр,

ты мне нужен. Ты мне нужен не для того, чтобы после моих трудов и боев я, революция, могла отдохнуть на удобных креслах в красивом зале и развлечься спектаклем. Ты мне нужен не для того, чтобы я просто могла свежо посмеяться и “отвести душу”. Ты мне нужен как помощник, как советник, как прожектор <...> Я хочу, чтобы ты прославил передо мной самой мои подвиги и мои жертвы, мне нужна интенсивнейшая внутренняя жизнь для того, чтобы интенсивней и плодотворней был мой труд на земле, моя война за счастье» [7, с. 167—168]. Выдающийся оратор советской эпохи понимал, что такое обращение к массам будет услышано.

Библиографический список

1. Анненков Ю. Монпарнас 1911—1913 гг. / публ. И. В. Обуховой-Зелинской // Русское искусство: XX век : исслед. и публ. М. : Наука, 2009. Т. 3. С. 606—646.
2. Бенуа А. Художественные письма, 1930—1936 гг. М. : ГАЛАРТ, 1997. 406 с.
3. Бицилли П. М. Трагедия русской культуры : исслед., ст., рец. / сост., вступ. ст., коммент. М. Васильевой. М. : Русский путь, 2000. 608 с.
4. Владимир Бурцев и его корреспонденты // Отечеств. история. 1992. № 6. С.110—122.
5. Зайцев Б. Давнее // Русский Нью-Йорк : антология «Нового журнала» / сост. А. Н. Николюкин. М. : Русский путь, 2002. С. 286—290.
6. Луначарская-Розенель Н. Память сердца : воспоминания. М. : Искусство, 1962. 487 с.
7. Луначарский А. Юбилей : сб. юбил. речей и ст. (1931—1933). М. : Худож. лит., 1934. 191 с.
8. Луначарский А., Радек К., Троцкий Л. Силуэты: политические портреты. М. : Политиздат, 1991. 463 с.
9. Манин В. С. Искусство в резервации : художественная жизнь России 1917—1941 гг. М. : Эдиториал УРСС, 1999. 246 с.
10. О'Коннор Т. Э. Анатолий Васильевич Луначарский // Вопр. истории. 1993. № 10. С. 28—46.
11. О'Коннор Т. Э. Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры : пер. с англ. М. : Прогресс, 1992. 223 с.
12. «Он будет писать стихи против нас»: правда о болезни и смерти А. Блока // Источник. 1995. № 2. С. 33—45.
13. Пархоменко Т. А. Культура без цензуры : культура России от Рюрика до наших дней. М. : Книжный клуб «Книговек», 2010. 668 с.
14. Первое советское правительство, октябрь 1917 — июль 1918 / науч. ред. А. П. Нароков. М. : Политиздат, 1991. 461 с.
15. Чуковский К. И. Дневники // Новый мир. 1990. № 7. С. 140—177.

ББК 63.3(2)6-202

С. В. Точёнов

СТРОИТЕЛЬСТВО ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941—1943 гг.

© Точёнов С. В., 2011

• Серия «Гуманитарные науки»

Ивановская область на момент начала войны представляла собой довольно крупную территориально-административную единицу. После реорганизации Ивановской промышленной области в 1936 году к ней отошли территории бывшей Иваново-Вознесенской и Владимирской губерний, и до 1944 года границы области не изменялись. В ее состав входило 43 района, включавших в себя 11 тыс. населенных пунктов (в том числе 31 город и 26 рабочих поселков) [1, д. 2, л. 1, 10].

Крайне неудачное начало войны очень быстро поставило область в ряд прифронтовых. К осени 1941 года ситуация была близка к катастрофической. Красная Армия терпела поражения, враг стоял у ворот столицы. Среди населения прилегающих к Москве районов и областей началась паника, усугубляемая отсутствием достоверной информации. Понятно, что в такой обстановке нужны были быстрые, четкие и ответственные решения власти с целью воспрепятствовать продвижению войск противника в глубь страны. Это и стало толчком к идее строительства оборонительных сооружений на территориях областей, граничащих с Московской.

14 октября состоялось совещание в Кремле с участием И. В. Сталина и членов Государственного Комитета Обороны. На него были приглашены руководители партийных организаций Горьковской, Ярославской и Ивановской областей. Перед ними была поставлена задача строительства в кратчайшие сроки оборонительных полос для защиты от наступающих немецких частей и соединений [2, д. 12, л. 195].

На закрытом заседании бюро Ивановского обкома ВКП (б) в режиме строжайшей секретности первый секретарь Пальцев проинформировал, что прикрывать Ивановскую область должны три полосы общей протяженностью около 250 км и конфигурацией «дуги с опорой на Волгу». Оборонительные сооружения должны представлять собой ров длиной 3 метра и шириной не менее 6 метров. За счет выбранной земли предполагалось образовать вал. На все работы Москва определила срок — 10 дней [2, д. 12, л. 196].

В рамках развернувшегося обсуждения Пальцев предложил мобилизовать 250 тыс. человек (тысяча человек на один километр) и завершить работу за 6 дней. Он исходил из того, что на каждом километре — 18 тыс. кубометров земляных работ, и если производительность труда будет составлять в среднем 3 кубометра в сутки на одного работающего, то вполне реально уложиться в установленные сроки. По его же предложению планировалось создать штаб строительства с фактически неограниченными полномочиями, вплоть до остановки любого предприятия области на срок производства работ и с возможностью «брать все, что нужно». Любой, кто будет препятствовать работе штаба, должен быть отдан под трибунал с немедленным исполнением приговора [2, д. 12, л. 196].

В окончательном варианте постановления был оставлен первоначальный срок строительства — 10 дней (т. е. до 25 октября), предполагаемое количество мобилизованных определялось цифрой 250—300 тысяч. В штаб вошли: Пелевин — председатель исполкома облсовета, Капранов — секретарь обкома, Богачев — начальник первого боеучастка, Гонобоблев — председатель Ивановского исполкома горсовета, Блинов — начальник областного Управления НКВД. Было принято решение о строительстве к 22 октября

30-километрового дополнительного участка оборонительных сооружений вокруг Владимира [2, д. 12, л. 197—198].

Таким образом, руководство областной партийной организации и исполнительной власти вполне серьезно обсуждало возможность остановки работы всех предприятий и учреждений области (кроме военных), мобилизации на строительные работы большей части взрослого трудоспособного населения с обеспечением его местами проживания, питанием, медицинским обслуживанием, техникой и орудиями труда. Нельзя забывать, что прежде чем приступить к строительным работам, необходимо было определить контуры оборонительной полосы, выехать на место и провести масштабные рекогносцировочные работы. И все это сделать за 6, максимум 10 дней. Эти абсолютно нереальные, фантастические планы лишней раз свидетельствовали о сложности (если не катастрофичности) ситуации октября 1941 года, сохранении панических настроений, желании во что бы то ни стало реализовать указания (пусть даже совершенно невыполнимые) верхов.

Очень скоро, уже через неделю, стало ясно, что намеченные планы осуществить невозможно. В постановлении от 22 октября сроки окончания строительства были отодвинуты до 1 декабря (и потом еще неоднократно изменялись), пункт о создании штаба отменялся. Вообще подходы этого постановления к проведению строительных работ были гораздо более реалистичны. Устанавливалась персональная ответственность за отдельные направления работы (обеспечение транспортом, организация питания и медицинского обслуживания, доставка людей к месту работы и проживания), запрашивалась помощь у Москвы в выделении дополнительных резервов продуктов питания, определялись условия расквартирования мобилизованных

и т. д. [2, д. 14, л. 245—247].

Рекогносцировка и строительные работы были начаты в области во второй декаде октября. Первоначально намечалось возведение рубежей в следующих границах: Заволжский рубеж — по левому берегу Волги от села Красное до Сокольского, Ивановский обвод — от села Гари до Сокольского, южнее Иванова через Мальтино, Морозово, Лежнево, Палех, Мыт и Бараново. В середине ноября командующий 28-й армией генерал армии Тюленев инициировал разработку проекта дополнительного отсечного рубежа от Шуи по восточному берегу рек Теза и Клязьма до Гришино [2, д. 16, л. 2].

Впоследствии планы строительства Заволжского и Ивановского рубежей были несколько изменены. Также был скорректирован вследствие непригодности намеченной трассы отсечный рубеж от Шуи. В декабре произошли новые изменения в проекте и очередности строительства отдельных участков. Затем последовало распоряжение о строительстве укрепленного рубежа по восточному берегу Уводи примерно от Дудино (западнее Коврова) до Гришино вместо отсечного рубежа от Шуи до Гришино по рекам Тезе и Клязьме. При этом юго-восточный участок Ивановского обвода от Дудино до Пучежа был отнесен к строительству второй очереди [2, д. 16, л. 2].

Установление очередности строительства оборонительных рубежей определялось тем, что ориентировочный объем работ по их сооружению требовал затрат в 20 млн человеко-дней, что не могло быть обеспечено ресурсами Ивановской области и Главного Управления оборонительных работ (ГУ-ОБР). В результате было приостановлено строительство Заволжского рубежа и Ивановского обвода от примыкания его к Владимирскому рубежу до Волги,

а также рубежа по реке Уводь. При этом предполагалось строительство лишь участка Ивановского обвода от границы Ярославского рубежа до Владимирского и непосредственно сам Владимирский рубеж.

Строительство оборонительных сооружений в Ивановской области первоначально было поручено 3-му Управлению оборонительных работ Народного комиссариата обороны СССР, проводившему работы в основном в Ярославской области, где была сконцентрирована большая часть ресурсов этого Управления. В конце октября с учетом большого объема выполняемых работ был создан его филиал в Иванове. В первых числах декабря было организовано самостоятельное 20-е Управление. Его руководящий состав укомплектовали работниками северо-западного Управления ГУОБР НКВД СССР и расформированного Ивановского филиала. Руководство строительством Владимирского оборонительного рубежа было поручено 14-му Управлению оборонительных работ. В соответствии с решением Государственного Комитета Обороны СССР (ГКО) о строительстве Ивановского обвода лишь в границах от Ярославского до Владимирского рубежей и о строительстве Владимирского рубежа, в последних числах декабря 14-е Управление было расформировано, а все работы переданы 20-му Управлению. Оно, в свою очередь, вскоре было переименовано в 4-е УОБР и включало в свой состав семь полевых строителей [2, д. 16, л. 4—5].

Кадры командно-административного персонала Управления и полевых строителей состояли в основном из работников НКВД, различных московских и ряда местных строительных организаций. Большинство инженерно-технических работников уже имело опыт строительных работ.

Полевые строительства располагали различной по составу рабочей силой. Наибольший удельный вес составляли рабочие, мобилизованные из населения Ивановской области. На строительстве Владимирского рубежа и Ивановского обвода в начале 1942 года среднесписочная численность рабочих по всем полевым строительствам достигала 29,6 тыс. человек, из них 15,4 тыс. (52 %) — мобилизованные из числа местного населения. Остальную массу работающих составляли бойцы строительных батальонов (11,8 тыс.) и кадровые рабочие (2 тыс.). Кроме того, на строительстве было занято четыре бригады 3-й саперной армии [2, д. 16, л. 5—6].

Мобилизация местного населения на оборонительные работы производилась по постановлениям Ивановского обкома ВКП (б) и Областного Совета депутатов трудящихся от 15 октября, 10, 18 и 24 ноября, 19 и 29 декабря 1941 года в соответствии с предшествующими решениями ГКО. Первоначально из местного населения должно было быть мобилизовано, как уже отмечалось выше, 250—300 тыс. человек, потом эта цифра уменьшилась до 146, затем до 128 и наконец до 50 тыс. человек [2, д. 14, л. 237; д. 15, л. 127—128, 154—155].

Фактически план мобилизации ни на одном этапе строительства не выполнялся, максимальная численность работающих из числа местного населения составляла 63 тыс. человек (ноябрь 1941 года) [2, д. 15, л. 1]. В части районов мобилизация проводилась со значительным опозданием, и, наряду с приходом рабочих из одних районов, шел обратный процесс оттока в порядке самовольных уходов или отзыва. Партийные органы пытались урегулировать эту ситуацию, принимая соответствующие меры. Так, например, согласно постановлению бюро обкома от 10 ноября за невыполнение заданий по мобилизации получили строгие выговоры секретари Суздальского (Сорокин) и

Гаврилово-Посадского (Рощин) райкомов партии [2, д. 15, л. 3]. Отсутствие архивных материалов, свидетельствующих о более строгих партийных взысканиях и уголовном преследовании, видимо, объясняется некоторым ослаблением напряженности ситуации под Москвой, приостановкой продвижения немецких войск на восток в ноябре — декабре 1941 года.

К началу 1942 года реально на строительстве могло находиться чуть более 15 тыс. человек [2, д. 16, л. 7]. Поэтому завершение работ в указанные сроки в значительной степени было достигнуто за счет использования ресурсов Главоборонстроя и уменьшения объемов в связи с решением о сосредоточении всех ресурсов на строительстве первоочередных объектов.

Еще одной проблемой строительства было обеспечение транспортом. Причинами, не позволявшими максимально эффективно использовать имеющийся в распоряжении автопарк, были: неудовлетворительное снабжение горючим; плохое состояние дорог; изношенность части автопарка, сочетающаяся с отсутствием запасных частей и слабостью ремонтно-технической базы. Помощь местных организаций в обеспечении строительства транспортом была незначительной (38 грузовых и легковых автомашин). Всего же на 1 февраля 1942 года использовалось 653 машины [2, д. 16, л. 8]. Не хватало и лошадей. Собственный гужевой парк состоял из 230 единиц, по плану мобилизации районы области должны были поставить еще 2500 голов. Однако его реализация шла слабо, и большинство колхозов не выполнило данных им разверсток. Всего на строительстве было задействовано 1300 лошадей, причем их поступление происходило крайне неравномерно [2, д. 16, л. 8]. Недостаток гужевого транспорта сильно сказывался на работе полевых строителей, срывая не только подвоз необходимых технических материалов, но нередко и продуктов питания для рабочих.

Продовольственное снабжение в соответствии с постановлением ГКО осуществлялось Ивановским облторготделом и сетью потребкооперации. Эти организации не смогли обеспечить в полном объеме потребность полевых строителей в продуктах питания (картофель, мясо, сахар, масло, крупы и т. п.).

Организации области и города оказали 4-му Управлению большую помощь в обеспечении оборонительных работ инструментами. Из местных ресурсов была покрыта потребность в металле, балках, швеллерах и рельсах, цементе; получено строительное оборудование: камнедробилки, бетономешалки, лебедки, грейдеры, электромоторы. В соответствии с постановлением от 24 ноября 1941 года «Об организации производства железобетонных изделий для оборонительных рубежей» на строительство во временное пользование передавались: силикатный завод № 28 со всем оборудованием и персоналом, оборудование для производства бетона Ростекстильпромстроя, весь камень, заготовленный для дорожных работ в Иванове и в радиусе 30 км от него [2, д. 15, л. 46—47]. По окончании работ оборудование возвратили организациям, у которых оно было позаимствовано.

Исключительно за счет местных ресурсов шло снабжение полевых строителей вещевым довольствием — ватным обмундированием, валяной и кожаной обувью, постельными принадлежностями, бельем. Количество полученного вещевого довольствия было недостаточным, но все же в какой-то мере удовлетворяло потребности.

Большое значение для успешной организации труда имела система заработной платы. Существовавшая на оборонительных работах в Ивановской области до середины декабря 1941 года система, при которой за рабочими, мобилизованными с предприятий, полностью сохранялась заработная плата независимо от фактического выполнения норм выработки, крайне неблагоприятно, по мнению руководства, отражалась на производительности труда. Постановлением от 15 декабря 1941 года этой системе был положен конец и оплата рабочих поставлена в зависимость от степени выполнения ими норм выработки. Это внесло элемент материальной заинтересованности в результат труда, что укрепило трудовую дисциплину и обеспечило повышение производительности труда. Тем же постановлением было предложено установить дифференцированные нормы выработки в зависимости от физических возможностей различных групп рабочих (для женщин и подростков до 18 лет в размере 0,7) [2, д. 16, л. 17].

Необходимо отметить, что выполнение норм выработки рабочими, мобилизованными из населения, во время оборонительных работ все равно оставалось неудовлетворительным, что преимущественно объяснялось неприспособленностью их к работе в зимних условиях, проблемами с обеспечением инструментами, необходимым обмундированием, перебоями с доставкой продовольствия.

Определенные плюсы для организации труда имела и политико-массовая работа. Политруки и агитаторы, выделенные районными парторганизациями, проводили работу по мобилизации, боролись с нарушениями трудовой дисциплины, организовывали соревнование за досрочное выполнение производственных заданий. Ими было прочитано 60 лекций, 82 доклада о текущем моменте, организовано более 6000 тематических бесед [2, д. 16, л. 18].

Значительную работу провела газета «Враг не пройдет» — орган Ивановского обкома ВКП (б) на строительстве оборонительных сооружений. За несколько месяцев ее существования вышло 16 номеров (тираж от 5 до 10 тыс. экземпляров) [2, д. 16, л. 18].

В результате проведенных работ на территории Ивановской области был построен оборонительный рубеж, создающий узлы сопротивления достаточной мощности на основных стратегически важных направлениях. Владимирский рубеж, представляющий собой соединение части Ивановского обвода и Владимирского рубежа, проходил через пункты Гари, Мальтино, Гаврилов-Посад, Небылое, Андреевское, Ставрово, Ундол и шел дальше через Гусь-Хрустальный, Курлово и Великодворье. Значительные работы были произведены на законсервированной части Ивановского обвода. Гораздо хуже обстояло дело на Заволжском рубеже.

В начале строительства в Ивановской области обстановка на фронте требовала создания оборонительных рубежей, предназначенных для отражения возможного нападения противника в зимние месяцы. Впоследствии победоносное наступление Красной Армии позволило отказаться не только от строительства некоторых из ранее намеченных рубежей, но и от зимних видов сооружений, в частности снежных валов, обледенения естественных ландшафтов и т. п.

Изменение военной обстановки заставило также пересмотреть очередность строительства объектов. Некоторые из них, прикрывающие стратегически важные направления, где в зимних условиях промерзшие болота были

легко проходимы для противника, при расчете на возможное ведение военных действий в летних условиях оказались ненужными, т. к. эти болота в летний период представляли собой непроходимое препятствие. Кроме того, новые тактические соображения позволили вместо строительства сплошной линии оборонительных сооружений, требовавших затрат чрезмерно большого количества рабочей силы, перейти к этому времени на создание укрепленных узлов сопротивления, прикрывающих фронт с наименьшей затратой ресурсов на их возведение.

К числу особенностей Владимирского оборонительного рубежа относилось широкое применение различных видов противотанковых препятствий. Вместо рвов, прежде представлявших основной вид противотанкового препятствия, строились рубежи с использованием естественных условий местности и имеющихся ресурсов. Их общая протяженность по Владимирскому оборонительному рубежу составляла 93,5 км, при этом протяженность рвов — всего 10,1 км. В виде ловушек построено 17,6 км противотанковых препятствий, 38,6 км — в виде зимних препятствий (снежных валов и обледенения естественных ландшафтов). В лесистых местностях широко использовались лесные завалы [2, д. 16, л. 13]. Кроме того, было создано 4,5 км препятствий в виде надолб. Ежи и тетраэдры применялись в основном для прикрытия стратегически важных дорог, причем ставились как по самой дороге, так и в каждую сторону от нее на расстоянии 100—150 м [2, д. 16, л. 14].

Комплекс инженерных полевых сооружений, предназначенных для ведения огня, состоял из усиленных пулеметных дзотов, противоосколочных и сборных железобетонных конструкций, пулеметных, артиллерийских и минометных площадок и значительного количества окопов для противотанковых ружей. Общее количество законченных и готовых к обороне огневых точек на Владимирском оборонительном рубеже составляло 1509 [2, д. 16, л. 14].

Строительство оборонительных сооружений требовало производства трудоемких земляных работ, заготовки и разделки лесоматериалов. Между тем, полевые строительства не располагали необходимыми механизмами, да и сама возможность их использования в зимних условиях была ограничена. Положение могло быть облегчено широким применением взрывных работ, однако взрывчатые вещества в нужном объеме область получила лишь ко времени, когда основные земляные работы уже завершились. Поэтому они выполнялись исключительно ручным способом. Основными инструментами при ручной разработке грунта были ломы, кирки, клинья, кувалды и лопаты.

Объем земляных работ, выполненных при строительстве оборонительных сооружений, составил свыше 3,5 млн кубометров. Леса было заготовлено 109,4 тыс. кубометров [2, д. 16, л. 14].

В постановлении бюро Ивановского обкома ВКП (б) от 17 января 1942 года говорилось: «Дальнейшее сооружение местных линий обороны вокруг основных промышленных центров области приостановить (временно прекратить)» [2, д. 19, л. 6].

В феврале 1942 года рубеж приняла комиссия Московского военного округа с оценкой «отлично». Но фактически он был уже не нужен, и с формальной точки зрения все усилия, вложенные десятками тысяч наших земляков в строительство оборонительных сооружений, оказались напрасными. Победа под Москвой ликвидировала опасность продвижения войск врага в глубь страны. Тем не менее, такая оценка — упрощенная и неправильная.

Еще в течение довольно длительного промежутка времени оставалась потенциальная опасность оккупации прифронтовых областей, еще достаточно долго не наступал «коренной перелом». В этом контексте превентивные усилия властей по созданию оборонительных рубежей на прилегающих к Московской области территориях, трудовой подвиг местного населения и специалистов-строителей, сумевших в короткие сроки в тяжелейших условиях выполнить поставленные задачи, просто не могут быть недооценены.

Несмотря на формальное завершение строительства на основании решения ГКО летом 1942 года принимается постановление «О производстве оборонительных работ по укреплению населенных пунктов Юрьев-Польский, Киржач, Кольчугино». Оно предполагало осуществление комплекса строительно-оборонительных работ в срок до 15 июля с проведением тех же, уже опробованных в 1941 году, мер и мероприятий (мобилизация людей, привлечение транспортных средств, обеспечение строительной техникой и материалами и т. д.) [2, д. 19, л. 30—31].

И только 10 декабря 1942 года очередное постановление предусматривает «окончание оборонительных работ на территории Ивановской области». На основании приказа Генштаба по территории Московской зоны обороны для окончания работ необходимо было привлечь с 17 декабря на срок 30—40 дней порядка 2 тыс. человек [2, д. 19, л. 58]. То есть фактически строительство оборонительных рубежей на территории области продолжалось вплоть до начала 1943 года.

Библиографический список

1. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Ивановской области. Ф. 11. Гр. 3. Оп. 1.
2. Государственный архив Ивановской области. Ф. П. 327. Оп. 19.

РЕЦЕНЗИИ

Е. Л. Костылёва, А. В. Уткин

Рец. на кн.: Аверин В. А. Ивановский край в эпоху мезолита.

Иваново : Епишева О. В., 2011. 164 с. : ил.

Рецензируемая работа вышла из-под пера выпускника исторического факультета Ивановского государственного университета Вадима Аверина и представляет собой «выжимку» из его кандидатской диссертации, которую он успешно защитил в Институте археологии РАН в 2008 г.¹

Это монографическое исследование (изданное, заметим, на личные средства автора) написано в классическом стиле. Оно состоит из текстового блока (введение, семь глав, заключение, краткое резюме на английском языке, перечень архивных материалов и использованной литературы), блока иллюстраций и двух сводных таблиц по мезолитическим памятникам Ивановской области.

В первой главе «История изучения мезолита Ивановского края...» В. А. Аверин предельно кратко, но вместе с тем пунктуально освещает все этапы исследования мезолитической эпохи в нашей области. Более того, этот вопрос он рассматривает в связи с состоянием изучения мезолита на сопредельных территориях (Ярославская, Костромская, Нижегородская и Владимирская обл.).

К сожалению, автор опустил историю начала изучения стоянок на болотах в Переславском р-не Ярославской обл. в 60—70-х гг. прошлого столетия. Первыми исследователями таких мезолитических стоянок и многослойных памятников с мезолитическими слоями, как Ивановское III и VII, Берендеево III, являлись археологи А. Л. Никитин, А. М. Микляев, Д. А. Крайнов, Л. В. Кольцов и палеогеограф Н. А. Хотинский². В результате их работ были получены впечатляющие коллекции находок, включающие также изделия из

© Костылёва Е. Л., Уткин А. В., 2011

¹ *Аверин В. А.* Мезолит Волго-Клязьминского междуречья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.

² *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* Ивановские стоянки — комплекс мезо- и неолитических озерно-болотных поселений на Волго-Окском междуречье // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины : путеводитель совместного советско-французского полевого семинара по теме «Динамика взаимодействия между естественной средой и доисторическими обществами». М. : Наука, 1984. С. 92—109 : ил. ; *Крайнов Д. А., Зайцева Г. И., Уткин А. В.* Стратиграфия и абсолютная хронология стоянки Ивановское III // Сов. археология. 1990. № 3. С. 25—31 : ил. ; *Кольцов Л. В.* Мезолит Волго-Окского междуречья: бутовская и иеневская культуры // Археология СССР. Мезолит. М. : Наука, 1989. С. 68—86 : ил. ; Комплексы стоянок мезолита и неолита на болотах Берендеево и Ивановское в Ярославской области / М. И. Нейштадт, Ф. С. Завельский, А. М. Микляев, Н. А. Хотинский // Голоцен. М. : Наука, 1969. С. 129—138 : ил. ; *Никитин А. Л.* Палеогеографические условия поселения человека в голоцене и «древнейшая керамика» // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. 1980. Т. 112, № 4. С. 323—331 : ил. ; *Уткин А. В.* Хроника археологических исследований Ивановского болота // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново : Иван. гос. ун-т, 1998. С. 3—11 : ил.

органических материалов и зоофакты, были отобраны образцы на палинологический и радиоуглеродный анализы. Это расширило представления о жизни и хозяйственной деятельности мезолитического человека, особенностях среды его обитания, а также позволило уточнить хронологию мезолитической эпохи в целом и отдельных ее этапов.

Вслед за «первопроходцами» археологи, которые копали в основном дюнные (песчаные) мезолитические стоянки, сняв кеды и облачившись в болотные сапоги, пошли в топи торфяников (М. Г. Жилин, В. В. Сидоров, А. Н. Сорокин, В. М. Лозовский). Благодаря их раскопкам многократно возросла источниковая база мезолита, появились выполненные на весьма высоком уровне публикации материалов, в том числе монографического характера³.

Во второй главе «Природная среда Ивановского края в финальном плейстоцене и раннем голоцене» автор дает лишь общие представления о смене климатических режимов рассматриваемой эпохи на территории лесной зоны Восточной Европы в целом. Однако практически не конкретизируются данные по Ивановскому региону (за исключением сюжета в пять строчек на с. 23), хотя это можно было бы сделать, учитывая большой массив палинологических данных, полученных на стоянках Становое 4 и Сахтыш 14.

К сожалению, эта глава трудночитаемая. Так, перечисляемые в монографии климатические периоды позднеледникового, получившие названия по болотам и деревьям Швеции (дриас, бёллинг, аллерёд и т. д.), понятны только узкому кругу специалистов (их даже не объясняют археологи, занимающиеся, к примеру, древнерусским средневековьем или античностью).

Третья глава «Характеристика мезолитических памятников Ивановского края» самая большая по объему и основная по содержанию. В ней приводятся сведения по всем (около тридцати) мезолитическим стоянкам области. Особый интерес представляют характеристика и конкретика опорных памятников — Становое 4 (Комсомольский р-н), Сахтыш ПА, IX и 14 (Тейковский р-н) и Малая Ламна III (Южский р-н), которые являются эталонными для мезолита всего Волго-Очья. Скрупулезно описывая памятники, автор указывает их точное географическое местоположение, приводит подробную стратиграфию, дает детальное описание артефактов, сопровождаемое прекрасными графическими иллюстрациями.

Помимо сведений по памятникам, автор указывает и все местонахождения мезолита. Большинство их было обнаружено археологом Ивановского государственного историко-краеведческого музея им. Д. Г. Бурылина Е. М. Молодцовой. Однако при подготовке к публикации Археологической карты России (АКР) по Ивановской области ее автором-составителем К. И. Комаровым и А. В. Уткиным были проведены дополнительные обследования ряда местонахождений, в ходе которых было выявлено отсутствие каких-либо их следов в указанных автором открытий местах. В частности,

³ Жилин М. Г. Костяное оружие древнейшего населения Верхнего Поволжья. М. : Русская равнина, 1993. 64 с. : ил. ; *Его же*. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М. : УРСС, 2001. 326 с. : ил. ; *Его же*. Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М. : Academia, 2004. 141 с. : ил. ; Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья : по материалам стоянки Ивановское 7 / М. Г. Жилин, Е. Л. Костылёва, А. В. Уткин, А. В. Энговатова. М. : Наука, 2002. 246 с. : ил. ; *Lozowski V. M. Zamostje 2 : les derniers chasseurs-pêcheurs préhistoriques de la plaine Russe*. Treignes : CEDARC, 1996. 97 p. : ill.

это относится к стоянкам Бревенка 1 и 5 (Южский р-н) и Посна 1—3 (Родниковский р-н). Возможно, Е. М. Молодцова приняла за культурный слой эпохи мезолита остатки кострищ, связанных с существовавшим в районе бревенного завода лагерем военнопленных в годы Великой Отечественной войны (Брёвенка 1 и 5), и следы древних лесных пожаров в Родниковском р-не (Посна 1—3). К тому же в отчетах исследовательницы не было приведено фотографий или рисунков обнаруженных ею артефактов, не оказалось их и в фондах музея. По вышеуказанным причинам данные местонахождения не были включены в АКР по Ивановской области⁴. Поэтому, по нашему мнению, автору рецензируемой монографии также не стоило включать эти весьма сомнительные данные в свой обзор.

Сравнительно небольшими являются последующие главы, в которых представлены хронология памятников (глава 4), их культурная принадлежность (глава 5), проблема происхождения и исторических судеб мезолитического населения края (глава 6) и его хозяйственная деятельность (глава 7). Хронология мезолитических памятников региона базируется на представительной серии радиоуглеродных дат (более 40), полученных в лаборатории Геологического института РАН, и палинологических данных. Это позволило автору сделать обоснованный вывод, что мезолит в регионе развивался в хронологических рамках примерно от 10 300 до 7000 лет назад. Рассматривая культурную принадлежность памятников, автор следует за построениями своих предшественников М. Г. Жилина и Л. В. Кольцова, относя их к двум мезолитическим культурам — бутовской и иеневской. Касаясь проблемы происхождения и исторических судеб мезолитического населения, автор анализирует различные точки зрения, представленные в работах М. Г. Жилина, Л. В. Кольцова, А. Н. Сорокина, А. Е. Кравцова, Ю. Б. Цетлина и других исследователей, признавая при этом наиболее обоснованными взгляды Д. А. Крайнова, Л. В. Кольцова, М. Г. Жилина и Е. Л. Костылёвой. Хозяйственная деятельность населения рассматривается в соответствии с тремя основными составляющими присваивающего хозяйства — охотой, рыболовством и собирательством. К сожалению, автор, ссылаясь на работы археологов, так или иначе затрагивающих этот вопрос (М. Г. Жилин, А. В. Уткин, С. В. Ошибкина и другие), совершенно не упомянул имен специалистов, делавших определения зоо-, ихтио- и авиафауны, благодаря которым и стали возможны «археологические» построения. Это сотрудники Палеонтологического института им. А. А. Борисяка РАН — И. В. Кириллова (зоофауна), Е. К. Сычевская (ихтиофауна) и А. А. Карху (авиафауна).

Следует также отметить, что В. А. Аверин тщательно подобрал практически все архивные источники и литературу по теме. Исключение составляет лишь одна работа В. В. Сидорова, в которой присутствует небольшой сюжет с критическим рассмотрением планиграфии и стратиграфии стоянки Становое 4 и ее культурной интерпретации⁵.

Хочется надеяться, что работа В. А. Аверина положила начало серии монографических исследований, в которых будут представлены и последующие археологические эпохи в развитии населения Ивановского края.

⁴ Комаров К. И. Археологическая карта России : Ивановская область. М., 1994. 225 с. : ил.

⁵ Сидоров В. В. Реконструкции в первобытной археологии. М. : ТАУС, 2009. С. 56—58.

АННОТАЦИИ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

В. А. Евсеев

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ ЗАПАДНОГО МИДЛЕНДА В НАЧАЛЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Обозначаются разные векторы экономического развития в малых некорпоративных городах Западного Мидленда в XVI—XVII вв. Отмечается переход первенства от старых корпоративных городов региона к новым индустриальным центрам во главе с Бирмингемом, который к концу XVII в. стал самым крупным городом Мидленда и его экономической столицей.

Ключевые слова: Бирмингем, Уорик, экономическое развитие, эпоха раннего Нового времени.

М. А. Бандурин, В. Л. Черноперов

МЮНХЕНСКИЙ ДОГОВОР 1938 г. КАК КРИЗИС БРИТАНСКОЙ И ГЕРМАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ (Попытка нового прочтения)

Предпринята попытка нового прочтения предыстории Мюнхенского договора 1938 г. и его итогов в контексте англо-германских отношений с 1933 г. Доказывается, что международные события 1938 г. стали отражением кризиса внешнеполитических стратегий как Великобритании, так и Третьего рейха.

Ключевые слова: Мюнхенский договор, кризис международных отношений, англо-германские отношения, Судетская проблема.

В. Ю. Садовская

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В ПОДГОТОВКЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ГЕРМАНИИ В КОНЦЕ XX в.

Рассматривается роль социальной памяти в объединении двух немецких государств — ФРГ и ГДР. Внимание акцентируется на том, что в период подготовки объединения появился своеобразный «социальный заказ» на национальную память. По мнению автора статьи, власти ФРГ были заинтересованы в скорейшем приобщении как восточных, так и западных немцев к общим национальным ценностям для формирования исторической идентичности.

Ключевые слова: социальная память, национальная идентичность, самоидентификация, стереотипы мышления, «места памяти», единый народ, историко-политические мифы, образ прошлого.

• Серия «Гуманитарные науки»

С. М. Усманов, И. С. Борзова

БЕЛОРУССКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ УКРАИНЕ

Проанализировано восприятие белорусскими интеллектуалами политических трансформаций, происходящих в постсоветской Украине. Выявляется специфика интерпретации украинского опыта белорусской интеллектуальной элитой.

Ключевые слова: белорусские интеллектуалы, политические трансформации, постсоветская Украина.

Д. И. Польшанский

БОЛГАРСКАЯ МЕДИЕВИСТИКА В ПЕРИОД ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА

Статья посвящена особенностям развития болгарской медиевистики в период посткоммунистического транзита (90-е гг. XX в. — первое десятилетие XXI в.). Автор прослеживает взаимодействие классической и современной академических традиций на фоне популярного историописания и попыток создания исторической политики.

Ключевые слова: Болгария, историография, медиевистика, посткоммунистический транзит, историческая политика, социальный конструктивизм.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

К. Е. Балдин

ЦЕРКОВНАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в. (На примере губерний Верхней Волги)

Анализируется деятельность предпринимателей Владимирской, Костромской и Ярославской губерний по строительству и украшению православных храмов во второй половине XIX — начале XX в. Автор обращает внимание на правомерность употребления термина «церковная благотворительность». Рассматриваются поводы для крупных пожертвований промышленников и торговцев на православные храмы, причем особый акцент сделан на строительстве представителями буржуазии церквей, предназначенных для рабочих, в фабричных поселках Верхневолжского региона. Рассматривается также деятельность церковных старост, которые выступали в качестве «штатных» благотворителей, жертвуя на храмы значительные денежные суммы. Должность церковного старосты нередко представляла собой своеобразный лифт вертикальной мобильности, т. к. предприниматели, занимавшие такие посты, часто поощрялись начальством. Приводятся факты поощрения старост различными государственными наградами (орде-

нами и медалями), благословением от церковного начальства, публикацией имен щедрых жертвователей в местной официальной прессе — «Епархиальных ведомостях».

Ключевые слова: предпринимательство в дореволюционной России, церковная благотворительность, православные храмы, православное духовенство, церковные старосты.

А. В. Степанов

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА РОССИИ НАЧАЛА XX в.
ГЛАЗАМИ ПОЭТА И ГРАЖДАНИНА:
И. И. ТХОРЖЕВСКИЙ И ЕГО МЕМУАРЫ**

Представлен очерк жизни и деятельности чиновника Министерства земледелия России и поэта-переводчика И. И. Тхоржевского (1878—1951). Исследован недавно опубликованный сборник его воспоминаний и биографических зарисовок для определения ценности этих материалов как исторического источника. Показана беспристрастность Тхоржевского в описании людей и событий, а также глубокое знание фактов и совершенный стиль языка.

Ключевые слова: И. И. Тхоржевский, Главное управление земледелия, С. Витте, П. Столыпин, аграрная реформа, Россия начала XX в.

Чернов Л. А.

**УНИФОРМА ОФИЦЕРОВ РУССКОЙ АРМИИ В МАНЬЧЖУРИИ
В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904—1905 гг.**

Статья посвящена изучению формы русских офицеров в действующей армии на территории Маньчжурии в годы русско-японской войны. Раскрываются основные моменты, связанные с развитием униформы на рубеже XIX—XX вв., внешним видом командного состава войск. Дана оценка качества и приспособленности обмундирования к условиям войны на Дальнем Востоке. Кратко затронута тема амуниции и вооружения.

Ключевые слова: русско-японская война 1904—1905 гг., униформа офицеров, летняя форма, зимняя форма.

Ильин Ю. А.

**КОММУНАЛЬНАЯ ЭНЕРГЕТИКА г. ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКА
В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
И ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
(лето 1914 — 1917 г.)**

Рассказывается о противостоянии общественного управления и крупного капитала Иваново-Вознесенска по вопросу владения электрической станцией и кабельной сетью города и их эксплуатации в указанный период. Содержится интересная информация о разных подходах сторон к разрешению

данного конфликта, приводятся производственная, финансовая и техническая характеристики муниципальной энергетики в 1914—1917 гг.

Ключевые слова: общественное управление, крупный капитал, противостояние, компромисс, электрическая станция, кабельная сеть, производство, финансы, техническое оснащение.

А. Г. Горюнова

ИСТОРИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВСЕРОССИЙСКОГО ДОБРОВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА «ДОЛОЙ НЕГРАМОТНОСТЬ» В СОВЕТСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Характеризуются этапы изучения деятельности Всероссийского добровольного общества «Долой неграмотность». Рассматриваются особенности подходов к изучению данного вопроса в разные периоды. Автором называются наиболее важные монографии и статьи, опубликованные с 1920-х гг. до настоящего времени, посвященные ликбезу.

Ключевые слова: ликвидация неграмотности, общественные организации, долой неграмотность, историография.

С. Т. Смирнова

ЗАРИСОВКИ К ПОРТРЕТУ А. В. ЛУНАЧАРСКОГО: ПО СВИДЕТЕЛЬСТВАМ СОВРЕМЕННИКОВ

Анализируются воспоминания и дневники российских политиков и представителей художественной элиты России с целью выявления импрессионистических и экспрессионистических характеристик, данных авторами видному государственному деятелю, первому наркому просвещения Советской России А. В. Луначарскому.

Ключевые слова: культурное строительство в СССР, Наркомат просвещения, народный комиссар А. В. Луначарский, политические лидеры, художественная интеллигенция.

С. В. Точенов

СТРОИТЕЛЬСТВО ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941—1943 гг.

Представлена попытка переосмысления событий начального этапа Великой Отечественной войны. Рассматривается ранее засекреченный эпизод истории Ивановской области, связанный с разработкой и осуществлением программы строительства оборонительных сооружений в 1941—1943 годах.

Ключевые слова: начальный этап Великой Отечественной войны, оборонительные сооружения.

SUMMARIES

GENERAL HISTORY

V. A. Evseev

PECULIARITIES OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF SMALL TOWNS IN WEST MIDLAND IN THE BEGINNING OF EARLY MODERN TIME

The article is devoted to different trends of economic development of small towns in West Midland in XVI—XVII centuries. The priority turned from the old corporate towns of the region to the new industrial centers such as Birmingham, which stained the economic capital of Midland to the end of the XVII century.

Key words: Birmingham, Warwick, economic development, Early Modern Time.

M. A. Bandurin, V. L. Chernopyorov

MUNICH AGREEMENT OF 1938 AS THE CRISIS OF BRITISH AND GERMAN DIPLOMACY (New attempt of reading)

In the article the attempt of the new reading of the events leading up to Munich Agreement of 1938 and its consequences in the context of anglo-german relations from 1933 is undertaken. It is argued that international events of 1938 became a reflection of the crisis of the foreign strategies of Great Britain and Third Reich.

Key words: Munich Agreement, crisis of international relations, anglo-german relations, Sudeten problem.

V. Yu. Sadovskaya

THE ROLE OF SOCIAL MEMORY IN THE PREPARATION OF UNIFICATION OF GERMANY IN THE END OF XX CENTURY

The article deals with the role of social memory in unification of two German states — West and East Germany. The author focuses on the fact that during the preparation of unification a sort of «social order» for the national memory appeared. According to the author's opinion, the government of West Germany had an interest in attraction of both eastern and western Germans to shared national values for the formation of historical identities.

Key words: social memory, national identity, self-identification, stereotypes of thinking, memorial places, united nation, historical and political myths, image of the past.

S. M. Usmanov, I. S. Borzova

**BELORUSSIAN INTELLECTUALS
AND POLITICAL TRANSFORMATIONS IN POST-SOVIET UKRAINE**

The view of Belorussian intellectuals towards political transformations in the post-Soviet Ukraine is studied in the article. The authors point out the specificity in the interpretation of Ukraine's experience by Belorussian intellectuals.

Key words: Belorussian intellectuals, political transformations, post-Soviet Ukraine.

D. I. Polyvyanny

**BULGARIAN MEDIEVAL STUDIES DURING THE PERIOD
OF POST-COMMUNIST TRANSITION**

The article is devoted to the specific features of the medieval studies in Bulgaria in the period of post-communist transition (the 90-ies of the 20th and the first decade of the 21st c.). The author follows the interactions between the classic and contemporary academic traditions against the background of the popular history writing and attempts to establish the politics of history.

Key words: Bulgaria, historiography, medieval studies, post-communist transition, politics of history, social constructivism.

RUSSIAN HISTORY

K. E. Baldin

**THE CHURCH CHARITY OF PROVINCE BUSINESSMEN
IN THE SECOND HALF OF XIX — THE BEGINNING OF XX CENTURIES
(Based on examples of Upper Volga provinces)**

The article is devoted to the analysis of Vladimir, Kostroma, Yaroslavl province businessmen activities in the construction and decoration of Orthodox Church in the second half of XIX — the beginning of XX centuries. The author pays attention to legitimacy of usage of the term «church charity». The reasons for presenting large charitable gifts by province businessmen are also analyzed. The special attention is paid for constructions of churches for workers in manufacturing settlements of Upper Volga provinces initiated by bourgeois. The church wardens' activities and their large charitable gifts are presented. The post of church warden often meant the so-called lift of vertical mobility, because the businessmen holding those positions were usually encouraged by the heads. The article includes the information about the facts of the warden encouragement by different state awards (orders and medals), priest blessing and printing of the supporters' names in local press — «Eparchy News».

Key words: business in pre-revolutionary Russia, church charity, orthodox churches, orthodox churchmen, church wardens.

A. V. Stepanov

**POLITICAL ELITE IN EARLY XX CENTURY RUSSIA THROUGH
THE EYES OF A POET AND A CITIZEN:
IVAN TKHORZHEVSKY AND HIS MEMOIRS**

Curriculum vitae of Ivan Tkhorzhevsky (1878—1951), an official at the Russian Ministry of Agriculture and a translator of verse, is outlined. The recently published collection of his memoirs and biographical essays is examined to assess the value of this stuff as a piece of historic evidence. Tkhorzhevsky's unbiased description of people and events, as well as his profound knowledge of facts and perfect style of writing are displayed.

Key words: Ivan Tkhorzhevsky, Ministry of Agriculture, Sergey Whitte, Petr Stolypin, agrarian reform, early XX century Russia.

L. A. Chernov

**RUSSIAN OFFICERS' UNIFORM
IN MANCHURIA DURING THE RUSSO-JAPANESE WAR 1904—1905**

This article is devoted to the analysis of officers' uniform of Russian Army in Manchuria during the Russo-Japanese War 1904—1905. The author shows some basic moments of the uniform's development at the turn of the XXth century and high ranks' field dress. The uniform quality and its suitability to the war conditions are evaluated. Officers' ammunition and weapons are shortly described.

Key words: Russo-Japanese War 1904—1905, officers' uniforms, summer uniform, winter uniform.

Yu. A. Ilyin

**MUNICIPAL POWER ENGINEERING
OF IVANOVO-VOZNESENSK IN THE PERIOD OF FIRST WORLD WAR
AND FEBRUARY REVOLUTION
(summer 1914 — 1917)**

The article deals with contradiction between public administration and the representatives of big business in the problem of property and exploitation of Ivanovo-Voznesensk's electric power station and cable net in this period.

The article includes interesting information about different points of view to this problem. There are also many facts about industrial, financial and technological characteristics of municipal power engineering in 1914—1917.

Key words: public administration, big business, contradiction, compromise, electric power station, cable net, production, finances, equipment.

A. G. Goryunova

**THE HISTORY OF WORK OF ALL-RUSSIAN VOLUNTARY SOCIETY
«DOWN WITH ILLITERACY» IN THE SOVIET
AND PRESENT-DAY HISTORIOGRAPHY**

In the article the author considers and describes stages of investigation of the All-Russian «Down with Illiteracy» society's work. Peculiarities of approaches to investigation of this subject in different periods are considered. The most important monographs and articles devoted to the elimination of illiteracy and published starting from the 1920-s up to date are mentioned by the author.

Key words: campaign against illiteracy, society organizations, down with illiteracy, historiography.

S. T. Smirnova

**SKETCHES TO THE PORTRAIT OF A. V. LUNACHARSKY:
ON THE BASIS OF EVIDENCES OF CONTEMPORARIES**

Memoirs and diaries of Russian politicians and representatives of Russian artistic elite are analyzed in the article. They give impressionist and expressionist characteristics to the outstanding state personality, the first People's Commissar of enlightenment of Soviet Russia A. V. Lunacharsky.

Key words: culture building in the USSR, People's Commissariat of enlightenment, People's Commissar A. V. Lunacharsky, political leaders, artistic intelligentsia.

S. V. Tochenov

**BUILDING OF DEFENSE CONSTRUCTIONS IN IVANOVO REGION
IN 1941—1943**

The given research is an attempt to re-evaluate the events of the first period of the Great Patriotic War. Previously security-restricted episode from the history of Ivanovo region concerning the development and realization of defense construction programs is considered in the article.

Key words: the first period of the Great Patriotic War, defense constructions.

Сведения об авторах

БОРЗОВА ассистент кафедры новой, новейшей истории
Ирина Сергеевна и международных отношений,
Ивановский государственный университет.
irafor@yandex.ru

БАЛДИН доктор исторических наук, профессор,
Кирилл Евгеньевич заведующий кафедрой истории России,
Ивановский государственный университет.
kebaldin@mail.ru

БАНДУРИН аспирант кафедры новой, новейшей истории
Михаил Александрович и международных отношений,
Ивановский государственный университет.
js.ivsu@bk.ru

ГОРЮНОВА аспирантка кафедры
Алёна Геннадьевна новейшей отечественной истории,
Ивановский государственный университет.
algor87@mail.ru

ЕВСЕЕВ доктор исторических наук, профессор кафедры
Владимир Александрович истории Древнего мира и Средних веков,
Ивановский государственный университет.
yevseyev@mail.ru

ИЛЬИН доктор исторических наук, профессор
Юрий Александрович кафедры новейшей отечественной истории,
Ивановский государственный университет.
Pyin37@mail.ru

КОСТЫЛЁВА кандидат исторических наук,
Елена Леонидовна доцент кафедры истории России,
Ивановский государственный университет.
elkos-ty-le-va@mail.ru

ПОЛЫВЯННЫЙ доктор исторических наук, профессор,
Дмитрий Игоревич Ивановский государственный университет.
dipol53@mail.ru

САДОВСКАЯ кандидат исторических наук,
Валерия Юрьевна доцент кафедры новой, новейшей истории
и международных отношений,
Ивановский государственный университет.
sadvskaya@hotmail.ru

СМИРНОВА кандидат исторических наук, доцент
Светлана Тимофеевна кафедры новейшей отечественной истории,
Ивановский государственный университет.
gssmirnov@mail.ru

СТЕПАНОВ кандидат исторических наук,
Аркадий Владимирович доцент кафедры истории России,
Ивановский государственный университет.
pastenovas@mail.ru

ТОЧЁНОВ кандидат исторических наук, доцент
Сергей Валерьевич кафедры новейшей отечественной истории,
Ивановский государственный университет.
stochenov@rambler.ru

УСМАНОВ доктор исторических наук,
Сергей Михайлович профессор кафедры новой, новейшей истории
и международных отношений,
Ивановский государственный университет.
ilapsi@yandex.ru

УТКИН сотрудник археологического музея,
Александр Витальевич Ивановский государственный университет.
(4932) 32-61-88

ЧЕРНОВ аспирант кафедры истории России,
Лев Алексеевич Ивановский государственный университет.
lev_chernov@mail.ru

ЧЕРНОПЁРОВ доктор исторических наук, профессор,
Василий Львович заведующий кафедрой новой, новейшей истории
и международных отношений,
Ивановский государственный университет.
vlchernoperov@rambler.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«ВЕСТНИКА ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК** (для естественных и технических специальностей), **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, редактирование и сокращение текстов статей.

8. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

1. Статьи авторов, являющихся преподавателями, сотрудниками или обучающимися ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании письменного решения (рекомендации) кафедры или научного подразделения ИвГУ и рецензии доктора наук, не являющегося научным руководителем (консультантом), руководителем или сотрудником кафедры или подразделения, где работает автор.

2. Статьи авторов, не работающих и не обучающихся в ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании рекомендации их вуза или научного учреждения и рецензии доктора наук, работающего в ИвГУ.

3. Поступившие статьи проходят далее рецензирование одного из членов редколлегии соответствующей серии (выпуска), являющегося специалистом в данной области.

4. Статья принимается к публикации при наличии двух положительных рецензий и положительного решения редколлегии серии (выпуска). Порядок и очередность публикации статьи определяются в зависимости от объема публикуемых материалов и тематики выпуска.

5. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом.